

"Город для троих (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Город для троих

«Этот город соткан из поликлиник,

Магазинов, прачечных, метростроев.

И когда в разорванном птичьем клине

Узнаешь рисунок своих обоев,

То проходишь мимо без интереса,

Словно держишь путь из сортира в кухню.

Если небо рухнет на эту местность

Будет лучше всем – но оно не рухнет»

/Спасибо-Здравствуй. Федор Назаров/

По пешеходной улице в самом центре города шли двое мужчин, по виду ничем не примечательных. Но по их походке внимательный наблюдатель мог бы сразу отличить их от других: утром буднего дня они не спешили на работу. Практически все обгонявшие их пешеходы, в основной массе белые воротнички, торопились в свои офисы, на деловые завтраки и переговоры.

Те двое, внешне похожие на всех, выделялись поведением. Они просто шли, и, что могло показаться любопытным, шли по прямой, словно не замечая других прохожих, которые огибали их справа и слева, тоже не обращая на них никакого внимания. В большом городе, особенно с утра, люди не смотрят по сторонам: все слишком заняты, все слишком спешат.

- Ты можешь хотя бы объяснить толком, что тебя так гнетет? – не выдержав затянувшегося молчания, спросил один.

- С чего ты взял, что меня именно гнетет? Я просто полагаю, что этот мир неудачный, и поэтому собираюсь его уничтожить. Я создам другой, не волнуйся. Всем будет там лучше, ни одного кролика не пострадает.

Губы того, кто так рассуждал, исказила циничная усмешка. Этому мужчине можно было назвать скорее высоким – около метра восьмидесяти пяти. Ему бы одежду поярче, немного поэлегантнее костюм, и, возможно, кое-какие прохожие, женщины, и обернулись бы, даже утром. Но этот человек в то утро предпочел серые брюки и мешковатый свитерок, что сообщало всей его фигуре неприятный и будто бы бедноватый, скучный вид.

Только очень внимательная незнакомка могла бы понять по его походке, что под нарочито свободной во всех смыслах одеждой одного скрыто тренированное, возможно, почти безупречное тело. А мимика и жесты другого не совпадали с образом человека, которому никак не удастся заработать на приличный гардероб. Заметив это, внимательная незнакомка удивилась бы, потому что ей стало бы ясно, что оба собеседника тщательно маскировались.

- Но мне нравится этот мир, - твердо сказал второй мужчина, одетый в том же стиле: свободная рубашка, которая вроде и подходила по размеру, но не «сидела», и потертые джинсы – не для красоты потертые, а явно ношенные, с вытянутыми коленями. Кем бы ни были эти двое, они

явно не хотели привлекать внимания. Просто гуляли и беседовали. - Здесь красивые девушки.

- Здесь скучно, - отрезал первый. - Я ошибся, город - плохая идея.

- Ну, создай область вокруг, пусть будет сельский пейзаж, - взмахнул рукой тот, что в джинсах.
- Нельзя же просто взять и уничтожить. Этот мир может расширяться.

- Нельзя просто взять, и расширить, - передразнил его оппонент. - За кого ты меня принимаешь? Даже я не могу держать такую махину один.

- Я помогаю вообще-то, - обиделся второй. - Рано или поздно появится еще кто-нибудь.

- Но пока никого нет, кроме нас с тобой. И я хочу новый мир. Этому нечем меня заинтересовать, - почти капризно отрезал первый.

- А девушки? - скорее, пошутил, чем возразил, второй. Но его собеседник остался серьезным.

- Ты слишком много думаешь о девушках, - сказал он. - Но, если хочешь - они слишком предсказуемы.

- А мне кажется, ты просто предвзят.

- Хорошо. Проведем небольшой эксперимент. Спорим, три девушки подряд поведут себя одинаково? - тот, что в мешковатом свитерке, внезапно подобрался и сменил капризный, скучающий тон на собранный и энергичный.

- Ты собираешься включить все обаяние и приглашать их на свидание? Это нечестно, просто гипноз.

- Я обещаю не использовать гипноз. Могу еще больше изменить внешность. Так тебя устроит?

Тот, что в мешковатом свитерке, внезапно стал меньше ростом. Теперь уже и самый невнимательный наблюдатель заметил бы, как его нос вытягивается и слегка искривляется, как глаза и волосы из черных выцветают в серые, а губы утончаются.

- Хватит, ты уже похож на мутанта, - хмыкнул второй. - Теперь собираешься их пугать, что ли?

- Напротив. Собираюсь за деньги предложить пойти со мной на свидание. Что может быть противнее? Будут отказываться - стану милым. Согласятся - буду еще противнее. Обещаю не стимулировать их ни к чему. Что скажешь?

- Думаешь, они все откажут?

- Не знаю, и мне все равно. Может, и согласятся, - он повернулся к собеседнику и поймал его взгляд, и продолжил с нажимом: Я просто тебя уверяю, что они все поведут себя одинаково. Одинаково, понимаешь? Они как стадо баранов. Ну что, спорим?

- Четыре девушки. Ты поговоришь с четырьмя девушками. И я с тебя глаз не спущу. Если ты будешь побуждать их действовать одинаково - я увижу, - жестко выпалил его собеседник, на которого нисколько не произвел впечатления гипнотизирующий властный взгляд.

- Да как скажешь, - заметно повеселев, сказал тот, что в серых брюках. Длинноносый, с серыми волосами.

Второй улыбнулся и протянул ладонь:

- Договорились.

Грей снова широко улыбнулся: это было весело. Не в том плане, что он ждал чего-то забавного от девушек, нет, в этот раз он играл наверняка, хоть участвовать в таком споре и казалось немного нечестным. Но создавать новый мир – это же так интересно. Он не мог этого делать без согласия Лорана, который много лет назад стал его лучшим другом и поддерживал в самые сложные времена.

Грей не мог проявить безразличие к его мнению. По поводу уничтожения этого города, составляющего для обоих весь мир, они спорили долго, уже четыре года. И он предполагал, что дискуссия может затянуться еще, но неожиданно на Лорана напало настроение держать пари – и вот все решилось. До конца света осталось всего четыре коротких диалога. Грей едва не вибрировал от возбуждения, подходя к первой девушке, чтобы пристать, без преувеличения, с глупостями.

- Девушка, хотите пять тысяч? – весело начал он.

- Что?

Незнакомка в черной узкой юбке, белой блузке и коротеньком пиджачке замерла, нахмурившись. Он явно помешал ей дописать смс, которую она набирала, ничего и никого вокруг не видя, двигаясь наощупь сквозь толпу пешеходов. Когда он задал вопрос, ей пришлось остановиться и поднять взгляд. Затем цепкие глаза быстро осмотрели его сверху вниз, а пухлая губка дернулась с еле-заметным презрением.

«Да, не красавец, – насмешливо подумал Грей. – Не в этот раз, малышка».

- Я хочу дать вам пять тысяч, если вы согласитесь пойти со мной на свидание сегодня вечером, – терпеливо повторил он, ни единым мускулом лица не выдав своих мыслей.

«Сегодня вечером этого мира уже не будет».

- Вам нечего делать? – с легким раздражением спросила она, снова презрительно дернув верхней губкой и на секунду закатив глаза. Неглупая, симпатичная внешне, но абсолютно стандартная, подумал Грей, ее реакция не отклонялась от ожидаемой ни на миллиметр. Он улыбнулся, включая немного обаяния – нет, не гипнотического, которое запретил использовать Лоран. Если он включит гипноз – она согласится мгновенно на все, даже раздеться и отдаться ему прямо посреди этой улицы. Лоран прав – это совсем нечестно и, конечно же, некрасиво и скучно. Поэтому он просто стал милым, в самом обычном смысле этого слова – чтобы переубедить ее.

- Конечно же, есть, – с улыбкой произнес он, – просто я пал жертвой вашей красоты. Простите. Конечно, это глупо...

Он слегка опустил ресницы, демонстрируя глазами разочарование, и девушка «повелась».

- Нет, не глупо, – она покачнулась в его сторону, когда он отступил на шаг. – Простите, просто я занята. У меня есть парень, – вывернулась девушка.

«Врешь», – подумал Грей, мельком посмотрев ей в глаза. Ложь видна даже непрофессионалу, а

он был профессиональным психологом. Ложь - самое заметное, что только может быть: мало кто умеет хорошо скрывать ее. Хочешь хорошо солгать - скажи правду. Не договори, слукавь, но только не лги напрямую: все равно ничего не выйдет.

- Но я же прошу только одно свидание, - с неуверенной улыбкой сказал он. - Мы просто поспорили с другом, понимаете? Он уверен, что у меня не выйдет. Только час вашего времени. Я, правда, заплачу вам пять тысяч. Могу прямо сейчас дать одну, и еще четыре - потом.

Девушка закусила пухлую губку. Она спрятала взгляд, но Грей успел увидеть искорки жадности - если бы не деньги, она бы отказалась. Оценив его с головы до ног, ее взгляд сразу сказал: «без шансов», но пять тысяч кредитов на дороге не валялись. Грей знал, какую сумму предложить: среднемесячную зарплату среднего городского клерка. А им такая девушка, скорей всего, и была. Поэтому это для нее не фантастическая сумма - не напугает, но достаточная, чтобы поддаться на искушение.

Спустя минуту она согласилась, достала из лакированной черной сумочки крохотный блокнотик, начертила шесть цифр коммуникационного номера. Положив бумажку в карман, Грей проводил ее взглядом и повернулся к Лорану, стоявшему чуть поодаль, победно улыбнулся. Теперь он почти досконально знал, как поведет себя каждая из трех следующих девушек. Не потому, что был предсказателем, а потому, что был уверен: каждая поведет себя примерно так же.

Обменяв ее номер на тысячу кредитов, он дождался, когда девушка уйдет, а затем повернулся и, не выбирая, подошел к следующей женщине. Грей мог бы присмотреть девушку, внешне похожую на первую, или хотя бы такую же по возрасту - но если он играл, то всегда честно.

- Девушка, хотите пять тысяч?

- Да, давайте, пока не началось, - она протянула ладонь.

Грей хмыкнул от неожиданности. Нахальная, значит. Что ж... само по себе это ни о чем еще не говорит. Он широко улыбнулся, отыгрывая реакцию на шутку.

- Только за это я попрошу...

- Ну вот, началось. Тогда не надо, всего доброго, - девушка покачала головой, ослепительно улыбнулась и шагнула в сторону, чтобы его обойти. Грей проворно преградил ей путь и улыбнулся еще шире и обаятельнее, словно у них было соревнование:

- Погодите, я же прошу совсем немного. Это не мошенничество, - сказал он, выдав такой честный взгляд, что это, вкуче с тем, что он на самом деле говорил правду, не могло не повлиять на нее. Но девушка снова покачала головой:

- Я вовсе не думаю, что это мошенничество. Просто не хочу. Спасибо.

И пошла прочь, упрямо цокая каблучками - не спеша, не убегая, но и не медля, не ожидая, что догонит. Она уходила так, словно его и не встречала - просто продолжала свой путь.

Грей замер и поймал насмешливый взгляд Лорана. А потом сузил глаза: ну уж нет, так просто его не обыграть. Резко сорвавшись с места, он тремя шагами догнал беглянку. Симпатичную, между прочим - он успел оценить и шелковистые светлые волосы длиной ниже плеч, и пухлые губы, и густые темные ресницы, смягчающие ее, в общем-то, жестковатый взгляд.

- Позвольте задать вам вопрос, - самым изысканным, светским тоном заново начал он, чувствуя прилив энергии.

- Не надо, - она вынужденно остановилась, когда он обошел ее, фактически преградив путь. Их глаза встретились. Он готовился успокаивать ее раздражение, вполне справедливое в такой ситуации, но вновь она удивила его. В глазах незнакомки не было ни возмущения, ни испуга... ни любопытства, ни удовольствия - они почти ничего не отражали. Он пропустил вдох, и теперь всерьез заинтересовался.

- Пожалуйста, отпустите меня, пока я еще жива, - с неожиданно доверительными интонациями попросила она, при этом оглянувшись. Невольно проследив за ее взглядом, он ничего не увидел в том направлении, куда она смотрела, мгновенно вернулся и, поймав искорку смеха в ее карих солнечных глазах, улыбнулся. Попался. Надо же. Два-ноль.

- Это шутка? - все еще улыбаясь, уточнил он, с предвкушением. Забавно. «Развлечемся», - решил он, и после этого с каждой секундой уверенность только нарастала.

Она молчала, не улыбаясь, смотрела в глаза. Искры смеха плескались где-то в глубине зрачков.

- Выпейте со мной что-нибудь, - предложил он, когда понял, что ответа не будет. - Что вы любите?

- Вот, видите, вы убиваете меня своими банальными предложениями, - все же допустив небольшую улыбку, сказала она, подняв пальчик. Он широко улыбнулся, но не засмеялся. Он смотрел ей прямо в глаза, и даже его ноздри шевельнулись от азарта.

- Но вы еще не умерли, - медленно отметил он, впервые позволив своему взгляду скользнуть ниже, по ее фигуре. Всего на пару секунд, но он умел смотреть правильно. Так, чтобы не хамить взглядом, но и не суетиться. Чтобы смутить.

Девушка приоткрыла рот на какую-то долю секунды, тут же захлопнула, но он заметил. Как и то, что она порозовела, хотя изумительно, неправдоподобно хорошо для юной прелестницы владела собой. Другая покраснела бы до ушей, но этой и небольшого смущения хватило, чтобы разозлиться на себя, об этом свидетельствовало еле уловимое сжатие челюстей, которые моментально разжались, и движение ноздрей, словно у строптивой лошадки.

Грей, уже почти не скрываясь и не играя, смотрел на нее в упор и едва заметно дернул уголком рта, давая понять, что заметил ее реакцию и нащупал брешь в ее броне.

- Кофе, - уверенно предложил он, даже не задавая вопроса, просто констатируя.

- Нет.

Она развернулась и пошла в противоположную сторону, не обходя его. Инстинктивно понимая, что он не позволит, не дала даже шанса себя коснуться. Она что, телепат? Как она могла так прочувствовать его за считанные минуты? Ведь она обыкновенная.

И как так: просто нет? У него в голове даже зашумело. Он три или четыре секунды смотрел ей в спину. Сейчас обернется, передумает, рассмеется и скажет «ну, хорошо. Только один кофе - так уж и быть, уделю вам двадцать минут».

Но он все стоял и смотрел, а девушка удалялась. Она уже прошла мимо Лорана, уже пересекла

маленькую дорожку с односторонним движением, и ни разу не обернулась. Она уходила. Когда незнакомка опустила руку в карман, достала брелок, и на красной крохотной машинке, припаркованной на той стороне, отозвалась сигнализация, он очнулся. В несколько прыжков Грей достиг пешеходного перехода, пересек его, едва не бросившись под колеса внедорожнику – тот экстренно затормозил, бешено засигналил – и догнал ее, когда она уже села в машину.

Придержав ее дверцу, он снова встретил ее взгляд – и снова это взгляд оказался ошеломляюще спокойным – учитывая то, что он творил. Она лишь перевела глаза на его пальцы, придерживающие дверь ее хэтчбэка, молча указывая на недопустимое поведение.

- Вам не удалось меня удивить, – прохладным на этот раз голосом произнесла она, словно выносила приговор.

- Я понял, – мягко улыбнулся он. – Сейчас я это сделаю.

- Ну, попробуйте. А потом отпустите мою дверцу, договорились?

- Я исполню ваше желание. Одно желание. Любое.

- Если? – ее брови поднялись, глаза пронзали не слабее лазера. Грей выдал самую мягкую улыбку из всего своего арсенала.

- Без всяких «если». Я понимаю с первого раза, – он безотрывно смотрел ей в глаза. Девушка поднесла ко рту палец, покусала ноготь, посмотрела в сторону, и его глаза расширились. Это было невероятно, но она не рисовалась, он готов был в этом поклясться. Она вообще о нем не думала, во всяком случае, он не видел ни малейшего смущения в ее глазах, ни малейшего желания произвести впечатление. Она действительно анализировала его предложение и просто решала, принять его или нет, и действительно все еще не могла решить.

Когда она, наконец, решила, то убрала руку от лица, кивнула и посмотрела вновь ему в глаза, не улыбаясь:

- Хорошо, удивили. Я подумаю. Запишите мне свой телефон.

- Идет, – он снова мягко улыбнулся, прямо в воздухе создал листок бумаги. Когда он поднес к нему руку, в ней уже была шариковая ручка, и этой ручкой он написал номер, подавляя желание поднять глаза до того, как вывел последнюю цифру. Тогда он передал ей листок и внимательно посмотрел в лицо: удивления оно не отражало. Его сердце екнуло, но прежде, чем он успел бы что-то спросить или сказать, девушка потянулась к ручке на дверце машины и захлопнула ее.

Грей шагнул в сторону, позволяя ей отъехать, и красная машинка со своей хозяйкой внутри умчалась, оставив его в сумбуре удивления, любопытства и восторга.

- Как мне удалось понять, конец света откладывается, – язвительно, но радостно, прокомментировал Лоран, когда Грей вернулся к нему, на другую сторону дорожки.

- Ты все всегда правильно понимаешь, мой друг, – немного отсутствующим тоном отозвался Грей, не переставая улыбаться в предвкушении.

- Она хорошенькая. Такие ножки...

- Ножки? – поднял брови Грей. Лоран засмеялся. А Грей нахмурился, сообразив, что он даже не

рассмотрел как следует, и, в сущности, понятия не имел, какие у нее ноги. И, что самое невыносимое – он даже не знал до сих пор ее имени.

Грей. Высотка, частные апартаменты.

Недополис. Его город следовало бы назвать так, но здесь каждый называл его по-своему. Грей мрачно смотрел сверху на свое творение. За стеклом во всю ширь стены, от пола до потолка, открывалась полная панорама. Увидеть больше, чем отсюда, можно было только, если взлететь. Но это отнимало силы, и он летал в основном по делам.

Он создал обычный город, не допуская никаких будоражащих воображение штучек. Серо-коричневые панельные дома, симметричные кварталы, кривоватые улицы, стандартные фонари. Слегка выделялась лишь деловая часть – темное стекло, местами кирпич. Занимаясь стройкой, Грей время от времени привлекал к этой работе дизайнеров из числа спящих или постоянных жителей. Они выдавали лаконичные решения, которые в прошлой жизни он назвал бы унылыми, а теперь – не раздражающими.

Это качество он теперь более всего ценил в окружающих вещах: главное, чтобы они не раздражали. Не бесили. Ни о чем не напоминали – особенно о том, что могло бы у него быть и никогда уже не будет. Он выстроил город одновременно безликий и уникальный, не похожий ни на какой другой хотя бы потому, что вообще не имел никаких отличительных признаков. И его тридцать лет все устраивало, а теперь он хотел его уничтожить и пойти дальше. Забыть о том, что идти некуда и пойти куда угодно. Куда-нибудь.

Но эта девушка его задержала. Задержала и не звонила, вот уже пять дней. Грей весь извелся, мало спал и ел, и впервые за последние годы ощущал нелепый страх, что она ускользнет. Хотя и знал, что человек, однажды проснувшийся в его городе, никуда не может деться. И даже если ему придется потратить год, он в конце концов найдет ее среди миллиона жителей. Он переберет горожан, как крупу – и непременно обнаружит ее, ведь из этого мешка не может просыпаться ни одна крупинка.

Резкий сигнал коммуникатора заставил его вздрогнуть. Он сам поставил максимальную громкость пять дней назад, под властью того же панического страха упустить ее. И вот она позвонила – не было ни малейшего сомнения, что это она. Немногие люди знали этот номер, и все они были вбиты в его базу контактов. Грей принял звонок и ответил максимально нейтральным тоном:

- Привет.

Попалась. Теперь у него есть ее номер.

- Привет, - ответил мягкий женский голос. - Научите меня так смотреть.

- Что?

Он сразу не понял, о чем она говорит, слишком возбужденный. Даже дышать стало тяжело, когда он понял, что это и впрямь она.

- Смотреть, как вы. Помните, вы посмотрели на мою грудь, и... вы ведь знаете, как сильно это смущает?

Грей замер с коммуникатором у уха. Он смущал этим взглядом женщин столько, сколько себя

помнил. Сотни женщин, и ни одна ни разу не заговорила об этом, потому что для этого надо было вначале признать, что смущена. Нормальные люди предпочитают не обсуждать таких вещей, но эта девушка еще ни разу не повела себя с ним, как нормальная. Грей на секунду задумался: что, если она просто псих? Какая-нибудь шизофрения запросто объяснила бы отсутствие удивления при виде волшебства, которое он сотворил. И эту необычную откровенность.

- Знаю, - мягко сказал он, воздержавшись от иронии, словно и впрямь говорил с душевнобольным человеком.

- Вы можете научить?

- Да. Пожалуйста, говори мне «ты».

- Хорошо.

Она прерывисто вздохнула в трубку. Возбуждена? Смущена? Заинтересована? Или вправду больна? Вряд ли. Все-таки вряд ли.

- Почему ты хочешь научиться именно этому? - спросил он после небольшой паузы. Грей чувствовал, что весь вибрирует от желания бежать, нестись к ней, или хотя бы договориться о встрече, не теряя ни секунды. Но сейчас он хотел быть сверхосторожным: пусть предложит сама.

- Потому что все остальное, что вы показали, я умею, - ровным голосом сообщила она.

- И создавать предметы?

- Да, конечно. Это так банально... Как тебя зовут? - спросила она, и в ее голосе появился первый призрачок любопытства. Он улыбнулся:

- Грей.

- А меня Ашка.

- Очень приятно, - искренне сказал он, еще шире улыбаясь. Поймав свое отражение в отблеске стекла, Грей подумал, что выглядит подозрительно по-идиотски, но все, что он мог сделать с этим - это отвернуться от отражения.

- Ты любишь центральный парк? - спросила она.

- Там бывает уютно осенью. Но весной мне больше нравится северный.

- Сейчас же лето.

- Верно.

«Мне все равно, в каком парке тебя встретить, только поскорее», - мысленно взмолился он.

- Давай через час в центральном. Можешь?

- Могу. Ты знаешь, что ты упрямец и капризуля? - решил добавить он.

На том конце воцарилась пауза.

- Хочешь меня повоспитывать? – осведомилась она почти бесстрастно, но чуть более тихим голосом, чем до этого, и Грей почувствовал, как кровь прилила к низу живота. Он закусил губу, усилием воли справился с физическим возбуждением.

- Только если ты попросишь, - парировал его ровный голос.

- Как ты мог это не почувствовать? – изумился Лоран.

Его друг зашел на кофе как раз в тот момент, когда Грей положил трубку, и он ощутил непреодолимое желание поделиться с ним – как всегда. Они почти ничего друг от друга не скрывали. Двадцать пять лет дружбы, жизни бок о бок. Четверть века одиночества вдвоем в этом мире, который с момента рождения обречен и проклят.

- Не знаю. Если она не блефует, то она не просто умеет изменять реальность. Она умеет это делать так, что не чувствую я, Созидатель, - Грей помотал головой. – Это невероятно.

- Может, все-таки блефует, - Лоран создал себе чашку кофе и отхлебнул.

Такие вещи, как создание предметов и мгновенное изменение любой окружающей обстановки по желанию, были нормальны в этом мире. Но только для двух людей: для него и Грея. Мало кто из шести миллионов жителей мог хотя бы полноценно функционировать в Полисе, большинство были спящими. Исчезали, появлялись, снова исчезали. Некоторые, как давешняя незнакомка, жили в этом мире постоянно, но и из их числа не все даже догадывались о том, что это за мир, и как управлять его законами. А для того, чтобы создавать предметы, нужно было именно управлять.

- Она почти не удивилась, когда я на ее глазах создал бумагу и ручку, понимаешь? Для нее действительно это не фокус.

- А зачем ты это сделал, кстати? Она же не спящая?

- Не знаю. Выпендриться захотел, бывает со мной, - отмахнулся Грей. «Потому что она почти уложила меня на обе лопатки», - додумал он про себя.

- Ну, да. Не знаю тогда. Проверь ее, чего уж там осталось. Через полчаса она будет в парке, - пожал плечами Лоран, глянув на часы.

На первый взгляд парк выглядел тихим и благообразным. Мамы с колясками, старушки, изредка – подростки на велосипедах. Если бы люди не исчезали и не появлялись все время, можно было бы предположить, что это реальность. Но люди исчезали. Спящих здесь было также много, как и в других районах города. Время от времени здесь происходили дикие беззвучные сцены. Девушки убегали от воображаемых маньяков, земля проваливалась у людей под ногами, поглощая их, без всяких на то причин падали деревья – часто на голову тому, кому это снилось. После чего спящий исчезал вместе с деревом.

Бывали, впрочем, у местных «жителей» и приятные сны: парочки обнимались на скамейках, дети играли друг с другом и с родителями, кто-то время от времени левитировал в воздухе безо всяких крыльев, звонко беззвучно смеясь и наслаждаясь необычными ощущениями. Спящие редко издавали настоящие звуки, поэтому тишину в парке нарушали лишь приятные уху птичьи трели и стук каблучков или шуршание колес велосипедов и детских колясок.

Пройдя внутрь сквозь распахнутые ворота, Грей сразу увидел ее - она не опоздала ни на минуту.

- Здравствуй.

Грей пришел в своем настоящем облике. Высокий, худощавый, с крепким тренированным телом - он любил бегать, летать, играть в футбол... любой спорт. Его лицо оставалось молодым и красивым уже многие десятки лет. Чуть длинноватый нос, который его не портил, яркие темно-серые глаза, высокие четкие скулы.

Ее взгляд отразил удовлетворение, но не без некой настороженности: возможно, дело было в опаске, что он опять не настоящий. Его внешность изменилась разительно, но узнала она его сразу. Еще один вопрос без ответа - как? Не по лицу, не по росту - и то, и другое поменялось, не по мешковатому свитеру - для свидания он оделся в идеально сидящие черные брюки, небесно-голубую рубашку и фланелевый джемпер темно-синего цвета.

И она безошибочно подошла к нему, сама. Осмотрев его снова с головы до ног, на этот раз - чуть демонстративно, она подняла бровь:

- Ты причесался?

Грей коротко рассмеялся. Девушка оттаяла и вдруг выдала такую улыбку, что он даже поперхнулся.

- Это моя настоящая внешность, - миролюбиво сообщил он, тоже скользя по ней взглядом. Она переделалась, и выбранная для свидания одежда показывала, что ей, как минимум, не все равно. Каблучки, расклешенная зеленая юбка длиной до колена, подчеркивающая стройность ног, обтягивающая белая кофточка, хоть и со скромным вырезом, но скроенная так, что притягивала взгляд к ее груди.

В абсолютно прямые, мягкие и светлые волосы ему мгновенно захотелось запустить ладонь, оттянуть голову назад, разворошить... поцеловать. Утром он не успел заметить, что она была совсем крохотной - ростом едва ли выше метра шестидесяти. Даже с учетом каблуков девушка была миниатюрной.

- Моя внешность тоже настоящая, - сардонически улыбнулась она. - На всякий случай.

Грей разделил с ней веселье, тоже улыбнувшись, а потом заглянул в глаза:

- Ты, правда, умеешь создавать предметы? - спросил он без какого-либо перехода.

- Правда, - не думая ни секунды, ответила она. - Но я думала, в этом мире нельзя. Ведь никто этого не делает.

- И ты тоже? - уточнил Грей, едва не задохнувшись от облегчения. Он не утратил контроль над своим миром, ткань которого просто обязана была послать сигнал о грубых изменениях.

- Ну да, здесь - не делаю, - она пожала плечами. - Прогуляемся?

- Конечно, - кивнул он, и они пошли по аллее вглубь парка от резных металлических ворот, у которых встретились.

- В этом мире действительно нельзя ничего менять. Созидатель будет недоволен, - пояснил он,

шагая по асфальтированной дорожке рядом.

- А кто это? – уточнила она.

- Это тот, кто создал этот мир, кто им управляет, - ответил Грей. Они какое-то время продолжали путь по аллее молча, а потом Ашка подняла голову.

- А почему ты говоришь о себе в третьем лице? У тебя психическое заболевание? – серьезно спросила она, продолжая идти вперед. Грей споткнулся, словно врезался в невидимую стену. Его сердце пропустило удар. Забавно: с утра он то же самое думал о ней – может, они оба не в порядке?

Он внимательно посмотрел на девушку, которой пришлось остановиться и обернуться: в ее лице не было ни малейшей тени иронии. Его взгляд прожигал ее долго, и Ашка опустила глаза:

- Я думала... это что, секрет? – смущенно пробормотала она и посмотрела на него виновато.

- А как... как, черт возьми, ты это узнала? – ошеломленный и уже сердитый, спросил Грей. Его мозг лихорадочно искал решение загадки и нашел всего два варианта: либо это розыгрыш Лорана, либо... либо...

- Я просто вижу. К тебе тянутся все ниточки этого мира, - она порозовела: Это против правил, да? Я не должна такого говорить?

- Правила тут ни при чем, - помотал он головой. - Просто... как ты сюда попала? Ты кто вообще? – чуть громче осведомился он.

Они словно говорили на разных языках. Она вроде бы имела в виду нечто, само собой разумеющееся, но никак не могла уразуметь, что это странно. Очень странно. Ни один из обитателей этого мира, включая Лорана, который имел доступ всюду и мог повелевать, не «видел» ткани мира. Только он, Грей.

- Я просто... просто случайно зашла. Я раньше жила в другом мире. – Видя его гнев, она даже попятилась. - Я не хотела портить тебе игру.

- Случайно зашла? – повторил за ней Грей, все еще ничего не понимая. Никто не мог случайно зайти в его мир. Возможно, она действительно была сумасшедшей. Каждый осознавший себя в его мире прекрасно знал, как в него попал. И никто, ни один человек здесь не хотел этого обсуждать. Даже они с Лораном с трудом смогли поговорить об этом, когда стало совсем невозможно, но лишь однажды, в самом начале знакомства, лет двадцать назад. И с тех пор просто молча хранили истории друг друга, никогда не касаясь этой темы снова.

- Ну, я недавно здесь. Я кое-чего не понимаю, но... Пожалуйста, не сердись, - сбивчиво начала оправдываться девушка. Теперь она уже не выглядела такой уверенной.

Пронзительный крик совсем рядом заставил их обоих вздрогнуть. Грей обернулся, инстинктивно схватив свою спутницу за плечи, отталкивая в сторону от дерущихся спящих: мужчины и женщины, в руках которой почему-то была табуретка. Очередной сон-абсурд. Грей повернулся к Ашке:

- Я не сержусь. Посмотри мне в глаза, - попросил он и, едва ее глаза коснулись взглядом его, Грей перенес их обоих в свой дом.

- Надоела романтическая прогулка? – уточнила Ашка, обнаружив себя посреди его квартиры.

- Слишком много романтики и табуреток, - улыбнулся Грей. Они оба негромко рассмеялись, глядя друг другу в глаза, а потом Ашка стала осматриваться.

Его обиталище располагалось на трех последних этажах башни – самого высокого небоскреба в городе. На самом верхнем он проводил большее количество времени: тут был и его рабочий кабинет, и огромная зона отдыха с диванами, креслами и телевизором. И даже бассейн.

- Здорово, - оценила она после вдумчивого осмотра, которому Грей не мешал, просто наблюдая за ней. Он чувствовал себя серьезно озадаченным, но торопиться явно было некуда. Наконец, хрупкое создание прекратило разгуливать по его кабинету и задержалось у окна:

- Оно открывается?

- Конечно, - Грей подошел к ней и, прижав к стеклу пальцы, рывком придал ему направление вверх. Стена плавно ушла в потолок, и Ашка шагнула вперед. Грей сразу шагнул следом, протянул руку и властно сгреб ее ладонь своей, крепко переплетая пальцы. Ветер разметал их волосы. Девушка во все глаза смотрела вниз, на город, а он – на нее, скользя взглядом по летящим на ветру волосам, мягкой линии, подбородка, груди... его дыхание в конце концов сбилось.

Когда она повернула голову, чтобы что-то сказать, Грей действовал скорее инстинктивно. Его правая рука легла ей на затылок, он наклонился и смял ее губы своими. Ашка в первую секунду дернулась, но тут же замерла, а потом – потянулась к нему, раскрыла губы, впуская его язык, положила теплые ладошки на его грудь. В первую секунду Грею показалось, что она хочет оттолкнуть, но не решается, а потом это ощущение пропало – она сама прижалась к нему всем телом, отвечая на поцелуй.

Его мозг на какое-то время отключился, а потом он понял, что поцелуй затянулся, но все не мог заставить себя оторваться, даже понимая, что для первого поцелуя это явный перебор, что она вот-вот сочтет его маньяком.

Наконец, взяв себя в руки, он слегка отодвинулся и позволил их губам разъединиться, еще раз напоследок коснувшись ее пухлой нижней губы и заглянув в затуманенные карие глаза. Переведя дыхание, Грей мягко отвел ее назад за руку и закрыл стекло.

Первый поцелуй многое мог сказать ему о женщине – иногда это было словно информационный взрыв, часто даже разочаровывающий. Но не в этот раз: девушка, подарившая ему эти восхитительные мгновения, явно имела опыт, как он и предполагал. Она могла быть упрямой, но не до такой степени, чтобы потерять свою женственность. Она умела соблазнять. Он готов был поклясться, что Ашка наслаждалась этим поцелуем вместе с ним, но все еще не знал, хочет ли она его. Сомнений не было, что перед ним своего рода авантюристка, для которой не существует условностей, но Грей понятия не имел, как бы она поступила, если бы он не отпустил ее, а стал задиравать кофточку, например.

Согласилась бы она продолжить, если бы он нежно погладил ее шею большим пальцем, а потом приник бы губами к теплой коже чуть ниже уха, если бы его руки скользнули под ее одежду и стали бы гладить обнаженную спину? Позволила бы она тогда снова поцеловать себя, а потом отвести или отнести в спальню? Первый поцелуй обычно всегда давал ответы на все эти вопросы, с любой женщиной. В этот раз – ничего, чисто. Она ни единым движением губ не поощрила его продолжить, и ни единым пальцем не оттолкнула.

Поцелуя Ашка не прерывала, этого не сделал и Грей - пока он не закончился сам, когда им обоим уже было трудно дышать. Но она не согнула пальцы, слегка царапая от нетерпения, как если бы хотела идти дальше. И не напрягла их, как если бы хотела оттолкнуть. Она просто наслаждалась близостью, прижимая их к его телу, и он также получал удовольствие, деликатно держа в одной ладони ее затылок, слегка лаская его пальцами, а другую руку положив ее на талию.

Хочет ли она, чтобы он соблазнил ее или завоевал? Грей посмотрел на Ашку, которая снова начала передвигаться по его жилищу, не сказала ему ни слова, не улыбнулась, но и не показала раздражения его нахальством. Ей понравилось, что он поцеловал ее или нет? Возможно, она хотела еще поиграть и считает, что он поторопился или, наоборот, сердится за нерешительность. Он знал множество женщин, которым нравилось изображать недотрог, но не быть ими, и с такими было легко и приятно под настроение. Соблазнить, успокоить, прорвать оборону, иногда даже применить немного физической силы... она этого хочет? Наверяд ли, подумал Грей, следя за ее спокойными шагами, которые привели Ашку на край бассейна.

- Можно? - спросила она, повернув голову в его направлении, но не посмотрев.

- Да, - ответил он и мягко улыбнулся. Авантюристка и задира, нюх его ни разу не подводил.

Девушка царственно кивнула и переступила ногами, снимая туфли. Грей добродушно смеялся над самим собой, наблюдая за тем, как она раздевается. У него даже ноздри дрогнули, и ладони слегка разогрелись. Кофточка, юбка, чулочки... лифчик... о боже.

Ее тело не поразило его красотой - этим Грея нельзя было поразить. Все женщины в этом мире радовали глаз, каждая по-своему. Уже много десятилетий его не особенно возбуждали голые груди и попки, даже идеальные по форме и размеру. Но то, что она делала, эта провокация и юный задор - вот это здорово возбуждало и вызывало азарт, мальчишеский восторг предвкушения.

Подойдя к бортику, держась естественно, словно за ней никто не наблюдал, юная чаровница повернула голову и улыбнулась:

- Поплаваешь со мной?

Сердце Грея пропустило удар, когда она стянула полупрозрачные трусики, наклонившись, переступив ногами - и сразу нырнула, изящно и красиво, словно профессиональная спортсменка. Ее тело, словно болид, быстро преодолело почти всю ширину бассейна, и она вынырнула на противоположной стороне, двумя гребками достигла бортика. Поморгала, вытерла глаза рукой, посмотрела на него - слегка вызывающе подняла бровь.

Грей не спеша подошел к бортику, посмотрел в воду. Ее поверхность все еще дрожала, искажая отражение высокого, сдержанного, полностью одетого мужчины.

- Спасибо за приглашение. Ты красавица, - негромко сказал он, словно нехотя, перевел взгляд от своего отражения на нее. - Когда купаешься, приходи пить кофе. Просто спустись на этаж.

Резко повернувшись, словно боясь потерять решительность, Грей быстро пересек зону отдыха и через секунду скрылся в лифте, который всегда его ждал с открытыми дверцами. Его возбужденная плоть все еще натягивала плотную ткань брюк, и в глазах было не совсем светло. Но его интуиция подсказала, что принять приглашение сейчас было бы ошибкой.

Возможно, даже непоправимой. Кроме того... он не намеревался ей проигрывать, по крайней мере, не так быстро.

- Давно ты все тут создал? – спросила она, заходя босиком в столовую. Влажные волосы, розовые щеки, сердитый взгляд, новое белоснежное платье – до пола, закрывающее все тело. Кем бы она не была, Ашка явно не привыкла к отказам.

Грей стоял вполоборота, наливая себе вторую чашку кофе. Ждать ее пришлось долго, а потом в него молнией вонзилась информация об обрыве ткани мира, и пришлось применить всю силу воли, чтобы не дернуться, не перенестись мгновенно наверх, не пресечь ее бесцеремонное нарушение базовых законов.

- Около тридцати лет назад. А ты давно пришла? Откуда? – требовательно спросил он. Игра постепенно исчерпывала себя, ему уже становилось некомфортно, и Грей хотел узнать о ней все.

Девушка просто улыбнулась и села:

- Я тоже хочу кофе.

- С сахаром?

- Да. Только без сливок, я люблю абсолютно черный.

- Ашка, насчет изменений мира...

- Я просто создала себе платье и нижнее белье. Ты ведь не бросишь меня за это в местную тюрьму? – промурлыкала она, перебив его. Грей посмотрел в ее глаза. Где-то в их глубине плескалась злость – ох, как ее рассердило его безразличие к ее прелестям в бассейне.

- Следующий раз просто попроси, и ты получишь хоть десять комплектов сразу, - ровным тоном предложил он, включив кофе машину снова.

- Тогда ты будешь знать, какие на мне трусики, а я этого не хочу, - еле слышно произнесла она, безотрывно следя за ним взглядом. У Грея даже мурашки по шее пошли от ее голоса – Ашка явно откопала топор войны и становилась все агрессивнее, при этом ни на секунду не заходя за невидимую черту, где он мог бы жестко ее загасить.

Поставив перед ней прозрачную чашку с кофе, он сел и снова поймал ее глаза:

- Если ты еще раз без моего разрешения изменишь хоть что-то – тебе придется покинуть этот мир.

- Ты грубиян, Грей, - она невозмутимо отхлебнула кофе. - И ты не выполнил мое желание, а обещал.

- Ты его еще не назвала.

- Назвала. Хочу научиться смотреть как ты.

- Несерьезно. Это мужской взгляд, солнышко, в нем нет женской сексуальности. Могу научить, но тебе не пригодится, - смягчившись, добавил он.

- Тогда крылья, - продолжила торговаться она.

- Что?

Грей даже поставил чашку на стол, удивленно посмотрев на девушку.

- Я хочу крылья. И летать. И не говори мне, что ты этого не можешь.

С крыльями она стала жизнерадостнее. Утоленный голод по ощущению бесконечной свободы вернул улыбку на ее лицо, из солнечных тепло-коричневых глаз ушла злость. Грей летал с ней, его огромные серые крылья уверенно рассекали теплый воздух над городом. Теперь он был почти уверен, что знает, откуда она пришла. Но по-прежнему было не понять - как. С ней случилось то же, что и с ним - что-то ужасное, пугающее, что выбросило ее в первый попавшийся мир, и он оказался не тем, знакомым и родным, огромным и разнообразным, а всего лишь маленьким городом?

Внизу расстились серые ровные крыши домов, загроможденные телеантеннами. В стеклянных полупрозрачных зданиях магазинов отражались грязно-молочные облака, незначительно потемневшие с утра. До дождя оставалось часа полтора.

Грей почти не смотрел вниз - только на нее. Но Ашка жадно изучала его город глазами, и впервые за тридцать лет его кольнуло чувство неловкости за убогость всей обстановки, которую он создал. Облети хоть весь город - не найдешь ни одного милого дома, ни одного впечатляющего произведения архитектуры. Даже парки, фонтаны и прогулочные аллеи выглядели уныло из-за своей незатейливости.

- Ашка, - позвал он, когда понял, что она замерзла - перед дождем под облаками летать прохладно. - Хочешь туда?

Указав на цветущее поле, Грей сразу начал снижаться. Теперь они почти покинули черту города, здесь было немного природы, которой можно было полюбоваться: лесок, поле, река. Жители города редко здесь появлялись - их мысли были целиком сосредоточены на городской жизни. Их всех притягивали улицы, машины, проспекты и шоссе, подземные переходы и небоскребы: любители природы не попадали в его мир.

- И здесь кусочек урбанизма, - засмеялась она, когда приземлилась возле опоры ЛЭП с оборванными проводами.

- Просто для красоты, - улыбнулся Грей. Он шагнул к девушке, взял ее лицо в ладони и поцеловал, на этот раз более сдержанно, лишь провел языком по ее нижней губе, немного дразня, и плавно отстранился. Ашка ответила на нежность такой же нежной улыбкой.

Они оба стояли босые на траве: сильный высокий мужчина в темном, хрупкая маленькая женщина в белом платье. Грей наклонил голову:

- Ты давно здесь?

Она пожала плечами:

- Несколько месяцев.

- И чем зарабатываешь, если не секрет?

Ашка сардонически усмехнулась:

- Какие от тебя здесь могут быть секреты. Я преподаю, в основном. Йогу, вокал, рисование.

- Интересный набор, - прокомментировал Грей. Девушка вновь пожала плечами и, осмотревшись, стала бродить по полянке. Наклонилась за несколькими цветами, поднесла к лицу букет, вдохнула, закрыла глаза. А потом изящно легла на траву, прижала к груди цветы и уставилась в небо:

- Я больше ничего не умею, только всякие глупости. А ты раньше чем занимался?

- Раньше? - сердце Грея пропустило удар.

- До того, как создал этот мир, да, - она продолжала смотреть в небо и не заметила, как болезненно исказилось его лицо. Ничего не было хуже для него за последние тридцать лет, чем вспоминать это «раньше». Раньше он был счастлив, а сейчас просто голоден. Постоянно голоден и одинок. Впрочем, жизнь была сносной, но сносной лишь до тех пор, пока он не вспоминал это самое «раньше».

Он не ответил на вопрос, просто лег рядом, а потом посмотрел ей в лицо и притянул к себе. Один настороженный взгляд в глаза - «можно?» и он поцеловал ее снова, но уже не так как в первый раз или второй - жадно, отчаянно. Их языки устроили драку, и он подмял ее под себя, бесцеремонно задирая платье - черт, на ней не было никаких трусиков. Никаких. Сколько еще она будет его удивлять, сколько? Его дыхание сбилось, в глазах потемнело. И с этой секунды он больше себя не контролировал. Впрочем, как и она.

Она прижалась к нему так, словно тонула в море, а он - спасал. Жадно отвечала на поцелуи, кусала за ухо, дразнила, рвала на нем рубашку, царапала его спину под ней, постанывала. Грей приподнялся, расстегнул манжеты, сбросил рубашку, стянул с нее через голову платье, впился в ее грудь губами, слегка покусывая. Когда она снова застонала и нетерпеливо прижалась к нему, он расстегнул брюки и уверенно вошел в нее - ждать больше было невозможно ни секунды.

Горячая, влажная... но маленькая... слишком маленькая и... только услышав ее болезненный вскрик, увидев слезы на глазах, Грей ошеломленно осознал тот факт, что впервые в жизни лишил кого-то невинности. Он замер, тяжело дыша, глядя на нее сверху. Она прерывисто дышала, рот приоткрыт, руки упираются в его грудь, слегка царапая, но не пытаясь оттолкнуть.

- Тебе больно? - спросил он и тут же осознал, насколько глупый задал вопрос. На глазах Ашки выступили слезы, нижняя губа прикушена, ногти впиваются в его грудь.

- Сейчас пройдет, - прошептала она, глядя на него кротким, но не испуганным взглядом.

Это было правдой. В его мире все раны мгновенно заживали - Грей не допускал здесь физических мучений, не видя в них никакого смысла.

- Прости, я не знал, - тихо сказал он, нежно касаясь ее губ, невольно переживая чувство стыда и раскаяния. Если бы он знал, он не сделал бы этого на первом же свидании, на земле, да еще так грубо... да еще не сняв толком брюк.

- Я тоже, - вдруг растерянно шепнула она. И, прежде, чем Грей мог бы осмыслить эту фразу, выгнулась навстречу, побуждая двигаться. И из его груди вырвался вздох облегчения, а тело

снова пришло в движение.

Если бы на его спине уже не было крыльев, они бы выросли от мысли, что она отдалась ему первому. Эта женщина ни с кем до него не была... какое необычное сладкое ощущение. Не отпуская ее затуманенного взгляда, Грей стер ее слезы и со стоном начал двигаться – сначала мягко и нежно, позволяя привыкнуть к себе, а потом все более страстно и жадно, растягивая, подчиняя, овладевая.

На самом пике она прижала его к себе так, словно хотела сломать ему спину, а потом он с восторгом ощутил ее сокращения, и тут же догнал, яростно изливаясь внутрь, с удовлетворением глядя в ее искаженное страстью лицо и неосмысленный, ошеломленный взгляд.

Ему хотелось еще задержать это мгновение, и он прижал ее к себе, перекатываясь на земле, чтобы не придавить ее собой ненароком. И так, лежа в объятиях друг друга, они восстанавливали дыхание, пока Ашка не пошевелилась, слегка отстранившись.

Тогда Грей посмотрел ей в глаза и перенес в свою спальню. Она моргнула, оказавшись на кровати, и смутилась, и он смутился тоже, поспешив объяснить:

- Я подумал, тебе надо в душ...

- Надо, - перебила она, с готовностью кивнув. - Спасибо.

Безошибочно найдя нужную дверь, Ашка скрылась в ванной. В зеркале отражалось ее растерянное лицо, спутанные волосы и блестящие диковатым блеском глаза... она облизала губы и уперла руки в раковину, приблизив себя к зеркалу, продолжая изучать каждую деталь. Обычная процедура. Вот уже год она рассматривала себя внимательнейшим образом каждый раз, когда оказывалась возле зеркала. И до сих пор не узнавала.

Все еще шокированная тем, что произошло, она действовала скорее автоматически: залезла в душ, открыла воду, намылилась, поспешив смыть кровь с внутренней стороны бедер. Она понятия не имела о своей девственности, и даже от изумления проговорила. Как это возможно, ведь ей казалось, она была с десятками мужчин? Хотя ни одного и не вспомнила до сих пор...

Память приходила к ней урывками. Сначала только самое приятное – крылья, полет, лица друзей, какие-то смешные ситуации, громкий смех, вечеринки, работа. Какой-то офис, где ей нравилось, очень, и были, кажется, хорошие коллеги и сказочно уютный, родной мир. Потом курсы, увлечение психологией. Она брала уроки чтения мыслей по мимике, уроки взаимоотношений, ходила на свидания, оттачивая навыки.

Постепенно, месяцы спустя, Ашка вспомнила детали отдельных моментов. Как она сидела в ресторане с каким-то красавцем, который сначала казался крепким орешком, но за два часа сломался, перестал смотреть насмешливо и недоверчиво, начал – открыто и умоляюще, страстно. Уговаривал пойти с ним домой, потом – хотя бы второе свидание... она не шла и не давала номер. Она просто училась, тренировалась, почему-то ей было жизненно важно их всех победить.

В новом мире на свидания она не ходила, просто не могла, не вспомнив себя. Выдуманное имя, прошлое, возможно, даже выдуманная внешность – настоящей она не помнила, а кто знает, что ее воображение могло создать при входе сюда?

Почувствовав, что слишком долго стоит под горячей водой, и кожу начало пощипывать, Ашка выключила кран и поискала глазами полотенце. Она не хотела этого мужчину, не искала его, не пыталась ничем завлечь. Она просто действовала инстинктивно, когда он напал на нее своим чертовым взглядом. Разозлилась и ответила всем, чем могла. И закончила тем, что подчинилась ему, что полностью растаяла. Ашка растерянно, лихорадочно размышляла, вытирая себя посреди его ванной. Это хорошо или плохо, то, что произошло между ними? То, что он оказался первым... что ж, это, безусловно, должно его заинтересовать на какое-то время, но что дальше?

Из ее груди вырвался прерывистый вздох, и она округлила глаза, насмешливо и почти злобно глядя на себя в зеркало. Дожила, до томных вздохов и растерянного хлопанья ресниц. Дальше осталось только расплакаться над утраченной невинностью и упасть в обморок на руки счастливому обладателю приза. Не смешно. Нет, не смешно. Она ни черта не помнила, но точно знала, что так раскрываться перед мужчиной опасно, смертельно опасно. Он заметил ее растерянность или нет? Но он точно слышал, как она проговорилась, как же так, как же так...

Она все сделала правильно, нигде не просчиталась. Тогда, у бассейна, она почти физически чувствовала, как он заинтересован. Ее внимательный взгляд заметил, как его пальцы чуть сжались, когда он стоял на краю - с упрямой осанкой, бесстрастным лицом и горящим, жадным взглядом. И все же развернулся и ушел, прочь от нее.

В первую секунду у нее даже потемнело в глазах от оскорбления, но потом она подметила его явно ускоренный шаг и немного успокоилась, но все равно минуты две тяжело дышала, словно получила пощечину. Словно он прямо сказал ей: игра по твоим правилам окончена, неинтересно. Но на кофе все же пригласил.

Завернув в полотенце влажное тело, Ашка разворошила волосы руками: фена в его ванной не было - и вышла наружу.

- Как ты? - очень мягко, тихо спросил он, едва их глаза встретились. Искреннее беспокойство, легкое чувство вины, нежность - надо же, его тоже здорово пробрало. Что ж, тем легче, по крайней мере, пока.

- Нормально, - она продолжала изучать взглядом, не стала обороняться, чувствуя, что он не атакует.

- Ты не помнишь себя.

Ровный тон не выражал жалости, но бесстрастным не был. Нежность, он обволакивал ее нежностью... черт, она долго так не выстоит.

- Не помню, - ответил негромко ее ровный голос.

- Это ничего. Я тебя не обижу.

- Звучит здорово. Только я не знаю...

- Можно ли мне верить? - он осторожно подкрадывался все ближе, негромко разговаривая с ней успокаивающим тоном.

- Если хочешь, - у нее сдали нервы, и она отшатнулась и пересекла комнату, остановившись возле кровати, на которой лежал новый наряд. Он приготовил для нее красное шелковое платье средней длины.

- Нравится? - спросил Грей, когда Ашка подняла восхитительно легкую ткань, разглядывая.

- Я не ношу красное, - возле ее губ появилась упрямая складка.

- А ты попробуй.

Ашка все еще колебалась, и Грей приблизился, на этот раз - решительно, не подкрадываясь, и осторожно размотал на ней полотенце.

- Можно? - спросил он, протянув руку к платью. Ашка еле заметно кивнула, настороженно глядя ему в глаза, но они выражали лишь нежность. Теперь ей было странно и некомфортно стоять перед ним обнаженной - она чувствовала себя гораздо более уязвимой, чем тогда, когда раздевалась у бассейна, и впервые за день почувствовала смущение. Но лицо надо было держать, во что бы то ни стало, не показывать, что это что-нибудь значит для нее.

Стоя перед ней, он аккуратно надел на нее платье через голову. Ашка послушно подняла руки по очереди, словно была ребенком, а потом Грей расправил на ней ткань и обнял ее, чтобы застегнуть молнию. Ашка ожидала, что он поцелует ее, и даже подняла лицо, хотя и не слишком этого хотела, но Грей словно почувствовал и просто развернул ее к зеркалу, мягко отстраняясь.

Изучая себя взглядом, она даже приоткрыла рот. Оказалось, что этот оттенок темно-красного ей идет, и делает из нее какую-то совершенно иную женщину. Более взрослую, более уверенную... менее нуждающуюся в защите. На ее лице расцвела улыбка, и она резко развернулась к Грею:

- Спасибо!

- Ты прекрасна, - выдохнул он с улыбкой, его глаза потемнели, и тут ей захотелось его поцеловать. Грей подхватил на руки и положил на кровать. А потом нежно соединил их губы. Ашка запустила пальцы в его мягкие густые волосы, наслаждаясь поцелуем, и закрыла глаза, ожидая продолжения, но он приподнялся на локтях и, погладив ее по волосам, сказал:

- У меня через 10 минут встреча с другом, я хотел бы вас познакомить.

- За десять минут можно многое успеть, - нетерпеливо выдохнула она, явственно ощущая его возбуждение своим бедром.

- Серьезно? - Грей улыбнулся, так открыто и по-мальчишески, что она почувствовала еще больше тепла и безопасности.

- Еще как, - выпалила она, облизав вдруг пересохшие губы, и потянулась к его ремню и расстегнула, но сильные мужские пальцы перехватили ее руки:

- погоди. На этот раз я хотел бы сначала снять с тебя платье, - сказал он, и Ашка неожиданно для себя залилась краской. На секунду в его глазах мелькнула насмешливая искорка, и она внутренне сжалась, ожидая язвительного комментария. Но Грей лишь обхватил ее рукой, приподнимая, и молча расстегнул на ней платье. А потом его руки стянули его, чтобы завладеть ее обнаженным телом.

Ашка, наконец, расслабилась и тихо застонала, когда его пальцы скользнули ниже, вошли внутрь, нашли все самые чувствительные места и нажали на них... Она не сразу опомнилась, что сама не двигается, с восторгом принимая его ласки, и тоже стала изучать его тело

ладонями. Лаская ее одной рукой, он поддерживал свой вес другой, и Ашка провела пальцами по напряженной мышце, а потом поцеловала ее.

Холодная пряжка его расстегнутого ремня коснулась ее живота, и она издала стон, ощутив неожиданно сильный прилив желаний. Грей с тихим восклицанием отстранился, чтобы стянуть брюки, и Ашка слегка приоткрыла рот, оценив размер его возбужденной плоти. Не удивительно, что в первый раз он еле втиснулся в нее... Ее глаза, должно быть, совсем «поплыли», потому что Грей даже слегка изменился в лице и быстрым движением присоединился к ней на кровати.

- Как ты хочешь? – тихо спросил он, осторожно прижимаясь к ней, поддерживая свой вес на локтях.

- Как угодно, - тихо выдохнула она, лоя его губы своими. Грей поцеловал, с нежной требовательностью лаская языком, и одновременно мягко вошел в нее. Ашка запрокинула голову, прерывая поцелуй, наслаждаясь миготом невероятно острого наслаждения, его мягким, но властным напором. Она поймала себя на том, что ей снова захотелось поцеловать его руку... и у сердца кольнул холодок. Закусив губу, она преодолела глупое желание и просто крепко обняла его за шею, двигаясь вместе с ним, позволяя усилить и ускорить движение внутри. Он тихо прошептал ее имя в конце, и она отозвалась прерывистым вздохом. Но снова прикусила свои губы, когда они хотели произнести его имя в ответ.

Лоран. Торговый центр.

Широкоплечий блондин с ярко-голубыми глазами. Легкая небритость, небрежно зачесанные назад волосы. Его внешность сегодня была столь приторно-киношной, что Лорана самого от себя слегка подташнивало, когда он бросал взгляд в огромные зеркала, которыми были украшены все переходы из магазина в магазин. Но именно так следовало выглядеть, когда хочешь секса. Он перепробовал с десятков разных видов внешности – именно эта имела самый большой успех.

Лоран вздохнул, отводя взгляд от своего раздражающего отражения. Но в отличие от Грея он не злился за такое на женщин. Он ведь и сам выбирал их по внешности. Ему нравились большие груди, маленькие крепкие попки, светлые волосы и желательно, темные глаза. Он знал, что все кареглазые блондинки – крашенные, но это уже было неважно. Лишь бы они были доступными и лишь самую малость упрямыми – чтобы не было уж совсем скучно.

Тана соответствовала почти всем его требованиям. Лишь ее волосы были недостаточно светлыми – не так, как он любил, но этот маленький недостаток она компенсировала легкостью в общении и мягкой красотой лица. Лоран невольно засмотрелся на ее губы, которые она покусывала, разглядывая витрину с украшениями. Он представился банкиром – девушка понятия не имела, кто он на самом деле.

Тана была стандартной жительницей города – не спящей. Она полностью принадлежала этому миру и уже слабо помнила о том, что когда-то жила в другой реальности. Но вполне возможно, что та ее реальность не так уж сильно отличалась от этой. Она вполне могла быть такой же городской жительницей, и вполне возможно, что еще там, в другом мире, начала жить за счет мужчин, с которыми спала. Возможно, в свободное время она подрабатывала секретаршей или официанткой.

То, как тщательно она была одета, ее маникюр и прическа выдавали в ней полупрофессиональную куртизанку. Таких в городе было не слишком много, но и не так, чтобы

дефицит. Лоран с легкостью находил девушек ее типа, когда хотел поразвлечься. Примерные расценки у всех были одинаковыми. За хороший обед в ресторане можно было рассчитывать на пару часов неплохого секса. За внешность киношного красавчика она позволит ему чуть больше, чем другим. За покупку в ювелирном сделает минет. За дорогую покупку будет все, как он захочет и сколько захочет.

Но очень ценные вещи покупать не следовало: после этого девушка может захотеть продолжения, и расстроится, когда выяснит, что его не будет. Поскольку она все же не профи. Такие девушки, как Тана, не всегда могли признаться себе, что банально продаются и подчас тешили себя надеждами на удачное замужество. Они отсеивали мужчин с негодной внешностью, и на этом основании убеждали себя, что делают лишь то, что хотят. А что до требований обязательно купить подарок и сводить в ресторан – так это все в их понимании было «романтикой» и прологом к серьезным отношениям.

Циник внутри Лорана рыдал от смеха, когда он впервые услышал от девушки такие рассуждения. Прелестница, не подозревавшая, что находится под легким гипнозом, рассказала все досконально. Он даже узнал базовую логическую схему, которая заключалась в том, что в свою внешность «настоящая» женщина вкладывает кучу денег, и почему бы мужчине, который всем этим наслаждается, не компенсировать расходы?

Парадоксально, но когда он продолжил расспросы, выяснилось, что самые большие инвестиции женщины делают в то, что его меньше всего интересовало: идеальный маникюр, дорогую косметику и туфли из бутиков. Впрочем, каблучки его заводили, особенно шпилька, но он никак не мог уразуметь, в чем разница между туфлями стоимостью в три тысячи и в тридцать. В его системе координат она была лишь в том, что за туфли в тридцать тысяч можно было получить больше разнообразного секса, если купить их в подарок.

- Лоран, - тихо позвала Тана, и он понял, что она, наконец, определилась с выбором. Он перевел взгляд на девушку, чтобы встретить немного детский, просящий взгляд карих глаз. Ее нижняя губка была игриво прикушена:

- Тебе нравятся эти серьги? Как думаешь, купить их в кредит?

Лоран едва не рассмеялся. Так он и поверил, что магазин даст ей кредит на серьги с сапфирами и бриллиантами стоимостью под шестьдесят тысяч. Он готов был поспорить, что у нее нет постоянно заработка, а все, что она могла дать в залог, было надето на ней. А девушка-то совсем не скромница, подумал он, и его давление даже поднялось, когда он представил, как именно она будет расплачиваться.

- Я думаю, они подойдут к твоим глазам, солнышко. У тебя хороший вкус, - медленно сказал Лоран, глядя прямо ей в глаза. Тана нежно улыбнулась:

- У меня много чего еще хорошего, - без малейшего смущения ответила она.

- Покажешь? – еле слышно уточнил он и шагнул, заходя в ее интимную зону, краем глаза отмечая, как продавщица в дальнем углу зала закатила глаза и отвернулась. Ей такое было наблюдать не впервой – возможно, она уже не раз видела здесь эту девушку. И уж точно видела здесь раньше его с другими. Тана подняла лицо, позволяя ему коснуться своих губ:

- Конечно, красавчик.

- Позволь мне подарить их тебе, малыш, - сказал Лоран, коснувшись ее щеки костяшками пальцев. Это был текст раз и навсегда выученной роли. Если Грей бесился от предсказуемости,

то Лоран ею наслаждался.

Тихий звонок коммуникатора вырвал его из полудремы. Лоран со стоном взглянул на экран и вспомнил о встрече с Греем, до которой оставалось десять минут. А потом перекатился на бок и встал. Он никогда не отменял, не переносил встречи с другом, и не опаздывал на них. У Грея всегда было меньше времени для него, чем у него – для Грея. Управление миром, даже таким небольшим, как этот – дело хлопотное.

Пять минут на душ, еще одна на то, чтобы натянуть свою разбросанную одежду. Лоран обошел кровать и легонько потрепал по плечу до смерти утомленную девушку. Он никогда не уходил по-английски после секса, даже если была возможность, как сейчас. Тана встрепелась от дремоты и поднялась на локтях – ее глаза расширились, когда она поняла, что он уже одет. На лице девушки отразилось жестокое разочарование. Она наверняка рассчитывала, что он останется на ночь. Возможно, он так бы и поступил, если бы не встреча с Греем, но после нее возвращаться уже не захочется. Лоран мягко улыбнулся:

- Мне пора, лапочка.

Ее губы, припухшие от его поцелуев, раскрылись, чтобы возразить, но Лоран наклонился и нежно поцеловал на прощание:

- Это было роскошно. Удачи тебе.

Через минуту он закрыл за собой дверь, покинув стандартную однокомнатную квартиру в стандартной десятиэтажке. Секс и впрямь удался – границ и запретов для Таны почти не существовало. Они начали с восхитительного минета в прихожей, который почти вынес ему все мозги, а потом Лоран поблагодарил ее нежной, долгой классикой в постели. Добившись стонов, криков и двух оргазмов, он перевернул ее и добрался пальцами до попы.

Лишь здесь у нее возникло небольшое замешательство – его размер, который привел ее в восторг в начале, теперь уже пугал. «Я буду нежным. Расслабься. Расслабься», – почти потребовал он, не сильно впечатленный ее эмоциями. Он бы не стал вынуждать ее, но уже было очевидно, что она не всерьез сопротивляется, и они оба в конце концов получили удовольствие. Впрочем, он не исключал, что ей для этого пришлось в процессе вспоминать о бриллиантах, но угрызения совести по этому поводу Лорана не мучили – он любил этих девушек и эти правила игры. И потом, когда она снова кричала под ним, стало очевидно, что и ее правила более чем устраивают. Ей все понравилось – и ужин, и серьги, и киношная внешность, и четыре оргазма, которые он ей подарил. Возможно, он еще позвонит ей когда-нибудь.

В лифте он поменял внешность на свою обычную и стал чуть менее широкоплечим и гораздо менее слащавым. Тана теперь не узнала бы его: светло-карие глаза вместо голубых, нос с горбинкой, резковато очерченные скулы, темно-русые волосы, падающие на лицо. Некоторым девушкам и эта внешность нравилась, но не таким, как Тана. Так Лоран не был похож на состоятельного бизнесмена – скорее на бродячего художника или гитариста, который все никак не добьется известности. Женщины, которым нравилась его настоящая внешность, почти никогда не интересовались деньгами и сексом на одну ночь. Словно приспешники дьявола, они охотились за его душой, которую Лоран, увы, никому из них не готов был открывать.

Закончив преобразование, он удостоил свои наручные часы мимолетного взгляда и минута в минуту перенесся в столовую Грея. И, обратившись к нему с безмятежным приветствием, даже

не сразу понял, что тот пребывает в бешенстве.

Грей никак не отреагировал на появление Лорана и приветствие. Весь напряженный, едва ли не трясущийся от злости, он набирал номер на коммуникаторе. А потом поднес его к уху. И даже с другой стороны стола Лоран услышал звук, свидетельствующий о недоступности абонента. Вздрогнув от этого звука, Грей вдруг размахнулся и запустил своим коммуникатором в стену. Лоран инстинктивно прикрыл глаза, когда во все стороны полетели осколки, а потом медленно повернул голову, изумленным взглядом воззрившись на друга:

- Свидание не удалось? - уточнил он, невольно уставившись на грудь Грея, которая поднималась и опускалась от тяжелого дыхания.

- Она сбежала.

- Ммм...

Лоран смотрел, все еще ничего не понимая.

- После секса.

- Оу, - Лоран искривил рот, поморщился и втянул воздух сквозь зубы, словно обжегся.

Грей заскрипел зубами, встретив его веселый взгляд:

- Не смешно. Она была девственницей, черт ее дери.

- Уау! Как это тебя угораздило?

- Я не мог такого даже представить.

- И что ты намерен делать?

- Найду ее. И придушу.

- Логичный план. Главное, хладнокровный. Кто-то влюбился по уши, или мне кажется?

- Иди в жопу.

Грей сосредоточился, создавая себе новый коммуникатор, и покрутил его на стеклянном столе. Лоран встал, дошел до огромного бара и, подумав, извлек из него бутылку виски. Наплескав половину стакана, он сунул его в руку Грею:

- Глотни.

Тот хмуро уставился на стакан, но спорить не стал, опрокинул и выдохнул, а потом шумно втянул воздух носом:

- Она меня зацепила.

- Да я уж понял. Ну, найдем ее, не волнуйся. Вопрос двух-трех дней.

- Она боится. Не помнит себя, - сухие губы Грея крепко сжимались, желваки ходили под кожей. Ему явно надо было выговориться, но он выглядел как бомба, готовая взорваться и еще чем-нибудь запустить в стену. А то и в него.

- Хреново, должно быть, - осторожно прокомментировал Лоран.

- Она даже не знала, что она девственница. Возможно, она из-за этого испугалась.

Кулаки Грея сжимались и разжимались. Лоран налил ему еще виски и плеснул себе на два пальца. Они выпили.

- Мне кажется, она из того же мира, что и я, - наконец, выдавил Грей.

- Ты имеешь в виду..., - Лоран застыл. - Такой же мир, как этот? Созданный человеком?

- Да. У нас там... у всех были крылья. И она попросила меня сделать такие же. Мы летали.

- Черт, почему мне это раньше в голову не приходило? Я тоже хочу, - выпалил Лоран.

- Даже не думай! - рявкнул Грей, но, увидев ошеломленное лицо друга, поднял руку в извиняющемся жесте:

- Прости. Мне это напоминает... Если хочешь экспериментировать - ты знаешь, тебе все можно. Только не у меня на глазах. И не на глазах у жителей города, - негромко сказал он.

- Я не сделаю ничего, что причинит тебе боль, - сухо ответил Лоран. Грей кивнул:

- Я знаю. Прости, что повысил голос. Я не в себе сейчас.

- Я вижу. Давай еще по глотку и начнем искать ее. Тебе ведь это нужно, да?

- Да-а-а.

Лоран усмехнулся: Грей слегка опьянел и повеселел. Чего и требовалось достичь.

Ашка.

На центральной площади у фонтана поздно вечером толпилось много людей. Подростки назначали свидания, родители гуляли с детьми, покупали мороженое и воздушные шары. Спящих, сумасшедших почти не было - как всегда. Почему-то они недолюбливали это место, в отличие от парковых зон и дворов в спальных районах. Фонтан, возле которого она села на деревянную грязноватую скамью, представлял собой классическое черт-знает-что, как и все в этом странном городе. Какая-то нелепая чаша: не то бутон цветка, не то обрезок каменной трубы, в которую когда-то напихали взрывчатки снизу и привели детонатор в действие. Незаконченное произведение сумасшедшего скульптора-неудачника. «Интересно, Грей сам его лепил?» - подумала Ашка. Судя по результату, она решила, что это так.

Подумав о нем, в тысячный раз за последние полчаса, она в тысячный раз ощутила, как сердце сжимается в груди. Он, кажется, не заслуживал ее бегства без объяснений. Как только она перестала воевать, он стал нежнее нежного, и не воспользовался ее слабостью, чтобы попытаться сразу подчинить. У нее были все основания, чтобы доверять ему, вместо этого она поддалась трусливому порыву, и теперь он наверняка зол. Ей было интересно, станет ли он искать ее или, наоборот, сделает вид, что ее никогда не существовало?

Ашка лишь на минутку зашла в ванную, чтобы слегка накраситься. Она честно хотела познакомиться с его другом и потом провести с Греем ночь и, возможно, о многом рассказать, но вдруг остолбенела перед зеркалом от очередного воспоминания, пришедшего внезапно.

Из туманного небытия выплыла четкая картина: темноволосый высокий мужчина стоит прямо перед ней и отрывисто дает какие-то указания. Он ее начальник. У нее подгибаются колени при одном взгляде на твердые упрямые губы, и замирает сердце, когда он наклоняется над ее столом, чтобы что-то записать.

Совсем близко. Она краснеет и дико смущается, не умея этого скрыть. Она совсем юна, а он – нет. Этот красавец очень опасен, и он не для нее. Разные виды. Сейчас она это точно видит со стороны: она – простушка, он – акула. Он даже не видит в ней женщины, и поэтому не догадывается, чем вызвано ее смущение, просто вскользь отмечает его цепким взглядом и поднимает темную густую бровь. Но тут же забывает об этом, отходя от ее стола. Он не мог бы быть дальше от нее даже на другой планете. Он месяцами не замечает ее влюбленности.

Рассматривая эту сцену со стороны во всех красках, Ашка схватилась за холодный край раковины, и к горлу поднялась тошнота, к глазам подступили слезы. Что было дальше? Вспомнить не получалось, но почему тогда ей так плохо при одном воспоминании об этом мужчине? Ее тело пронзила тупая боль, и она в ужасе поняла, что по щекам текут слезы. Она не могла выйти такой к Грею. Она сбежала, перенеслась прямо из ванной. Хотя ей ничего не хотелось больше, чем прижаться к нему и скрыться в его руках от кошмаров, прячущихся в ее подсознании, вместо того, чтобы оказаться в полном одиночестве в центре города.

Глядя на фонтан, она силилась вспомнить хоть что-то еще – тошнота у горла подсказывала, что там что-то неприятное, очень, но гораздо хуже было ничего не помнить. Словно она оглохла и ослепла, словно лишилась всех органов чувств и ориентации. Она не знала ответов на самые важные вопросы. Кто она? Как ей себя вести? Вернуться к Грею или постараться спрятаться и забыть о нем? Опасен он для нее или нет?

В первую секунду она была так напугана возможным преследованием, что даже бросила коммуникатор в фонтан – словно Грей стал бы отслеживать ее по нему, как в шпионских фильмах. Но он бы не стал. Он хозяин мира. Если он захочет – через час ее будет искать вся полиция города – все, кто осознан. И ее быстро найдут, хотя бы по имени.

Не лучше ли ей самой вернуться? Извиниться хотя бы. Если он не хочет ее больше видеть – что ж, она это переживет. Наверное.

Грей.

- Знаешь, я передумал. Пусть полиция ее ищет, - махнул рукой Грей, доливая себе виски. - Я подумаю об этом завтра. Как долбаная Скарлетт.

- Кто? - не понял Лоран.

- Не слышал? А, не важно. У меня одна подружка зачитывалась. «Унесенные ветром». Унесенные, принесенные...

Грей встал, неловким движением схватился за край стола.

- По-моему, тебе хватит, - нахмурился Лоран. - Или протрезвей, а потом напивайся заново.

- А если я не хочу трезветь?

Лоран встал и поддержал его, когда Грей пошел вдоль стола и споткнулся.

- Я тебя не узнаю, - сказал он, развернув его к себе.

- Н... ну да, - глядя прямо перед собой, согласился Грей, качнул головой и выпрямился. А через секунду посмотрел на друга абсолютно трезвым взглядом:

- Хреново быть создателем. Даже надираться нет смысла, - заметил он и одним движением руки очистил стол: ополовиненная бутылка виски, стаканы пропали.

А потом перевел взгляд на Лорана:

- У меня такое ощущение, что ты тоже не в порядке, - сказал Грей, сузив глаза и невольно оценив расстояние между ними: слишком маленькое.

- Извини, - Лоран отступил на шаг и потряс головой:

- Я не хотел тебя трогать, просто...

- Просто ты ревнуешь, - подсказал Грей, не без некоторого раздражения.

Ноздри Лорана раздулись, он обхватил себя руками и с размаху опустился на диван:

- Ты бы не ревновал на моем месте? - сгорая от стыда за обиду в своем голосе, спросил он.

- Возможно, хоть я и не...

- Не бисексуал? Хоть ты и не хочешь меня? - резким тоном перебил Лоран. - Да дело сейчас не в этом! Мне, поверь, хватает секса с девчонками, я от них не бегаю как от чумы по десять лет, чтобы потом по ошибке лишиться девственности какую-то занозу в заднице!

Лоран теперь почти орал от злости, и Грей отшатнулся. Он понял свою ошибку, но поздно. Лорану следовало бы аккуратнее сообщать новости о его влюбленности, ведь они много лет были единственными близкими людьми друг для друга. Но он так привык всем с ним делиться, что как-то упустил это из виду.

- Я знаю, чем это закончится. Ты теперь будешь месяцами только с ней, а я буду третий лишний. И не рассказывай мне, что это будет иначе. Я через это уже проходил.

Лицо Лорана отражало такую злость и вместе с тем такую боль, что Грей проникся. Он прерывисто вздохнул и опустился рядом на диван:

- Ло. Послушай меня. Я знаю, что тебя предавали, и понимаю, почему тебе трудно поверить мне в такой ситуации. Но никакая женщина никогда не заставит меня разлюбить тебя. Мы слишком много лет вместе. Мы слишком много дерьма вместе съели и возможно еще съедим, - Он перевел дыхание и набрал еще воздуха, чтобы продолжить: Много лет назад ты понял и принял тот факт, что я не такой как ты и мы никогда не будем вместе в этом смысле. Пойми и прими сейчас, что во всех других смыслах мы всегда будем вдвоем.

Грей прямо смотрел в глаза Лорану, сидя к нему лицом. Он держал его за локти и находился к нему так близко, как мог, открыто показывая степень своего доверия и приязни.

- Мне иногда кажется, что ты испытываешь ко мне отвращение. Как все натуралы к геям, - прошептал Лоран и приоткрыл рот, явно сдерживая эмоции. - Что ты дружишь со мной просто потому, что больше не с кем.

- О чем ты говоришь? Ты же целовал меня, - фыркнул Грей.

- Это было много лет назад, - с почти детской обидой выпалил Лоран.

- Ты же знаешь, что в этом нет смысла. Я никогда не позволю тебе продолжить, - пожал плечами Грей. - Но если хочешь проверить - пожалуйста. Я НЕ испытываю к тебе отвращения, Лоран. Никогда не испытывал и не буду.

- Правда? - в карих глазах появилось облегчение, но недоверие все еще сохранялось.

- Боже, какой бред мы обсуждаем, - процедил Грей и сам наклонился, быстро касаясь губами его рта. И в тот момент, когда язык Лорана коснулся его нижней губы, он услышал какой-то звук и резко отстранился. А потом вскочил, глядя на ошеломленную Ашку. Девушка стояла посреди его столовой - очевидно, она только что перенеслась прямо сюда. Какой же неудачный она выбрала момент...

Розовые губы открылись и закрылись, отражая крайнюю степень изумления. А потом ее голова дернулась в сторону, и у нее вырвался нервный смешок.

- Я не хотела сбегать. И не хотела возвращаться, - тихо сказала она, поминутно неловко улыбаясь. - Но я рада, что сделала и то, и другое. Если вдуматься, это все так предсказуемо, хоть и... неожиданно. Я думала, это хотя бы будет девушка, Грей, - с новым, почти истерическим смешком выдавила она.

Оба мужчины, вскочившие на ноги, молча слушали ее, не зная, что ответить.

- Это не то, что ты думаешь, - наконец, выдавил Грей. Лоран прикрыл глаза: неудачное начало. Ашка расхохоталась, ее темные глаза отражали страшную злость.

Грей шагнул к ней, но она резко отодвинулась:

- Нет-нет. Уж лучше я не буду вам мешать.

- Ашка, просто послушай...

Его рука, протянутая к ней, повисла в воздухе. Девушка вновь исчезла, и на этот раз было очевидно, что возвращаться она не станет. Грей громко выругался, протянул руку, сгреб со стола свой коммуникатор и на этот раз с размаху раздолбал его об пол.

Лоран вздрогнул и выругался.

- Прости меня, - он опустил голову, когда Грей обернулся.

- Нет. Ты не виноват. Просто какая-то нелепая случайность. Я найду ее и объясню все.

- Позволь мне. Я найду ее для тебя.

25 лет назад. Полис. Спальный район.

Кровь стекала на асфальт, смешиваясь с грязью и дождем. Из разбитого, распухшего носа, изо рта, из ран на бедре и животе. Молодой мужчина, избитый до полусмерти, с трудом пошевелил рукой, опираясь на нее, медленно поднялся и сел. Осмотрев руку, он выдохнул с облегчением: он был уверен, что тот бугай сломал ему как минимум три пальца, наступив на ладонь. Но

следов повреждений и переломов не было.

Лоран поднял руку к голове, осторожно коснулся носа. Это было невероятно, но он тоже оказался целым. И даже как будто уже не болел. Дыхание выровнялось – удивительно, его же пырнули ножом в живот... подняв рубашку, он замер и даже провел пальцами по запачканной кровью коже... где же эта рана? Но раны не было. Лоран похолодел. Это уже было невозможно – он точно помнил, как нож вошел в его тело, и боль, и...

- Новенький? – осведомился женский голос позади, и он обернулся, все еще сидя на асфальте. Перед ним стояла женщина на вид лет сорока, с усталым лицом и хозяйственной сумкой.

- Вам лучше убраться отсюда, здесь небезопасно, - выпалил он, поднимаясь на ноги и оглядываясь по сторонам. Ему казалось, что те придурки вот-вот вернуться, но странно – переулок выглядел иначе, когда они его метелили. И была ночь, а теперь уже утро. Черт, это же не его улица.

Женщина между тем, отнеслась к его словам беззаботно и хохотнула.

- Я вижу, ты новенький, - сказала она, поудобнее перехватив сумку и не приближаясь. - У меня для тебя две новости, одна хорошая, другая плохая. Хорошая в том, что здесь безопасно. Плохая в том, что ты мертв.

- То есть как мертв? – уточнил Лоран у полицейского, которого вызвала женщина с хозяйственной сумкой. Служащий правопорядка велел ему следовать за ним и по дороге отвечал на вопросы.

- В самом прямом смысле, - буркнул полицейский. – Мы здесь все не живые. Ты в загробном мире. Ну, в одном из них. В этом городе не так уж много людей живет.

Улица петляла, Лоран изучал все вокруг взглядом, силясь найти хоть небольшое подтверждение словам своего собеседника. Но ничего необычного вокруг не было, наоборот – все было слишком обыкновенным. Они шли вдоль бетонных заборов, многоэтажных серых домов по самому обычному тротуару. Вдоль дороги были расставлены самые обычные фонари, на обочине росли деревья, кусты. Навстречу им шли прохожие – люди разных возрастов, очевидно, спешащие на работу. По проезжей части сновали автомобили – все как обычно.

- Я вам не верю. Это какая-то шутка или недоразумение, - выпалил Лоран.

- К сожалению, нет, - отозвался полицейский и указал дубинкой в сторону. Проследив направление, Лоран увидел девушку лет пятнадцати в раскрытом окне на уровне шестого или седьмого этажа. Она была одета в ночную рубашку и что-то беззвучно кричала, а потом прыгнула вниз. Тогда вслух закричал Лоран, невольно бросившись вперед, но полицейский придержал его за локоть, и на его изумленных глазах самоубийца исчезла прямо в воздухе, не успев пролететь даже двух этажей.

- Это спящая. Их здесь много. Они, в отличие от нас, живые, но они галлюцинируют и не могут нормально общаться, - объяснил офицер. – Когда сон кончается, они исчезают.

- Чччерт, - Лоран во все глаза смотрел на полицейского. – Я так и знал, что в рай не попаду. Но в психушку-то за что?

Через неделю он более-менее освоился. В полиции его записали, дали квартиру и объяснили, что можно не работать и делать все, что хочешь – по кодовому слову в ресторанах дают есть бесплатно, в магазинах тоже можно брать все, что хочешь. Но его предупредили, что через некоторое время начнется необратимый процесс забывания. Каждый обитатель Полиса уже год-два спустя почти ничего не помнил о прошлой жизни, забывал кодовое слово, а потом начинал воспринимать этот мир как реальный. Сознание подсовывало каждому ложные воспоминания, и при любой мысли о детстве и прошлом услужливо подсовывало их. Только вот прошлого и будущего в этом мире не было. Люди не старели, дети не выросли. Все словно застывало в одной точке, обреченные на жизнь без развития и перемен – с воспоминаниями, полными выдуманных событий и отношений. С планами на будущее, которым не дано воплотиться никогда.

Женщина с хозяйственной сумкой, как оказалось, попала в этот мир всего полгода назад. Она жила в том же доме, что и Лоран, и они иногда здоровались. Первые дни он посвятил долгим пешим прогулкам и был неприятно удивлен тем, что почти все улицы Полиса были похожи одна на другую, а большинство прохожих живут обычной жизнью. Очевидно, они не помнили, где находятся. На третий день его прошиб пот от внезапной мысли: что, если то, что он всегда считал реальностью – такой же мир? Может, вся эта анфилада миров – какая-то странная матрица, как в кино?

От этих мыслей накатывало отчаяние, он почувствовал, что вот-вот рехнется. И понял, почему сознание людей спустя столь короткое время отключается от этого кошмара. «Скорее бы», – подумал Лоран. А потом ему нестерпимо захотелось поговорить с кем-то, кто еще не забыл. Он пришел в полицейский участок и нашел того полицейского, Александра.

- Ну, пойдём, попьём пива, – согласился тот, пожав плечами, и отвел Лорана в бар неподалеку от участка. Снаружи место выглядело сверх непритязательным. Покосившаяся вывеска, грязные двери, почти непрозрачные окна, которые тоже казались грязными. Но внутри оказалось даже уютно, и за барной стойкой бегала приятная девушка, умевшая быстро наполнять бокалы и широко улыбаться.

Устроившись с пивом за стойкой, Лоран забросал офицера вопросами. И тот рассказал, что погиб в автокатастрофе год назад. Что сначала не хотел работать, и просто шатался вокруг, но это быстро надоело.

- Ты был полицейским в реальности?

- Нет. Я был стоматологом. Но здесь никто не болеет, и врачи не нужны.

- Ясно. Тебе нравится в полиции?

- Не скучно. Работы хватает, – Александр пожал плечами. – А ты как погиб?

- Тоже... в катастрофе, – выдавил Лоран.

- Ясно, – отозвался Александр. – Да тут многие так. Видишь барменшу? Утонула пьяная на пикнике год назад. Только она уже этого не помнит. Думает, что десять лет работает в этом баре. Мы с ней болтали, когда я только появился здесь, видел бы ты, какое у нее было лицо – вся тоска мира: к маме хочу, к жениху хочу... а сейчас уже все – счастливый человек!

Взгляд Лорана невольно остановился на улыбчивой темноволосой девушке за стойкой. Счастливой, по его оценке, она не выглядела – но жизнерадостной, да. Оптимистичной и веселой. Барменша легко улыбалась каждому вновь пришедшему, словно ждала только его

целый день, быстро подавала напитки, находила пару ободряющих слов для каждого, кто пришел выпить с расстройства, хохотала в ответ на шутки тех, кто сам был в хорошем настроении. Ей, похоже, нравились любые попытки пошутить, потому что взрывы мелодичного смеха за стойкой раздавались почти ежеминутно, и постепенно все больше желающих развеселить юную симпатичную девчонку прилипало к стойке.

- Ты хочешь поскорее оказаться на ее месте? – спросил Лоран у полицейского, с интересом и страхом – сам он находился во власти двойственных ощущений, наблюдая за смеющейся девушкой. Разве потерять свои воспоминания, себя – не означает смерть, гораздо более страшную, чем то, через что он уже прошел? Как это – когда он не будет помнить ни мамы, ни детства, ни подлого малыша, ни запаха свежесвеженных круассанов, ни вкуса мидий, ни Парижа – всей своей прежней жизни? Будет ли это все еще он, или его заменит какой-то манекен, голограмма с похожей внешностью, голосом и мимикой?

- Э-э... хороший вопрос, дружище, - полицейский криво улыбнулся. - Скорее, да. Хотя я и понимаю, что умру. Но это же неплохо, раз я уже мертв, да? Это естественно?

Лоран вздрогнул, посмотрев в слегка пьяные глаза, явно немного напуганные, ищущие одобрения.

- Наверное, - выдавил он. - У меня просто крыша едет от этого. Я не знаю, что мне делать. Наверное, надо устроиться на работу, но я даже думать сейчас ни о чем не могу, - выпалил Лоран.

- Я понимаю, я также первую неделю волосы на себе рвал. Скучал по всем там... у меня жена была, дети, - полицейский приложился к пиву, и Лоран сглотнул, опустив глаза. У него не было ни жены, ни детей. Он совсем об этом не подумал – каково бывает тем, у кого они есть. Этому парню гораздо тяжелее, а он тут сопли разводит...

- Думаешь, мы тут навечно? – вдруг спросил Александр, глядя в сторону.

- Не знаю, - Лоран пожал плечами. - Умереть же нельзя, так?

- Так, - с кривой улыбкой кивнул полицейский.

- Ты пробовал, да? – догадался Лоран.

- Пробовал. Раз двадцать, - подтвердил тот.

- Больно?

- Больно, конечно. Но недолго, - невесело хохотнул его визави и заказал еще пива. – И глупо. Я теперь просто жду, когда забуду. Ты просто терпи – скоро все пройдет.

Лоран первый раз решил две недели спустя – его неудержимо тянуло попробовать. Выбор пал на прыжок с высоты – красиво и захватывающе. Высотку он заметил в первый же день – единственная в городе, башня из затемненного стекла. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что над огромными раздвижными дверями не располагалось ни единого опознавательного знака. Заходя внутрь, он также обратил внимание на то, что вокруг здания царил тишина – ни единого спящего, ни единого городского жителя. При входе внутри располагалась стойка рецепции, как в отеле, за ней сидела девушка в строгом стильном костюме:

- Добрый день!

Она просияла улыбкой так, словно ждала целый день именно его.

- Добрый день, - машинально ответил Лоран, ожидая, что его остановят и спросят, к кому он идет. Но девушка лишь проводила его глазами до лифта и не остановила. Металлическая кабина с большим зеркалом на задней стенке распахнула перед ним двери, и он вошел внутрь, нажав на кнопку сорок третьего этажа - самого последнего.

Стоило ему сделать это, как двери мгновенно захлопнулись, и кабина с удивившей его скоростью ринулась вверх. От этой скорости даже заложило уши. Через несколько секунд на табло уже загорелась цифра 43, и двери снова распахнулись.

Лоран сам не знал, что ожидал увидеть, но только не жилое помещение. Оказалось, что лифт вел прямо внутрь чьей-то квартиры. Ему стало неудобно, но с любопытством он не справился и вышел из лифта, решив осмотреться. Если его арестуют за незаконное проникновение - у него есть знакомый в полиции, мелькнула глупая мысль.

Ступая по идеально ровному паркету, Лоран все выше поднимал брови. Очевидно, что в этих апартаментах жил весьма состоятельный человек по местным меркам... по любым меркам. Оценив роскошное рабочее пространство с огромным столом, тремя огромными мониторами и удобным разлапистым креслом, он пошел дальше, вдоль стеклянной стены. На пару минут остановившись, оценил панорамный вид из окна - всеобъемлющий и одновременно унылый, как и весь город.

А потом замер перед внушительных размеров бассейном - ничего себе! Поперхнувшись, Лоран уставился на воду и невольно вздрогнул, когда краем глаза заметил движение, слева от него.

- Я тебя ждал, - лениво произнес хозяин, который, как оказалось, все это время сидел в тени, в зоне отдыха, на большом диване. Перед ним на журнальном столике дымилась чашка кофе.

Лоран ошеломленно моргнул, от неожиданности не сразу улавливая смысла сказанного.

- Черт... и-извините, я не хотел вторгаться в ваш дом...

- Ну, это вранье. Если бы не хотел, то и не вторгся бы, правда? - незнакомец поднялся с дивана, невозмутимо оглядывая его от макушки до потрепанных кед и обратно.

- Извините, - повторил Лоран, невольно опуская глаза под пронзительным взглядом темно-серых глаз. Хозяин шикарных апартаментов оказался слегка ниже его ростом, но уверенности в себе у него хватало.

- Принято, - спокойно ответил он. - Меня зовут Грей Люче. А тебя?

- Лоран Морель.

- Пришел прыгнуть?

- Д-да, - признался он, опустив глаза.

- Все еще хочешь? - осведомился хозяин квартиры, приглашающим кивком указав на стеклянную стену. Лоран изменился в лице, невольно улыбнулся и помотал головой. Теперь ему казалось это глупым, и гораздо больше хотелось познакомиться с этим человеком.

- Садись, Лоран, поговорим, - предложил Грей и махнул рукой в сторону кресел, установленных напротив стола с другой стороны. - Что будешь пить?

- Кофе меня устроит, но это не обяза...

Он осекся, когда чашка кофе материализовалась перед ним из воздуха. Несколько секунд Лоран тупо смотрел на нее, потом на собеседника, который невозмутимо устроился на своем месте на диване. Он невольно вцепился пальцами в ручки кресла и наклонился вперед:

- Это как? - прохрипел Лоран.

- С помощью воображения, конечно. Тебе не приходило в голову им пользоваться?

Лоран перевел взгляд на чашку кофе и облизал губы:

- Я могу попробовать?

- Думаешь, не настоящий? - Грей улыбнулся и взял в руку свою чашку, демонстративно отхлебнув.

Рука Лорана опасливо дотронулась до чашки, которая на ощупь оказалась весьма горячей. Осторожно перехватив ее за ручку, он поднес напиток к губам и попробовал:

- Не очень-то вкусный, - произнес он через пару секунд.

- Ну, попробуй создать вкуснее. Ты тут уже неделю мне весь мир рвешь по швам. Ни за что не поверю, что ты не можешь сделать чашку кофе.

- Я - что делаю уже неделю? - не понял Лоран.

- У-у-у, с тобой предстоит долгая работа, - недоверчиво качнул головой Грей. - Если только не валяешь дурака.

- Я ничего не понимаю, - с тревогой произнес Лоран, поставив чашку кофе на стол. - Пожалуйста, объясните мне. Вы что - дьявол?

На этот раз Грей рассмеялся.

- О, нет, топ амі. Я плох, но не настолько, - сказал он, вытирая выступившие слезы. - Не дрейфь, сейчас все объясню. И не обращай внимания, что я над тобой смеюсь - я просто рад тебе. Ты даже не представляешь, как.

Они быстро стали друзьями. Первые два месяца они не расставались вообще. Грей поселил его у себя и всему учил, подробно объясняя каждую мелочь, не оставляя без ответа ни один вопрос.

Он рассказал, что является хозяином этого мира, но это не ад - просто в момент смерти десять лет назад Грей оказался достаточно сильным, чтобы создать себе убежище, а не искать его, и тогда он создал его. Он сразу признался, что ужасно скучает здесь и хотел бы уйти, да не может.

«Я понятия не имею, как отсюда выбраться, Лоран, - со вздохом сказал Грей. - И возможно ли это вообще».

После создания этот мир начал притягивать других умерших и живых, которые попадали сюда во сне, пояснил Грей. Но если умершие находились в Полисе осознанно, могли понимать и осознавать все, что вокруг них было, как реальность, то спящие лишь галлюцинировали и почти не видели ни обстановки вокруг, ни других людей. Они постоянно исчезали и появлялись. Их возможности были сильно ограничены, но они могли создавать иллюзорные предметы - абсолютно проницаемые, их вещи не принадлежали этому миру, но иногда казались реальными.

- На тебя еще не нападали с топором или ножом? Это бывает, - сказал Люче однажды вечером, когда они гуляли по центральному парку. - Неопасно, но неожиданно и иногда страшно. Женщины очень пугаются.

Лоран невольно коснулся места на своем животе, куда вошел нож. Ему иногда казалось, что он до сих пор там. Он молча кивнул.

- Хочешь, потренируйся сейчас. Измени здесь что-нибудь, - предложил Грей.

Лоран кивнул и остановился, выбрав своим объектом особенно уродливый, кривоватый фонарь. Менять и создавать предметы он научился почти сразу, но до сих пор у него уходило на это гораздо больше времени, чем у Грея. Оказалось, что с первого дня появления в Полисе он незаметно для себя менял мелкие детали - цвет занавесок, форму чашек. Поэтому с первого же дня Грей почувствовал его. Он мог бы сразу это пресечь, но счел его безобидным и решил наблюдать, предположив, что Лоран скоро сам его найдет. Так и случилось.

Уродливый фонарь за три минуты выпрямился, стал изящнее, тоньше, засиял мягким светом.

- Это можно делать быстрее, - заметил Грей и одним небрежным взглядом вернул фонарю прежнюю форму: Давай еще раз. На этот раз сделай все сразу.

Со второго раза Лорану удалось добиться результата за вдвое меньший промежуток времени, и он улыбнулся.

Так Грей учил его между делом, а вечерами они допоздна болтали обо всем на свете, развалившись на диванах в уютной комнате этажом ниже, соединенной со столовой. Они не сразу открывались друг другу. Лишь три недели спустя Лоран смог признаться, что его убили. И был ошеломлен, услышав от Грея, что и он тоже оказался жертвой преступника, только был застрелен, а не зарезан ножом.

С этой минуты он чувствовал между ними еще большую близость, и постепенно они оба возвращались к разговорам о своей смерти, пока не рассказали друг другу все. Это случилось обычным вечером, за бутылкой виски. Лоран расспрашивал о том, как ему удалось создать мир, и Грей внезапно перестал отделяться общими фразами.

- Это не первый мир, кроме реальности, в котором я живу, - отведа глаза, признался он. - Я много лет до смерти жил в параллельном мире, во сне. И это был прекрасный мир. Не такой, как мой.

Лоран широко раскрыл глаза и наклонился вперед, впитывая каждое слово. О том, как некоторые живые люди могут за ночь прожить почти месяц в параллельном мире из-за деформации ощущения времени. О том, какой прекрасный мир могут создать несколько людей, таких сильных, как они двое - при условии, что они живы.

- У меня еле-еле хватает сил на это..., - Грей замялся, подбирая слова, - жалкое подобие

нормального мира. С каждым новым жителем я теряю силы. С каждым новым жителем здесь я вынужденно сокращаю территорию Полиса – десять лет назад он был почти вдвое больше. В прошлом году я вынужденно удалил двести человек. Я не знаю, куда они попадут потом. Возможно, я их убил окончательно.

Голос Грея понизился до шепота, и Лоран боялся пошевелиться или чересчур шумно выдохнуть. Он ловил каждое слово.

- Со мной тебе будет легче? – спросил он, когда его визави замолчал.

- Если ты согласишься помочь. Но учти, ты будешь терять энергию и сильно уставать от этого.

- Я помогу, – решил Лоран, подумав не больше полуминуты. – Я ведь теперь тоже здесь живу.

- Спасибо, Лоран, – кивнул Грей. – Взамен я разрешу тебе менять все, что ты хочешь. Я готов к партнерству.

Он протянул ладонь, и Лоран невольно сглотнул, касаясь его теплой твердой руки. Грей понятия не имел, что интересует его не только как друг. Что мужчины и женщины одинаково могли привлекать его как возможные сексуальные партнеры. А в Грее все было чертовски привлекательным – его мягкий уверенный голос, пронзительный взгляд, непослушные волосы, красивые руки и губы... Но его возбуждение от прикосновения к ладони друга тотчас испарилось, как только он услышал:

- Я хочу рассказать, как я погиб. Я никому еще не рассказывал.

Спина Лорана резко выпрямилась, вниз по позвоночнику пробежал холодок, и он настороженно посмотрел на Грея:

- Ты уверен?

- Да. И я не настаиваю на ответной откровенности, так что не беспокойся.

- Хорошо, – серьезно кивнул Лоран, еле слышно переводя дыхание. Он очень хорошо представлял, как тяжело было Грею решиться, и не собирался мучить его еще больше, вводя в сомнения.

Пальцы его друга лежали на коленях, крепко сплетенные между собой, и глаза Лорана как-то сам собой уперся в них – он не хотел смущать прямым взглядом в лицо и боялся помешать этим рассказу.

- У меня была девушка в том мире, очень милая. Она любила меня так, как только может женщина любить мужчину, но я ее оставил. Ради другой, – начал Грей, остановился и глубоко вздохнул. Было очевидно, что говорить о прошлом ему оказалось тяжелее, чем он предполагал, но, сделав небольшую паузу, он продолжил:

- В меня многие тогда влюблялись, я никогда не придавал этому особого значения. Теперь я понимаю, что просто сам тогда так сильно не любил, не понимал, как это больно. Я стремился быть легким, для всех хорошим, и у меня отлично получалось. Я рассмеялся, когда ты сравнил меня с дьяволом, потому что про меня прежнего никто бы так не подумал, – Грей снова пошевелился, протянул руку к стакану с виски и сделал глоток, а потом продолжил:

- Меня сравнивали только с ангелом, хотя я вел себя с женщинами в общем как подонок. Я

знал, как их привлечь, приучить к себе, приручить. И я делал все это, в том числе с юными и недостаточно опытными девушками. Я был с ними идеальным, а потом бросал. И я испытывал особое удовольствие, делая так, чтобы они не винили меня в расставании. Я считал, что это высший пилотаж любовного искусства. Я даже не понимал, что они будут винить себя, что уничтожаю их самооценку. Я искренне считал, что учу их не привязываться.

Грей прикрыл глаза и покачал головой, словно сам себя слушал и осуждал со стороны.

- Так вот, у этой девушки до меня был парень, - продолжил он. - Очень закомплексованный, как выяснилось, и он страшно разозлился, когда она ушла. Но еще больше, наверное, он разозлился, когда я ее бросил. Для него она была всем, а я просто увел ее от него и все.

- И это он тебя застрелил, - невольно выпалил Лоран и испугался, когда Грей резко поднял глаза. Но Люче не обиделся. Он просто облизал губы и кивнул:

- Да. Это он. Он нашел меня в реальном мире и перед выстрелом нес какой-то жуткий бред про то, что я отнял у него смысл жизни. Он был чокнутым, конечно, и я надеюсь, что его посадят за мое убийство, но кое-чем он был прав. Я, походя, разрушал чужие жизни. И из-за этого, в общем, и погиб. Мне нечем гордиться.

Грей снова сделал глоток виски, но Лоран протестующе взмахнул рукой:

- Мне кажется, ты чересчур загоняешься, дружище. Твоя бывшая девушка уже давно, может быть, счастлива с другим, пока ты тут страдаешь. Ты не заслуживал смерти просто за то, что бросил кого-то.

- Возможно, - Грей неуверенно улыбнулся. Лоран плеснул себе из бутылки и тоже сделал хороший глоток.

- Я знаю, что ты хотел бы услышать мою историю тоже, - проговорил он, отводя глаза.

- Я не настаиваю, - быстро ответил Грей.

- И я очень благодарен за это, - кивнул Лоран. - Но лучше момента, чтоб рассказать тебе, я, наверное, уже не найду.

«Ну, привет, вот бог, а я его генерал,
я тебя придирчиво выбирал
и прибрал со всем твоим барахлишком
человеческий, весь в прожилочках, минерал,
что-то ты глядишь изумленно слишком
будто бы ни разу не умирал...»

Вера Полозкова

Лоран. Несколькими месяцами раньше. Париж.

- Я хочу попробовать, что в этом тебя шокирует?

Анри держался с бравадой, которой – Лоран готов был поклясться – придет конец, как только он коснется молнии его штанов. Обычный скучающий «золотой» мальчик, которого двумя неделями раньше бросила знойная красотка, да еще с его другом. Это, конечно, считалось «полным отстоем», хуже какого быть не могло, и Анри со вкусом страдал, а теперь решился податься во все тяжкие, чтобы умаслить израненное самолюбие и заодно найти приключения на пятую точку в прямом смысле слова.

Лоран был знаком с этим желторотиком через его старшего брата. С Этьеном, стопроцентным геем, у него был короткий роман прошлым летом, однако потом они оба без обид пошли своими путями, поскольку Этьен не готов был делить бойфренда с девочками, а Лоран не был готов к моногамным отношениям. К любым отношениям вообще.

В будущем он планировал перестать балбесничать, набраться храбрости и поступить в Университет, к тому времени определиться, с кем хочет серьезных отношений – с мужчиной или с женщиной. А до тех пор он работал официантом в сетевом ресторане «Леон де Брюссель» на площади Клиши, и по вечерам гонял между столиками с горячими кастрюльками, полными мидий. После работы, ночью мог зацепить скучающего иностранца или иностранку на бульваре и, уведя от профессионалов, развлекать полночи за выпивку и еду.

Обычно он тратил около часа на демонстрацию достопримечательностей, по дороге рассказывая про улицу красных фонарей парочку-другую смешных историй, почти ничего общего не имеющих с реальностью, а потом шел со своим случайным знакомым или знакомой в номер отеля, чтобы там до четырех-пяти утра со вкусом испытывать прочность кровати. Но он не считал себя проституткой и никогда никого не «разводил» на деньги. Иногда ему их давали, и тогда Лоран их брал у мужчин, а женщинам с поклоном возвращал, целуя руки на прощание.

По пятницам он зависал в ночных клубах со школьными друзьями, но старался с ними не спать, избегая сколько-нибудь длительных отношений. В компании были и девочки, и мальчики – в основном официанты и бармены, ди-джеи – лишь пара его знакомых училась в вузе. Анри, золотой мальчик-первокурсник юридического факультета, был вхож в их компанию только из-за родства с Этьеном. Он невпопад смеялся, невпопад рассказывал всякую ерунду о своих знакомых, но был безобиден, и его никто не гнал. Внешность у него была смазливая – Лорану такие нравились – но с первого же взгляда было ясно, что парнишка «по девочкам», а соблазнять таких пухлощеких желторотиков-гетеро не соответствовало его принципам. Он предпочитал быть на сто десять процентов уверенным, что все добровольно, еще с тех пор, как впервые поцеловал парня в школе, а потом тот плакал полчаса, хотя сначала вроде тоже хотел.

Разница в возрасте у Лорана с девятнадцатилетним Анри составляла всего три года, но на самом деле он был старше на жизнь. Лоран рос без отца, с матерью, у которой всегда были проблемы с любовниками или с наркотиками. Или с тем и с другим одновременно. Его дважды нетрадиционная сексуальная ориентация научила быть очень осторожным, очень внимательным и крайне недоверчивым. Его первый раз избили на улице, когда он был в седьмом классе – так, что он попал в больницу. Мама не смогла навестить ни разу. Когда он вернулся домой, она была в отключке. А когда ему исполнилось девятнадцать – умотала куда-то с очередным любовником и не оставила телефона. Впрочем, к тому времени он был этому только рад, и с удовольствием стал жить в квартале один.

Анри вряд ли когда-либо в жизни сталкивался с проблемой серьезнее сломанного велосипеда. Он ничего не знал о том, как зарабатывать на квартплату, как самому платить даже за коктейль в клубе – за все платили его родители по кредитной карточке, которая называлась

«карманные расходы». У Лорана никогда не было карманных расходов. Когда он хотел есть в школе, он просто отнимал завтраки у сопляков из младших классов или клянчил у девчонок.

В общем, они были такими разными, что сама мысль о том, чтобы оказаться с Анри в постели, казалась ему насмешкой. Поэтому когда малыш увязался за ним из клуба и стал приставать в метро, Лоран просто фыркнул и засмеялся.

Он прижал руку к стеклу за головой Анри, стоявшего у двери и изо всех сил пытавшегося принять соблазнительный вид.

- Маленький, если ты сегодня первый раз запил свой апельсиновый сок коктейлем «Манхеттен», это еще не значит, что ты готов попасть на Манхеттен, - насмешливо проговорил Лоран, с удовольствием заметив, как Анри залился краской. Но малыш не сдался и ринулся в атаку, едва облизав губы:

- Так кто из нас сейчас трусит? - сверкая своими голубыми глазами, выпалил он.

- Иди, проспись, Анри.

Лоран практически вытолкнул недоделанного соблазнителя на его станции и поехал дальше один. Вагон был заполнен почти битком, и отражения людей, мелькавшие в стекле, казались олицетворением нескончаемой череды бессмысленных встреч и расставаний в его жизни. Он устало прислонил лоб к стеклу и поклялся себе больше не спать с кем попало. От всего этого начинало подташнивать, причем тошнота не проходила, и преследовала его круглосуточно.

Но назавтра малой где-то раздобыл его адрес и явился прямо к нему домой. Звонок в дверь прервал его завтрак. Когда Лоран ее открыл, то едва не зарычал, увидев, кто на площадке:

- Уважаю настойчивость, но если ты не уберешься на счет три - я звоню твоему брату, - предупредил он.

- А если я в тебя влюблен?

- Тогда тем более, - отрезал Лоран и хотел захлопнуть дверь. Но Анри уже как-то протиснулся в его студию.

- Я сделаю все, что ты хочешь, - заныл он, испуганно вытаращившись прямо на него. Его влажные губы находились сейчас сантиметрах в двадцати, как вчера в метро.

- Малыш...

- Все.

Он снова облизал пухлые соблазнительные губы, и на этот раз Лоран возбудился. Он раздул ноздри, с долей злости толкнул Анри к стене и прижал всем телом:

- Только попробуй, откажись в последний момент. Я тебя так отделаю, что ты отсюда уползть будешь, - рявкнул он, в последний раз давая ему шанс испугаться. Но Анри лишь улыбнулся и снова облизал губы:

- Я не откажусь.

Поцелуй почти полностью лишил его контроля над собой. Лоран никогда не целовал парня, для которого это было бы первый раз - пусть даже только с мужчиной. Это возбуждало, как и

нежность Анри, и его явная готовность подчиняться. В какой-то момент даже показалось, что в его руках женщина.

Оставив его лишь на пару секунд, чтобы задернуть шторы, Лоран вернулся и развернул Анри лицом к стене. А потом дернул вверх футболку, провел ладонями по нежной мягкой коже, источающей странный аромат, словно мужской лосьон смешали с детской присыпкой. Анри был почти на голову ниже, и Лорану было легко доминировать. Он слегка сжал его шею пальцами:

- Раздевайся.

Пока Анри слегка подрагивающими руками расстегивал ремень, он наощупь открыл ящик прикроватной тумбочки, достал смазку и презервативы. А потом быстро разделся, поймав слегка испуганный взгляд голубых глаз. Пухлые губы слегка приоткрылись, когда он оценил его размер. Лоран криво улыбнулся, скользнув в ответ взглядом по его стройному, но совсем не тренированному телу. Он ждал, что Анри попросит пощады и вот-вот сбежит, но на удивление малыш совладал со своим страхом, шагнул к нему и вновь потянулся за поцелуем. И был при этом так трогательно беззащитен, что его сердце дрогнуло, и он передумал снова его пугать.

- Первый раз немножко больно, - шепнул Лоран после поцелуя. - Я осторожно, не бойся.

Анри кивнул и безропотно лег с ним в постель. Лоран был с ним внимательным и осторожным, как и обещал. И этот секс запомнился ему как один из самых нежных в жизни. И это было очень, очень неплохо. Хоть малышу и было больно, и он много хныкал в начале.

И даже после того, как Анри пролежал еще пятнадцать минут после всего в его объятиях, ласкаясь, как девчонка, он был уверен, что второго раза не будет. Но он ошибся.

Малыш проводил его до работы, и вечером ждал, когда он закончит. А через неделю практически переехал к нему.

Проблема в виде Этьена проявилась недели через три. В один прекрасный без преувеличения вечер, когда Лоран решил после работы прогуляться по бульвару, купил по дороге огромный блин со сливочным маслом и уминал его за милую душу. В какой-то момент справа прилетел смачный удар по руке, и его недоеденный блин оказался на асфальте. А сразу затем сильная тренированная рука взяла его за горло, и Лоран плюхнулся на деревянную скамейку, больно приложившись задом.

- Какого хрена ты делаешь с моим братом? - зарычал ему в лицо его бывший любовник.

- Э-э-э-тьен, давай ты слегка остынешь для начала, - предложил Лоран, но это, очевидно, был неправильный ответ на вопрос, потому что Этьен фактически забрался на него сверху и сжал его горло сильнее. Две девчонки-туристки, стоявшие возле скамейки, шарахнулись в сторону. Лоран поймал напряженный взгляд черного парня-проститутки, дежурившего неподалеку. Они были шапочно знакомы, и тот взглядом спросил, нужна ли помощь, но он качнул головой. С Этьеном он справится, даже если тот примется его метелить. Но Лоран не думал, что до этого на самом деле дойдет.

- Мы трахаемся. Остынь, - рявкнул Лоран в лицо Этьену, одновременно сильным движением сбрасывая его с себя. - Я ничего не делал против его воли.

- Он не гей.

- Отлично. Я тоже. И что?

Лоран смотрел в остывающие глаза Этьена. Тот прерывисто вздохнул, все еще сжимая кулаки, но воинственности уже заметно поубавилось.

- Если ты его обидишь - ты будешь иметь дело со мной. И не только, - рыкнул Этьен напоследок. Лоран с сожалением посмотрел на свой блин, уже кем-то растоптанный на земле, и покрутил у виска ему вслед. А потом подмигнул чернокожему парню, который со слегка отвисшей челюстью и явным облегчением на лице наблюдал за развязкой.

Рука поболела пару дней, потом все прошло, и Лоран забыл об этом инциденте. И это было неважно, пока пару месяцев спустя Анри вдруг не исчез. Его мобильный три дня был отключен, и Лоран, полный тревоги, даже позвонил Этьену, но тот тоже не знал, где брат. И он нарвался на рычание с угрозами убить его, если он к этому как-то причастен.

На следующий день Анри появился на пороге его квартиры, весь покрытый ссадинами и синяками. Но это была не вся проблема - едва взглянув на него, Лоран понял, что малыш под кайфом. Благодаря маме он знал все возможные оттенки такого состояния, хоть сам ни разу не пробовал никакой дури. С ругательствами он затащил малыша в душ, а после него, приведя в чувство холодной водой, устроил разнос.

Лоран не помнил, когда в жизни на кого-то так кричал. И кричал ли когда-нибудь. Малыш сидел на его кровати, трясся от отходняка и сжимался, поминутно ожидая удара. Но он не собирался его лупить: он никогда ни на кого не поднимал руку, хотя ответить умел, если что.

- Если еще раз я увижу тебя в таком состоянии - выкину. Мне этого дерьма не надо, - процедил Лоран напоследок и, вытянув зубами сигарету из пачки, закурил. Впервые за последние пять месяцев.

Потом Анри долго просил прощения, и они занялись сексом. И все вроде наладилось. Были совместные тихие вечера, с телевизором и ненапряжными разговорами о том - о сем. Даже выходы «в свет», когда они как пара заявлялись в клуб, и вызывали перешептывания и удивленные взгляды. Лорана даже не злило, что девчонки и все остальные говорили, что он «остепенился». Хотя это чушь была, конечно.

Они, возможно, спокойно расстались бы с малышом со временем, но это случилось раньше и болезненнее, чем Лоран предполагал. Просто в один из вечеров, когда он ждал Малыша на бульваре после работы - тот не пришел. И не ответил ни один звонок из четырех, ни на одну смс - из шести, даже не удосужившись выключить телефон. Он не сразу понял, он даже позвонил Этьену, и спросил, все ли в порядке с Анри, получив в ответ холодное и удивленное: «а что может быть не так?»

Три дня он ходил как бревном по голове стукнутый, не понимая - как же так, после месяцев практически совместной жизни, можно просто исчезнуть. За Малышом, конечно, водился такой недостаток, как трусость, но не до такой же степени, чтобы просто не сказать, рассуждал Лоран. Снова и снова он не понимал, как Малыш мог вот так разорвать отношения - ни полслова, ни даже смс.

Это мучило его ужасно, отвратительное чувство незавершенности и непонимание - что произошло? Он мысленно перебирал их разговор накануне, днем ранее... двумя. Но они ни о чем особенном не говорили, что могло бы обидеть Малыша и вызвать такую реакцию. И чем больше Лоран понимал, что ничем такого не заслужил - тем больше кровоточило его сердце и все внутренности. И он даже до конца не верил, каждый день ожидая, что найдется какое-то

фантастическое объяснение, что Малыш вдруг появится, придет, позвонит - и все снова будет как раньше.

Оглушающее отрезвление наступило в пятницу, когда Малыш появился в клубе с блондинкой на высоченной шпильке. Его новая девушка в целом была даже мила в стильном спокойном платье, с минимумом косметики на лице и спокойными манерами. Но Лоран возненавидел ее с первого взгляда - благо, смотреть пришлось не долго, он ушел.

После этого ему было так плохо, что пришлось даже брать отпуск. Неделю ровно он никуда не выходил, ни с кем не разговаривал - просто сидел в своей комнате и играл в онлайн-игры. А потом потихоньку взял себя в руки, затолкал все чувства в дальний угол, вернулся на работу и стал общаться с друзьями, как ни в чем не бывало - даже с Этьеном, который остыл насчет него после того, как Лоран расстался с его братом.

Через две недели он снова заметил Малыша в клубе, болтающим с дилером. В тот же момент он развернулся и склеил девушку, работавшую в клубе официанткой, которая почти месяц упорно улыбалась ему.

- Я думала, ты гей, - изумленно пробормотала она, когда Лоран утащил ее в туалет и стал целовать.

- Тогда зачем флиртowała? - хмыкнул он. - Ради чаевых?

- Да какие с тебя чаевые? - засмеялась она. - Просто... все равно нравился ты мне.

- Поедешь ко мне со смены? - спросил он.

- Ага, - с готовностью согласилась она.

Он соскучился по девочкам, и с удовольствием переключился на Анну-Мари. Воспоминания о малыше периодически всплывали, но со временем он перестал заикливаться. Примерно месяц спустя Анри появился в клубе с новым покровителем. Тот имел полубандитский вид и выглядел намного старше их всех - лет тридцать пять. К тому времени Лоран успел расстаться с Анной-Мари и закрутить с новым официантом из своего ресторана, но это все равно был шок.

Он уговорил себя, успокоил тем, что Малыш бросил не его - он просто вернулся к своей гетеросексуальной сущности. Увидеть его с другим мужчиной ощущалось как хороший удар под дых. И он думал, что это последний раз, когда Анри причинит ему боль, но однажды, вернувшись домой, Лоран нашел его под своей дверью.

Едва узнав его, Лоран решил, что он опять накачался дурью, но когда Анри поднял глаза, они были чисты.

- Я соскучился. Ужасно, - заныл он, едва увидев. Дыхание Лорана сбилось. Он несколько секунд просто смотрел на малыша в упор, а потом сгреб за шкуру и втащил в квартиру. Малыш был невероятно нежным и страстным. Они проговорили несколько часов - всхлиывая, Анри извинялся за блондинку, с ревностью расспрашивал про официантку в клубе и своего брата.

Лоран смеялся над ним. Ему очень хотел предложить Анри переехать - было понятно, что всего этого месяца словно не было, и они принадлежат друг другу. Но он решил отложить романтику на вечер. Подготовиться, взять бутылку вина хотя бы.

Они договорились, что Анри придет на площадь Клиши после его смены. Но когда Лоран

вышел с работы, Анри не было, а его телефон молчал. Сердце дико забилося от тревоги, но он усилием воли удержался от звонка Этьену – не хотел рассказывать ему, что они снова вместе. С упавшим сердцем и сильной тревогой он поехал домой. И перед самым своим домом увидел малыша.

Но тот был не один. По правую руку от него стоял давешний бандит-любовник, и еще трое очень накаченные ребята. Один из них наматывал на кулак цепь, в руке другого блестел нож. Лоран встретился глазами с Анри. Он понимал, что ситуация очень плохая. Три часа ночи, темная улица, и он один лицом к лицу с тремя мужиками, каждый из которых и в одиночку сильнее его. С мужиками, которым, вероятно, случалось в жизни убивать.

Но в ту секунду его волновало не это.

- За что? – беззвучно прошептал он малышу, и тот изменился в лице.

- Это он тебя подсадил? – хмуро осведомился любовник Анри.

Лоран как в замедленной съемке наблюдал, как малыш кивает своему покровителю, а потом вразвалочку идет к нему. И уже было заметно, что он накачан наркотой. Подсадил? Он? Смешно... но по любовнику Анри не было видно, что он готов слушать объяснения – как и по другим бандитам.

- Ты думал, можешь меня просто так бросать с какой-то шлюхой? И потом мосты к моему брату подбивать? Получи! – прошипел он ему в лицо так, чтобы ребята сзади не слышали. Его лицо было почти не узнаваемым, искаженным ненавистью к нему.

Что случилось потом, он помнил плохо, только первый удар кулаком с намотанной на него цепочкой, ломающий ребра – он даже не знал, что можно так сильно бить. Он помнил фрагменты, вспышки самой сильной боли – как наступили на руку, ломая пальцы, как визжал малыш, чтобы его не убивали, как вонзился нож в подреберье и обжег его до желудка.

А потом он оказался в Полисе, и все прошло.

Грей еле слышно перевел дыхание, и Лоран невольно улыбнулся – его новый друг тоже старался не дышать, пока он занимался душевным стриптизом. Закончив рассказ, он долил себе еще виски и выпил, почти не ощущая вкуса.

- Мне очень жаль, что тебе пришлось пережить такое отвратительное предательство, – тихо сказал Грей, наконец.

Лоран поднялся и подошел к стеклу, за которым расстилался город. Его не интересовали формулы вежливости. А настоящих чувств Грея он не понимал, и не мог определить, заслуживают ли его слова доверия. По его выражению лица ничего нельзя было понять, хотя именно в этот момент Грей, вероятно, решал, стоит ли дальше иметь с ним дело.

- Тебе неприятно, что я бисексуал? – прямо спросил Лоран, набравшись смелости. И резко повернулся, впиваясь взглядом в лицо Грея.

- Нет, – сказал тот, отвечая открытым, спокойным взглядом. – А я тебя привлекаю? – спросил он, слегка помедлив и отводя глаза. Теперь Лоран готов был поклясться, что заметил неудобство и смущение.

- Да.

- Тогда я должен сразу сказать, что я не...

- Я знаю. Я ни на что не рассчитываю, только на дружбу, - перебил Лоран.

- Это хорошо. Дружбу я могу гарантировать.

Грей встал и протянул руку, но в последний момент отдернул:

- Мне лучше не касаться тебя, да? - с легкой неловкой улыбкой осведомился он.

- Лучше, да, - широко улыбнулся Лоран. - Я на тебя не брошусь, если что. Просто это меня дразнит.

- Я понял. Извини, я не знал.

- Не за что извиняться.

Грей.

Строить город проще всего сверху. Для того, чтобы летать, крылья ему были не нужны, и он ни тратил энергии на их создание. В цене была любая капля. Пролетая между затянутым облаками небом и затянутой бетоном землей, он без особого удовольствия рисовал абстрактные зигзаги улиц, заполнял пустыри одинаковыми коробками-домами, устанавливал стандартные фонари.

На пятом году существования мира новички стали появляться с такой скоростью, что приходилось строить по кварталу каждые полгода. Эта работа выматывала его подчистую. С каждым созданным домом, обустроенной квартирой и лестничной площадкой, магазином и аптекой, Грей чувствовал, как из него буквально вытекают силы. И все больше их уходило просто на то, чтобы поддерживать разросшийся Полис со всеми его обитателями.

Он строил максимально просто, избегая любых сложностей, но даже создание самых примитивных конструкций требовало энергии. Больше, больше, больше.

Иногда казалось, что он возложил на себя непосильную, невыносимую повинность. Иногда утром он не мог встать с кровати и буквально выдергивал себя со стоном. Но надо было строить и привлекать еще больше людей. Он надеялся и верил, что когда-нибудь, скоро, в его мир придет равный ему человек. Который не забудет о реальности. Который сможет творить и помогать ему. С которым он сможет нормально поговорить.

Грей попробовал организовать людей на строительство, нашел профессионалов среди жителей, создал только стройматериалы, но поначалу все шло слишком медленно. И ему стало еще тяжелее. На девятом году он стал терять вес. Он почти не мог есть, и понял, что находится на пределе. Когда поднялся жар, и его тело стало отказывать, он понял, что больше ждать нельзя.

И тогда он перенесся в центр города и, не глядя, стал удалять людей, инстинктивно стараясь не вглядываться в лица, не выбирать - старики, молодежь, дети. Это не ему решать, кому надо исчезнуть. Он просто спасал свою жизнь и Полис, и бил по всем, в кого попадал. Но против воли считал и насчитал двести человек к тому моменту, когда почувствовал облегчение нагрузки.

На следующий день Грей понял, что может жить. Жар спал. Нагрузка на него все еще оставалась большой, но уже не была предельной. А через месяц строители начали вводить новый квартал. Окрыленный этим событием, Грей даже устроил небольшой праздник, традиционно прикинувшись мэром, и перерезал красную ленточку. Для этого он всегда принимал определенную внешность крепкого мужчины лет сорока в костюме.

Периодически его показывали по телевизору в новостях – он рассказывал жителям о своих планах по развитию инфраструктуры. Его любили. В телевизоре и на праздниках он всегда говорил о хорошем. Об удаленных людях никто из оставшихся не знал. Начальник полиции передал, что в участки принесли всего три заявления о пропаже без вести, но и о тех заявители забыли в течение недели.

А потом появился Лоран. Информация о разрыве ткани мира в первую секунду ошеломила, разбудила ранним утром, и Грей ощутил леденящий ужас, но в следующее мгновение его сердце подпрыгнуло, и он понял, что с этого мгновения больше не одинок в своем мире. Уже через полчаса у него была вся информация о новичке: где живет, как зовут, с кем общается. Ему хотелось броситься к нему, но вместо этого Грей решил дать ему время освоиться.

Опасности в том, что Лоран неосознанно делал, для него не было: слишком мелкие изменения. Поэтому Грей решил немного подождать. Им будет проще разговаривать, когда новенький поймет, где находится, и хоть немного свыкнется с мыслью о своей смерти. Ему было трудно смириться с этим десять лет назад. Он, кажется, до сих пор не совсем смирился.

Через пару дней он почувствовал даже удовольствие в том, чтобы наблюдать за новичком со стороны и одновременно почувствовал, что тот сам придет, когда будет готов. Так и случилось.

Лоран, конечно, не мог знать, что никто из жителей города не может подойти к высотке. Все ее видели, но Грей не хотел нежданных гостей, поэтому в периметре двухсот метров создал поле, отталкивающее всех любопытных. Человек, подошедший слишком близко, чувствовал необъяснимый ужас и разворачивался. Но для человека со способностями как у Грея этой преграды не существовало, как и других ограничений.

Высотку Грей строил еще тогда, когда планировал сделать ее жилой, а на первых десяти этажах устроить деловой центр. Тогда, в первый год, он еще думал, что его энергии хватит на красивый город. А потом стало ясно, что это величественное здание отняло у него слишком много энергии. И тогда он решил забрать ее себе, а остальным строить жилье намного скромнее.

Здание оставалось пустым – он хранил его для таких, как Лоран. Для друзей, которые – он верил – появятся. Единственным исключением и загадкой для него самого оставалась стойка ресепшн. За ней постоянно появлялись спящие, и выгнать их оттуда навсегда Грей не мог. Конечно, он мог каждый раз удалять очередную «секретаршу» вручную, но это не стоило траты сил – они в целом были безобидными и, как правило, только здоровались, когда он входил. Постепенно он привык к этим девушкам, которые во сне играли в секретаршу.

Личное знакомство с Лораном Морелем стало одним из самых счастливых днем в его жизни. Они были обречены подружиться, но Грей сразу с величайшей радостью понял, что это не будет дружба от отчаяния. Между ними с первого дня была симпатия. Лоран показался ему очень юным, и так и было: ему едва исполнилось двадцать три, когда его убили, а Грей уже прожил на свете больше, чем любой долгожитель.

Только в мирах он провел 176 лет, а если к этому прибавить его реальный возраст – получалось

больше двухсот. Лорану он решил обо всем рассказывать постепенно, но надолго его не хватило. Даже после того, как его убили, Грей не мог заставить себя быть всегда осторожным – он предпочел открыться, и Лоран ответил такой же открытостью, хотя его история оказалась более страшной, чем его. Гораздо более страшной.

Пока Лоран рассказывал, ему пришлось несколько раз сдерживаться, чтобы не разбить что-нибудь от злости, и еще пару раз хотелось крепко его обнять. Это было ужасно несправедливо – то, что с ним произошло. И Грей на какой-то момент даже пожалел, что не может ответить ему взаимностью на все его чувства. Если бы только Лоран был девушкой, все было бы значительно проще.

Он видел в его глазах опасение, и понимал, что Лорану наверняка приходилось не раз сталкиваться с проявлениями гомофобии. Поэтому он готов был любым способом доказывать, что с его стороны ему это не грозит. Грей ничего не боялся, ничего не стеснялся и не ощущал никакой угрозы. Он себе доверял в этом смысле – мужчины его по-честному не интересовали, это было проверено, как и многое другое.

За свою длинную жизнь он перепробовал немало, в том числе в постели. И однажды, давным-давно, будучи юным и любопытным, Грей попробовал переспать с мужчиной, но не смог – все закончилось неловким смехом и извинениями с его стороны. Тем не менее, он оставался стопроцентно толерантен ко всем, искренне – просто он не чувствовал отвращения и не понимал, откуда оно вообще берется. Единственное, что вызывало у Грея отвращение – это насилие всякого рода.

Он видел, что Лоран еще несколько дней был напряжен после того разговора, тревожно изучая его реакции и стараясь держаться на большей дистанции, чем это было необходимо. И стал полностью одеваться перед тем, как выйти из спальни, хотя до этого спокойно разгуливал в одних шортах.

- Если тебе здесь неуютно – тебя ждут апартаменты на любом этаже в этом здании. Можешь взять два или три этажа, если хочешь, – предложил Грей. – Только обустроить изнутри будешь все сам.

- Правда? – глаза Лорана загорелись как у ребенка, получившего подарок за месяц до Рождества.

- Правда, конечно, – улыбнулся Грей. – Но это не значит, что я не рад буду тебя здесь видеть в любое время.

- Спасибо.

Грей задержал на нем взгляд, и мгновенно понял, что Лоран смотрит на его губы. Он насмешливо поднял бровь:

- Лоран? Ты ведь держишь себя в руках, да?

Тот покраснел и мгновенно опустил глаза в пол:

- Извини!

Лоран развернулся и пулей вылетел из его кабинета, а Грей покачал головой и рассмеялся. Раньше ему доводилось дружить с влюбленными в него женщинами, но с мужчинами – никогда, и эта ситуация его донельзя веселила.

Через пару недель француз подошел к нему с вопросом, можно ли привести девушку в его новую квартиру. Грей только что прилетел с очередной стройки – теперь он предпочитал создавать строительные материалы, позволяя людям самим справляться с остальным. Делал он это раз в месяц, помногу сразу, заполняя восемь огромных складов. И это было непросто.

Тяжело дыша, он пересек свой кабинет, подошел к бассейну и взял полотенце с лежака, чтобы вытереть мокрые волосы.

- Привести нельзя. Тебе придется переносить ее, а потом чистить память, - пояснил он и присел на лежак, закрывая глаза, чтобы отдохнуть.

- Но я этого не умею, - в замешательстве заморгал Лоран. - А это нормально?

- Что ты имеешь в виду? - Грей не открывал глаз, чувствуя, как по всему телу бегают электрические искры энергии, которую непросто было успокоить после того, как он активно использовал ее в течение трех часов.

- Ей после этого не будет плохо?

- Да нет. Я научу. Просто позови меня, когда надо будет.

Лоран кивнул и развернулся, чтобы уйти, но потом замешкался и вновь повернулся к нему, сделав два шага вперед:

- Грей, я чувствую себя неудобно – ты устаешь как собака и не позволяешь мне помочь...

- Ло, когда ты будешь готов – я сразу скажу тебе. Тебе нужно время, чтобы научиться всему.

Губы Лорана упрямо сжались, но потом он нехотя кивнул. Они оба знали, что он не готов – как бы ему ни тяжело было наблюдать за работой Грея со стороны, помогать он еще просто не мог.

- Можно я заварю тебе чаю? – тихо предложил он, помолчав.

Грей улыбнулся:

- Лучше иди к своей девушке – и развлекись за меня тоже.

Лоран.

Первый секс после долгого перерыва оказал на него живительное воздействие. Первое время после своей смерти он даже подумать не мог, чтобы прикоснуться к кому-то. Он вспоминал влажные губы Малыша и сразу же – его искаженное ненавистью и наркотическим опьянением лицо. Ночами Лоран рвал зубами подушки и первую неделю все время рыдал. Грей успокоил его. Его тепло и мудрость, и мягкий юмор, и даже легкие насмешки – все это постепенно возвращало к жизни.

Лоран почувствовал себя нужным, и с восторгом учился всему, что ему объясняли, впитывая как губка. Он научился видеть ткань мира и работать с ней аккуратно, а не топорно, как в первые дни: теперь если он создавал что-то в одной части города, это не означало разрушений в другой. Грей как-то раз рассказал ему со смехом, что все первые дни вынужден был реагировать на каждый его бессознательный акт творчества. Однажды, когда Лоран создал на ровном месте автобусную остановку для своего удобства, в другом районе Полиса произошла авария на теплотрассе, и кипяток хлестал из разорванных труб на восемь метров вверх –

правда, лишь пять минут до прибытия Грея.

Он учил его много, но все еще не брал его с собой, когда улетал по-настоящему работать. Для этого у Лорана не хватало сил - он не мог попасть в Основу. А именно там Грей превращался в жидкий огонь, отдавал свою энергию этому миру, удерживая его в реальности для всех. И там же он сливался с этим миром, заставляя его подчиняться своему воображению.

«Ты сам должен туда пройти. Я не могу привести за ручку», - объяснил ему Грей. Но Лоран до сих пор не понимал, как это может произойти. Но он полагался на своего учителя - а тот был уверен, что это случится, рано или поздно. Надо только подождать.

Девушку, лежавшую рядом с ним, звали не то Айрис, не то Айлин. Лоран не запомнил сразу, а теперь было неудобно переспрашивать. Она снова потянулась к нему, и он перекатился на бок, притягивая ее к себе, целуя, запуская руку в ее волосы.

- Я хочу сзади, - игриво прошептала она ему на ухо. «А уж как я-то хочу», - ухмыльнулся циник внутри Лорана, когда он перевернул ее и жадно уставился на ее пухленькие ягодички. Но у них с блондиночкой насчет этого были явно разные представления, поэтому пришлось сдерживаться - вряд ли она была бы в восторге, если бы он сделал все так, как хотел.

В такие моменты раньше он думал, что все же превратился в чистого гея - он был с женщиной, а хотел мужчину. Но нередко бывало и наоборот, поэтому Лоран относился к таким ситуациям философски. Такая уж у него была противоречивая натура.

После неудовлетворительного для него сеанса «сзади», Лоран сходил в душ и позвонил Грею. Тот материализовался в его спальне и без малейшего зазрения совести уставился на обнаженную девушку. Та взвизгнула, попытавшись прикрыться при виде неожиданно появившегося гостя, но уже в следующую секунду ее лицо полностью расслабилось и потеряло всякое выражение.

Глядя на то, как Грей ее гипнотизирует, Лоран даже приоткрыл рот и задержал дыхание - это была восхитительно чистая, быстрая работа.

- Иди сюда, - негромко позвал Грей. Лоран встал рядом и Грей объяснил ему, что делать.

- Ей точно не будет плохо? А если я сделаю что-то не так? - с тревогой спросил Лоран.

- Я исправлю. Относись к этому спокойнее, топ ами, в конце концов, она уже мертва, как и мы с тобой.

- Ты же не серьезно.

- Лоран, ты будешь болтать или гипнотизировать ее?

- Ладно, ладно, - Лоран сосредоточился на глазах девушки и под внимательным наблюдением Грея смог закончить работу.

- А что теперь? - спросил он.

- Дай подумать, - неожиданно сказал Грей и провел взглядом по телу девушки. - Ты с ней точно закончил?

- Ну да, - Лоран моргнул, не понимая. Но тут же все выяснилось: его друг невозмутимо обошел

кровать и взял ничего не соображающую девушку на руки:

- Думаешь, я ей понравлюсь? – улыбнулся он одним уголком губ, и в ту же секунду исчез.

Лоран остолбенел посреди своей спальни, а потом засмеялся и упал на смятые простыни. Такого Грея он еще не знал – циничного и хулиганистого. Перевернувшись на спину, он задумчиво посмотрел в потолок. На кой черт, он не понимал, хозяину мира потребовалась именно эта девушка, еще не остывшая от его ласк? Ее кожа и волосы хранили его запах... интересно, он хотя бы даст ей помыться перед тем, как...

Лоран прикрыл глаза, представляя, как Грей занимается с ней сексом. Это было так интимно – одна девушка на двоих. Мерзавец... дразнит его... или тоже инстинктивно хочет быть ближе? Как умеет? Его кулаки сжались, сминая простынь, а с губ сорвались проклятия, но потом он все же рассмеялся.

- Как давно ты не был с женщиной? – спросил он у Грея позже, ближе к ночи, когда зашел, чтобы как обычно пропустить полстакана виски и потрепаться перед сном. Размышляя о его странном поведении днем, он предположил, что такая реакция на обнаженное тело могла спровоцировать долгое воздержание – и попал в точку.

Грей кивнул, невозмутимо признав правильность догадки, и подцепил на вилку кусок жареного мяса из стоявшей перед ним тарелки. С приходом Лорана он не прервал своего ужина, лишь жестом предложил присоединиться.

- Года два, - ответил он, когда прервал на несколько секунд энергичные движения челюстями. И тут же отправил в рот еще один солидный кусок мяса.

Глаза Лорана расширились:

- Ничего себе. Ты хорошо над собой поиздевался, да? – спросил он, плюхнувшись напротив, но без особого интереса глянул на еду: ответ Грея его интересовал больше.

- У меня мало сил остается на развлечения, дружище. Надеюсь, с твоей помощью скоро жизнь наладится, - более ровным голосом заметил Грей и отломил себе хлеба от буханки, которая лежала перед ним в плетеной корзиночке.

Лоран тоже машинально протянул руку за хлебом – еще теплым и мягким.

- Вкусно, - оценил он. - У меня не получается такой хлеб.

- Ты делаешь успехи. Не все сразу, - с улыбкой заметил Грей. - А пока можешь заходить на ужин.

- Хотя бы ужин я себе могу приготовить. От меня не так уж много пользы, - возразил Лоран.

- Не говори ерунды. Ты не представляешь, как много для меня значит, что ты просто здесь, - с внезапной горячностью возразил Грей, и он еле заметно улыбнулся, польщенный:

- Я тоже рад быть здесь не один, - кивнул он. - Хотя и предпочел бы жить в Париже, но...

- Я знаю, - перебил Грей. - Можешь не оправдываться. Знаю, что это не Париж.

Они негромко засмеялись, и Грей устало вздохнул, проводя ладонью по лицу.

- А ты откуда? – спросил Лоран, взглядываясь в его утомленные глаза, обрамленные мелкими морщинками.

- Отовсюду понемногу. Я люблю путешествовать... любил. Исторически из Соединенного Королевства, Бирмингем. Та еще дыра. Но я там не был больше сотни лет – жил в Лондоне, немного в Мадриде потом, путешествовал по Италии, и по Франции тоже.

- Как мы друг друга понимаем? Ты же не говоришь по-французски?

- Мы просто обмениваемся мыслями. Язык – это всего лишь код, он нужен, когда пользуешься телом, наверное. А сейчас мы в воображаемых телах, так что...

Грей пожал плечами. Когда они доели, Лоран просто растворил в воздухе грязную посуду, наслаждаясь тем, как легко это для него стало. А потом они, не сговариваясь, рухнули на диван в гостиной и смотрели футбол. Откуда в мире Грея брались эти записи – Лоран понятия не имел, но выглядело как реальный чемпионат мира – Бразилия против США. Только ни одного известного лица среди футболистов.

Когда матч закончился, Лоран обнаружил, что Грей откинулся на спинку дивана с закрытыми глазами.

- Ты спишь? – тихо спросил он, не желая его тревожить.

- Нет, извини. Просто устал, - Грей открыл глаза и улыбнулся ему. У Лорана перехватило дыхание.

- Тебе было хорошо с этой девчонкой? – не удержался он. Вопрос крутился в голове целый день.

- Неплохо, - в глазах Грея загорелись еле заметные огоньки, и губы слегка дрогнули в тщательно скрываемой улыбке.

- И ничего, что от нее пахло мной?

От откровенно насмешливого на этот раз взгляда Грея Лоран покраснел:

- Ничего, - с расстановкой ответили упрямые губы Грея, и у него подскочило давление.

Лоран встал, слегка на взводе:

- Ладно. Спокойной ночи.

- Сядь, - в глазах Грея плясали искорки. - Ты помешался на моих губах – все время их разглядываешь. Тебе будет лучше или хуже, если ты меня поцелуешь?

Лоран сглотнул. «Лучше! Лучше!», - хотелось заорать ему, но правда была в том, что он не знал.

- Я хочу это сделать больше всего на свете. Но я не знаю, как мне будет потом, - выдохнул он и, внимательно взглядываясь в серые смеющиеся глаза, робко осведомился севшим голосом: А ты... позволишь?

- А почему нет? Мне хуже не будет, - улыбнулся Грей. - Я целовался с мужчинами много раз.

- Серьезно? – Лоран изменился в лице. Его давление подскочило. Это в корне меняло дело.

- Но зачем? - все же уточнил он.

- А как я, по-твоему, понял, что это не мое? - с сардонической усмешкой осведомился Грей.

- Черт, - простонал Лоран. - Черт.

Он почувствовал так, словно получил удар под дых, а когда туман рассеялся, понял, что сделает это, даже если потом умрет... снова. Посмотрев в серые глаза, и снова убедившись, что в них нет протеста, Лоран быстро наклонился, касаясь мягких теплых губ, о которых мечтал несколько месяцев. Грей честно приоткрыл губы и ответил, и почти сразу Лоран это почувствовал: как спокоен Люче, в отличие от него. Насколько расслабленным было его тело в его руках. Поцелуй получился нежным, но и только.

- Спасибо, - прошептал он Грею, когда оторвался от его губ. - Мне теперь легче.

- Дошло, наконец? - насмешливо уточнил Люче.

Лоран отодвинулся, прикусил губу, скрывая жестокое разочарование, и кивнул:

- Ага. Теперь мне точно пора.

- Иди, конечно, - Грей широко улыбался, явно забавляясь - мелькнула мысль, что в создателе этого мира была какая-то обескураживающая безжалостность.

Но когда он дошел до выхода из апартаментов, ничего перед собой не видя, негромкий ровный голос окликнул его.

- Мне нравится, когда ты касаешься меня, Ло. Не знаю, что это за вид извращения, но мне нравится, - признался Грей.

- Садист, - процедил ему в ответ Лоран, но, когда отвернулся, его лицо просияло почти счастливой улыбкой.

Ашка.

Произошедшее было так нелепо, что она какое-то время просто выкрикивала ругательства, разбивая все, что попадалось ей под руку в ее квартире. Как она могла снова поверить мужчине? Как она могла растаять меньше, чем за один день? Неужели она и впрямь конченная, клиническая дура? Гей... невероятно. Как он мог так нежно заниматься с ней сексом, если его привлекали мужчины?

«Я хочу познакомить тебя со своим другом». На что, черт возьми, он рассчитывал? Что за извращенный садизм? Зачем, ради всего святого, ему было так поступать с ней? Или они здесь ведут беспорядочные половые отношения вообще со всеми подряд, и это для него в пределах нормы?

- Ненавижу тебя, ненавижу тебя, ненавижу тебя, - вслух повторяла Ашка, даже не замечая, как подошла к зеркалу и высказывает это своему отражению. А потом у нее вдруг екнуло сердце, и она изо всех сил ударила ладонями по зеркалу, а потом с размаху упала на колени, когда воспоминания взорвались в голове.

Они раскрутились перед ее глазами, словно кинолента, словно она была запакована внутри нее, а теперь, наконец, ее получилось открыть и размотать.

Первые шестнадцать лет ее жизни были обыкновенными – экстраординарной в ее существовании, пожалуй, была только вечная, гигантская скука. Ашка ничего особенного не помнила из детства. Она ходила в школу, на гимнастику и курсы рисования, потом увлеклась йогой. Отличницей и тихоней не была, но и с хулиганами не водилась. Ее родители отличались умеренной строгостью, на дискотеки и тусовки допоздна не пускали. И Ашка много времени проводила за мольбертом в своей комнате. Она увлекалась рисунками фэнтези, изображала эльфов и принцесс, часто рисовала красивых мальчиков и мечтала о них, завешивая этими картинами в спальню. Но настоящие одноклассники ее не особо привлекали. Реальность казалась невыносимо скучной, не вдохновляющей, мальчишки – слишком бестолковыми. Хотелось как в кино – чтобы взял на руки и понес, чтобы властно поцеловал и не тискал за грудь, и не нес глупостей. Чтобы был занят делом, желательно полезным – лучше спасением мира или хотя бы близко к тому.

Впервые оказавшись в Семи мирах, в удивительном прекрасном мире, где у каждого были крылья и красивая внешность, где не было глупых мальчишек, а сплошь взрослые привлекательные мужчины, Ашка подумала, что находится в раю. Первые недели она летала в прямом и переносном смысле, устраивая свою новую жизнь во сне. И напропалую флиртowała со всеми мужчинами подряд – с офицерами полиции, официантами в кафе, студентами и служащими.

Она была в восторге от мира, где никто не знал, что ей всего шестнадцать, и никого это не интересовало – и теперь на нее засматривались мужчины постарше, с которыми было куда интереснее иметь дело, чем с одноклассниками.

Но потом она стала искать работу, и ее пригласили младшим клерком в Службу безопасности. Она прошла собеседование сначала с начальником смены приемного зала, потом – с помощником главы Службы, но за ним, как оказалось, оставалось еще одно. Когда она узнала, что ей придется разговаривать о своем трудоустройстве с повелителем стихии и вторым человеком во всем мире после его правителя, то порядком струхнула. И даже думала отказаться. Но ее опекун переубедил. Он заметил, что работа в СБ престижная, и ничего нелепее, чем отказываться из-за смущения, и быть не может. Ашка поверила ему.

Тогда ей следовало послушать свою интуицию. С первого взгляда на Яльсикара Бьякку, она поняла, что пропала. Никогда в своей жизни она не встречала такого привлекательного, обжигающе прекрасного мужчины. Который, черт возьми, так занимался спасением мира – и в целом успешно.

Придумать невозможно было кого-то, кто мог бы с ним сравниться. Правитель мира, разве что, но это уж совсем – легенда, и даже помыслить нельзя было о том, чтобы приблизиться к нему. На собеседовании Ашка так волновалась и смущалась, что с трудом смогла вымолвить несколько слов и не помнила, как отвечала на его вопросы. На ее счастье, он уделил ей всего несколько минут и выпроводил прежде, чем она могла бы упасть в обморок. А потом, как ни странно, ее приняли на работу в СБ.

В первый же день после собеседования Ашка выбросила все эскизы, которых уже и в мирах нарисовала немало. С тех пор она рисовала только его. Черные крылья, упрямый ежик волос, жесткий взгляд, властные жесты – ей нравилось в нем все. На работе Ашка старалась изо всех сил, стремилась во что бы то ни стало заслужить похвалу начальника, и надеялась, что когда-нибудь Яльсикар тоже благосклонно кивнет ей, хотя проявить себя в рутинной работе было непросто. Все, что входило в ее обязанности – аккуратное заполнение базы данных, сортировка документов и поиск данных по запросу начальства.

Пару раз Яльсикар оказывался в приемном зале и даже подходил к ее столу – ее сердце каждый раз билось так, что даже подташнивало. Она терпеливо ждала, когда влюбленность закончится, но втайне надеялась, что может случиться чудо. Любой его взгляд в свою сторону она толковала как знак внимания, надеясь на развитие. Любое его личное обращение за информацией казалось началом чего-то большего.

Она прочитала все его интервью, статьи, где он упоминался, сохранила на домашнем компьютере все его фото, доступные в сети. И даже стащила с работы один документ с его подписью и спрятала в своем столе. Ей нравилось касаться бумаги в том месте, где ее касался он.

В какой-то момент она уверилась, что он только и ждет, когда она поощрит его, но она не знала, как. И тут подвернулись курсы. Реклама пришла на ее коммуникатор после того, как она пыталась вычитать в сети советы для несчастных, попавших в ее положение. «Личностный рост и развитие обаяния», – гласил заголовок брошюры. А далее в тексте содержались обещания решить все проблемы с противоположным полом, научить «правильно» флиртовать, не смущаясь. В расширенном курсе предлагалось научить вести себя в постели – так, чтобы навечно приворожить нового партнера. Ашка сглотнула, ознакомившись с рекламным предложением до конца. А потом кликнула на ссылку и записалась на «личностный рост».

Лекции оказались очень интересными, их вел веселый жизнерадостный симпатичный молодой человек, и в классе у Ашки все получалось, когда она тренировалась с другими учениками. Вот только в их присутствии у нее не отнимались ноги, и не начинался приступ тахикардии. Попытавшись однажды улыбнуться Яльсикару той «особенной» улыбкой, которую они изучали на лекциях, Ашка потерпела полный провал. Даже смотреть ему в глаза было так страшно, что через три секунды она опустила глаза в пол, едва обозначив улыбку, которую он, конечно, даже не успел заметить.

Курс был пройден до конца, деньги заплачены, толку – никакого. Правда, практикуясь на сослуживцах, Ашка добилась от них заметно повышенного внимания, но тут же всех отшила: они ее не интересовали совершенно. Ее никто не интересовал, кроме Яльсикара. Он напрочь отбил у нее желание смотреть на других мужчин. С раздражением и отвращением она отвергала все попытки пригласить ее на свидание, которые нет-нет, да и принимались сослуживцами и посетителями СБ.

Как-то вечером она замерла на входе в свою спальню, впервые обратив внимание, что на стенах уже нет места – все они были завешаны портретами Яльсикара. Новый был у нее в руках, но места для него не нашлось. Ашка нахмурилась, и в тот же вечер сняла все рисунки со стены – все до единого. Она сложила их стопкой в большую папку и убрала ее в ящик стола. А потом расплакалась от отчаяния – пришло понимание, что у нее едет крыша, но понимания, что с этим делать, так и не появилось.

За следующие три месяца она прошла еще несколько курсов: управление эмоциями, основы физиогномики, а также занятия под названием «практический курс успеха на свиданиях», который вел все тот же веселый парень с курса личностного роста. После небольшой теоретической части, где они обсуждали, о чем можно, нельзя и нужно говорить на свиданиях, он дал им задание пойти на свидание и добиться, чтобы партнер захотел следующей встречи. Ашка увлеклась процессом.

Сначала ей было непросто понравиться мужчине с первого взгляда, особенно если ей этот мужчина не нравился, но с каждым разом было все легче и легче. Потом ей было стыдно их отшивать после того, как она добивалась своего. А потом уже Ашка ничего не стыдилась ни с

одним мужчиной. Кроме Яльсикара. Она ненавидела себя за то, что все ее внутренности начинали дрожать при его приближении. За то, что не могла поднять на него глаз, когда он проходил через приемный зал или случайно оказывался рядом.

Чтобы справиться с нервами, она пошла на йогу, и ее неожиданно затянуло. За год она сделала успехи, поразившие ее саму, и в какой-то момент даже показалось, что она отвлеклась, и что ее влюбленность вот-вот пройдет. Ашка дополнительно записалась на курсы инструкторов, почти не оставив себе этим свободного времени. Весь ее день был расписан между работой, занятиями и рисованием. И хотя рисовала она все еще одного человека, наверное, она могла бы в конце концов выздороветь, если бы не стала свидетелем истории, которая навсегда изменила все.

Однажды полиция доставила в Службу безопасности девушку, обвиняемую в мелкой краже. Ашка присутствовала при всех допросах, потому что ей поручили вести протокол. Дело было обычным и не стоило выеденного яйца – за кражу украшения обвиняемой грозило удаление на реальную неделю, то есть она могла потерять полгода своей жизни в мирах. Неприятно, но не смертельно – девушка особо не отпиралась.

После допроса капитан полиции велел передавать дело Ксеару на удаление, но тут появился ее муж. Оказалось, что их свадьба состоялась всего неделю назад, а новоиспеченным супругом был рядовой полицейский. Влюбленный молодой человек поставил на уши всю Службу безопасности и добился личного разговора с Бьяккой. А потом девушку помиловали, и она отделалась испугом и крупным штрафом. Ну и, возможно, разборкой с мужем дома.

Примерно с неделю Ашка пребывала в нервном возбуждении под впечатлением от этой романтической истории, постоянно представляя на месте преступницы себя, а на месте спасителя – своего возлюбленного. Тем легче все прошло бы, рассуждала она, что Яльсикар ведь не рядовой полицейский, и за помилованием ему далеко ходить не надо. Навскидку тут обнаруживалась всего одна загвоздка – она не была на сто процентов уверена, что Бьякка разделяет ее чувства. Но все же он иногда смотрел в ее сторону так по-особенному... Несколько дней спустя она снова поймала на себе очередной задумчивый взгляд Яльсикара, когда он проходил сквозь приемный зал. С этого момента все сомнения ее улетучились, и Ашка после работы направилась в торговый центр.

Скала с закрученной до самого верха спиралью магазинов сияла всеми огнями, дожидаясь своих посетителей. Раньше она редко бывала в таких магазинах – ее покупки включали минимум одежды, украшения ее тем более не интересовали, и коллекционировала она только краски и холсты. Но на курсах им объяснили, как важно стильно одеваться, и постепенно Ашка почти против воли стала завсегдатаем магазинов готового платья, бижутерии и косметики – это просто вошло в привычку.

Безошибочно отыскав ювелирный, Ашка приземлилась возле бутика. Внутри у витрины столпилось множество женщин. С колотящимся сердцем спрятав под платьем дизайнерскую брошь, она вышла, никем не замеченная. И только долетев до дома, осознала, что произошло непредвиденное: ее не поймали.

На следующий день пришлось повторить. Надо было как-то привлечь внимание охраны, но Ашка боялась, что это будет чересчур нарочито, и все поймут, что она разыграла сцену. И если до Яльсикара такое дойдет, и он поймет, зачем ей это было надо... она просто умрет со стыда. Нет, ей надо было притвориться настоящей воровкой, искательницей приключений, во что бы то ни стало.

Опасной авантюристкой, как в «Если наступит завтра», например. Это романтичный и привлекательный образ, и для такого мужчины, как Яльсикар, это должно быть интересно, размышляла она.

В результате второе украшение также беспрепятственно перекочевало в ее квартиру из витрины магазина, а ее так и не арестовали. На третий день, не вытерпев, она улыбнулась продавцу, проходя в магазин:

- Не правда ли, хорошая погода?

Продавец ответил удивленным взглядом: в мирах погода всегда была примерно одинаковой – теплой, безветренной и ясной. К вечеру периодически могло быть облачно, а дождь шел крайне редко.

В тот раз ее, наконец, поймали. Но все пошло не так, как она предполагала. Ее не повели в Службу безопасности, а оформили ордер на обыск квартиры. Где были найдены еще два краденых украшения, о которых она совсем и не думала. Первый раз дурное предчувствие кольнуло ее, когда полицейский указал в протоколе статью обвинения: не ту, легкую, с недель удаленя, а другую, с двумя отягчающими обстоятельствами. Кража ценных предметов, совершенная многократно, на общую сумму свыше...

Ашка до крови прикусила нижнюю губу. Она прекрасно знала наказание по этой статье. Реальный месяц удаленя - два года в мирах. Плюс штраф. Плюс запрет работать в официальных органах.

Когда протокол был заполнен, бледная Ашка умоляюще посмотрела на незнакомого офицера, не в силах вымолвить ни слова.

- Мне жаль, - мягко сказал он, но явно не был настроен помогать. - Я вынужден сообщить вашему руководству. Протяните руки, пожалуйста.

На нее надели наручники - дальнейшее она вспоминала с болью и ужасом. Не только Яльсикар, но даже ее непосредственный начальник не сочли нужным с ней встретиться - ее допрашивали только полицейские. Она не сразу осознала, что это происходит именно потому, что она сотрудник СБ: конфликт интересов не позволял ее руководителям расследовать ее дело по закону.

Конечно, ей надо было все рассказать следователю. Можно было привести достаточно доказательств невинности: она почти никогда не носила украшений. Можно было бы нанять адвоката, привлечь психоаналитика и доказать, что совершила это из-за идиотской, патологической влюбленности в мужчину, а не в деньги и украшения. Наверняка бы ее простили. По крайней мере, наказание уж точно не было бы таким суровым.

Но парализованная своими надеждами, все еще находясь во власти распланированного сценария, она не проронила ни слова об истинных мотивах, лаконично отвечая на все вопросы, до последнего ожидая, что ее возлюбленный вмешается. И только когда предстала перед Ксеаром - поняла, что все кончено. Закрыв лицо руками, он разревелась, и через минуту проснулась в своей кровати в восьмом. Между ней и мирами на месяц выросла стена. Но хуже того - она убедилась, что Яльсикару не было до нее никакого дела.

Когда Ашка осознала, что совершила страшную глупость, нелепую до зубной боли, она закрылась в себе, не проронив и слезинки. На нее вдруг напало страшное онемение и оупение. Она ни с кем не могла разговаривать в восьмом, не могла спать, есть, ходить в

школу. А потом...

Ашка тяжело задышала, когда тонкая нить воспоминаний оборвалась. Дальше опять встала черная стена – а казалось, что вспомнилось уже все. Как она очутилась в этом странном городе? Как получилось так, что она снова связалась с мужчиной, которому до нее нет дела? Только на этот раз еще и переспала с ним сдуру!

Полная отвращения к себе, она со злым стоном сквозь зубы поднялась с пола и дотащила себя до душа. Маленькая, до тошноты тесная квартира душила ее, но выйти на улицу с зареванным лицом было невозможно. Босые ноги ступили на холодный поддон крошечного душа, и Ашка невольно вспомнила роскошь апартаментов Грея. Ей бы хотелось изменить хоть что-то в этой убогой квартире, но хозяин мира ясно дал понять, что трогать ничего нельзя – иначе она снова вылетит. И куда она тогда попадет? Лететь в неизвестность хотелось меньше всего: хоть этот мир не идеален, но другой может оказаться еще хуже. Оставалось только подчиниться дурацким правилам.

Наступила ночь, но спать не хотелось совершенно. Ашка вышла из ванной, завернувшись в халат и уютилась на небольшом стуле возле окна на кухне, качаясь на нем, как ребенок. Унизительные воспоминания о приключениях гадкого утенка, которым она была, добивали ее. Хотелось вернуться и зубами перегрызть шею Яльсикара и всем полицейским, которые недорасследовали ее дело – вышвырнули ее ни за что, когда ей требовалась помощь.

Открыв ящик стола, Ашка достала пачку сигарет и закурила – этим Полис выгодно отличался от Семи миров – здесь можно было делать что угодно. Запрещены только насильственные преступления. Кражи пресекаются, но за них не наказывают. Наркотики – сколько угодно. Продаются в аптеках, распространяются в ночных клубах. В первый же день она попробовала, хотя никогда в жизни даже не собиралась. Правда, ей не очень понравилось. Ашка смотрела на свое темное отражение в стекле и чувствовала себя конченным человеком. Возможно, именно поэтому окружающие так с ней обращались – должно быть, вокруг нее какая-то нездоровая аура.

Она не раз ловила себя на мысли сделать что-то запрещенное. Воровство не привлекало, но те кражи все-таки разбавили ее кровь адреналином. В школе ей нравилось иногда прогуливать уроки и подбивать на это одноклассников. В двенадцать она начала тайком курить, в пятнадцать первый раз напилась коньяком. Правда, на все это она не подсаживалась – ее единственной зависимостью оставалось рисование. Единственной до Яльсикара – потом зависимость возникла от него.

Но сейчас мысли о Яльсикаре были скорее спасительным средством, чтобы не думать о Грее. Не вспоминать, как он взял ее первый раз на траве, причинив сладкую боль. Как расширились его глаза, когда он обнаружил ее невинность. Как он нежен был потом. И как он целовался с каким-то небрежно одетым здоровяком на диване. Ашка прикурила вторую сигарету, но не успела сделать затяжку – потому что поняла, что уже не одна.

Прямо посреди ее кухни, словно вывалившись прямо из ее воспоминаний, материализовался здоровяк со сломанным носом. Он выглядел запыхавшимся, но ни капли не смущенным, каким, безусловно, следовало бы быть нежданному гостю, заставшему хозяйку полуодетой.

- Ну, привет, - выдохнул он, наклонился, прикрепляя что-то на ее халат, и поднес к губам нечто, похожее на рацию: Нашел ее, всем спасибо, - проговорил он в рацию. - Грея скажите, через пять минут будем у него.

Ашка резко встала и одернула халат, шарахнувшись в сторону. Рот ее непроизвольно открылся, а в легкие хлынул воздух от судорожного сильного вдоха. Казалось, вместе с этим воздухом по ее телу разлился и гнев.

- Вон отсюда! - в секунду наполнившись и переполнившись им, заорала она.

Но незнакомец не думал исчезать и лишь поднял руку.

- Ой-ой, - поморщился он, несколько не впечатленный громкостью и эмоциональностью ее требования. - Не кричи, бога ради, у меня с утра болит голова. Меня зовут Лоран.

- Да мне насрать, как тебя зовут! - выпалила она, возмущаясь все больше, хотя секунду назад казалось - больше уже невозможно. - Убирайся из моей квартиры. Убирайся неме...

Здоровяк шагнул вперед, обхватил ее голову ладонями и заставил посмотреть в глаза. Через секунду весь мир погас.

Ашка инстинктивно схватилась за его ладони и грубым рывком оттолкнула его. Но обернувшись по сторонам, с беспомощной злостью поняла, что находится уже посреди гостиной Грея: в двух шагах обнаружился бассейн, в котором ей уже довелось поплавать.

- Все, все, спокойно. Просто перенос, - темно-карие глаза смотрели вполне дружелюбно, но Ашка пылала от гнева.

- Как ты смеешь меня переносить! Это мерзкое похищение!

Высокий незнакомец моргнул и на секунду отвел взгляд, словно искал поддержки. Ашка мгновенно поняла, что он тянет время и ждет Грея.

- Ну, похищение - пожалуй, но что в нем мерзкого? - развел руками он, улыбаясь.

Ашка сцепила зубы и прикрыла глаза, сосредотачиваясь. Надо просто перенестись... просто...

Но у нее не выходило. И, распахнув глаза, она встретила сочувствующий взгляд:

- Ты не можешь перенестись, - пояснил Лоран, указав на лацкан ее халата. Ашка ошеломленно перевела взгляд на брошку и вцепилась в нее, пытаясь сорвать, но лишь сломала ноготь и громко выругалась, засунув палец в рот.

- Мне жаль, но снять тоже не получится, - еще мягче добавил друг Грея.

Ашка перевела дыхание, а потом закрыла лицо руками, пытаясь успокоиться. Она понимала, что ведет себя как истеричка, и толку от этого никакого, поэтому надо просто перестать.

- Ладно, - медленно выдохнула она наконец, осторожно оглянулась и опустилась на диван: Что вам надо?

- Мне ничего. Мы просто ждем Грея, и он все вам объяснит.

- Объяснит что? Что он гей, а со мной перепихнулся по ошибке? - процедила она.

- Э-э... Ашка - вас ведь так зовут? Грей не гей, уж поверьте, - Лоран опустился на кресло напротив и протянул ладонь:

- Позвольте, я почию вам ноготь.

Ашка скрипнула зубами, оценивая выражение лица нового знакомого – он был сама любезность. Первым порывом было отказаться, но потом она решила не вести себя как ребенок – раз она и так предстанет перед Греем в халате, то нет никакого резона щеголять еще и сломанными ногтями.

Вложив свою руку в теплую ладонь, она невольно стала рассматривать его лицо, когда он склонился над ней. Грубоватые черты, широко расставленные глаза – не красавец. Но что-то было в ироничном изгибе его губ, и длинных ресницах, которые немного завивались, сообщая обманчивую мягкость взгляду, который был полностью сосредоточен на ее руке. Ашка закусила губу, ощутив легкую щекотку, а потом ноготь стал прежним.

- Спасибо, - сухо сказала она и отодвинулась, невольно потеряв свой вылеченный палец. Лоран кивнул, оглянулся, нахмурился, потянулся в задний карман брюк за телефоном, но в этот самый момент возле окна мелькнула тень, которая через секунду превратилась в Грея.

- Ну, все, я пошел, - с явным облегчением выпалил ее похититель и вскочил. Грей кивнул, глядя только на нее. Ашка ответила презрительным жестким взглядом. Черта-с-два она снова поверит ему. Пусть объясняется хоть до утра. Лоран пересек гостиную и скрылся в лифте. Проводив его взглядом, Ашка сжала зубы и в упор посмотрела на Грея, прожигая взглядом.

Сидеть перед ним в домашнем халатике было ужасно унижительно, и в ее душе с каждой секундой нарастал протест: он не имел права притаскивать ее силой, да еще поручать это своему другу. Сам Грей при этом, конечно, выглядел почти идеально – черные брюки, строгая темно-синяя рубашка, расстегнутая на три пуговицы, изящный ремень, сверкающие ботинки.

- Ты хочешь переодеться? – спросил он, явно устыдившись, как только скользнул по ней взглядом.

- Я хочу домой, - выпалила Ашка. – Немедленно отпусти меня.

- С радостью, но только когда ты меня выслушаешь. Я бы не стал принуждать, но это важно прямо сейчас, и не из-за нашей близости, - сухо проговорил Грей. – Так ты будешь разговаривать в халате или...

- Дай мне платье, - согласилась Ашка, удивляясь, как он успел изучить ее так хорошо всего за один день. Он прекрасно понимал, как невыносимо ей сидеть перед ним в таком затрапезном виде и не зря настаивал на переодевании – она больше ни о чем не могла сейчас думать.

Получив ее согласие, Грей с облегчением улыбнулся и сделал круговой жест в воздухе – через секунду на его предплечье повисла легкая ткань, которую он протянул ей с учтивым поклоном:

- Я приношу извинения за Лорана, если он был груб. Мы оба перенервничали сегодня.

- Твой любовник в состоянии извиниться сам, если захочет, - перебила Ашка. Грей отвернулся, и она рывком высвободила свое тело из халата, а потом натянула через голову голубое платье из тонкого хлопка.

- Ашка, - голос Грея звучал предупреждающе из-за ее спины. – Лоран не мой любовник. Если бы это было так – я бы сказал. Он мой друг...

- И вы иногда целуетесь, - язвительно перебила она и повернулась, демонстрируя взглядом

иронию, за которой, впрочем, он мог заметить и обиду.

- И мы иногда целуемся, - невозмутимо подтвердил Грей, поднимая глаза. Теперь он вновь смотрел на нее в упор своим бесстыдным, уверенным и упрямым взглядом, уже хорошо знакомым.

- Что? - с нажимом выпалила она, поморщившись. - Что за чушь? Тебе самому не смешно это нести?

- Нет, потому что это правда.

Его голос прозвучал негромко, но абсолютно твердо. Темно-серые глаза Грея стали еще темнее, он смотрел на нее прямо и твердо, и Ашка на секунду засомневалась. Она приоткрыла рот, но не задала вопроса.

- Я расскажу тебе, что произошло, один раз. Я не буду убеждать тебя, и умолять поверить. Ты либо веришь мне, либо нет - доказательств я предоставить не смогу, - Грей говорил отрывистыми фразами. Он остановился, чтобы перевести дыхание, а потом снова посмотрел ей прямо в глаза: Мы давно дружим с Лораном. Двадцать пять лет. Он мой самый близкий человек, и он бисексуал. Поэтому ему приятно меня целовать, и я ему иногда это позволяю. И - да, мне тоже приятно, - слегка повысив голос, добавил Грей, когда она попыталась что-то вставить. - Я не могу этого объяснить, но я тебя уверяю, что между нами никогда не было, нет, и не будет ничего большего - в физическом смысле - чем поцелуи. Я стопроцентный гетеросексуал, и меня это не интересует. И я не целую Лорана каждый день - это просто... он ревновал к тебе, и я решил успокоить. Я не знал, что ты появишься в эту самую минуту.

Грей замолчал, и Ашка отвела глаза, обдумывая все, что он сказал. Она облизала губы, вспомнив, как однажды целовалась с подругой в школе. Это было приятно, хотя дальше они идти не собирались. Но им было по четырнадцать, и они просто баловались. А это взрослые мужчины...

- Ты ведь понимаешь, как трудно в это поверить, - тихо заметила она, не глядя на Грея.

- Понимаю, - быстро ответил он. - Поэтому я не злюсь на тебя и дам тебе время все обдумать. А теперь я хотел бы обсудить с тобой некоторые деловые вопросы.

- Да неужели?

- Да. Я про твои способности. Ты не такая, как другие жители Полиса - думаю, ты уже это поняла. Ты такая, как я и Лоран. И я хочу, чтобы ты управляла городом вместе с нами.

- Я была в пятом, - тихо сказала она.

- Что? - не понял Грей.

- Я ходила до пятого в мирах. Я думала о том, чтобы стать модератором. Не притворяйся, что ты не знаешь, о чем я. Я вспомнила про тебя, ты Грей Люче. Только я не понимаю, как... я думала, тебя убили.

Взгляд Грея стал очень внимательным - он кивнул:

- Как я оказался здесь? - вкрадчиво спросил он.

- Да.

- Тебе просто надо вспомнить, как здесь оказалась ты. Судя по тому, что ты вспомнила о мирах, до этого осталось не долго.

- Почему бы тебе просто не объяснить мне? – она послала ему раздраженный взгляд.

- Не думаю, что это хорошая идея. Но я хотел бы быть рядом, когда ты вспомнишь.

Пожалуйста, позволь мне, - Грей шагнул к ней, но Ашка отпрянула:

- Нет. Нет, я этого не хочу, извини. Я не могу... мне нужно время, - на ее глазах появились предательские слезы, и он со вздохом закрыл глаза, отступая на шаг.

- Хорошо. У тебя будет столько времени, сколько нужно, - был спокойный ответ. - Но я и Лоран многому можем научить - не отказывайся от этого.

- Я должна все это обдумать, Грей. А сейчас отпусти меня. Мне завтра рано на работу.

- Но тебе не надо работать! - в его голосе неожиданно проявилось легкое раздражение.

- Я делаю это потому, что мне это нравится. И я буду делать то, что мне нравится. И я не собираюсь делать того, чего я не хочу, - резко заявила Ашка и встала. - Перенестись можно? Я хочу уйти.

- Да, - сухо ответил Грей. - Но не вздумай что-либо менять или создавать предметы. Я не желаю, чтобы ты пользовалась своими способностями, пока ты не хочешь учиться.

Днем позже.

После дождя город становился холодным и совсем неуютным. Поежившись от сырости и плотнее запахнув шерстяную накидку, Ашка быстрым шагом пошла по улице – йога-центр от ее дома отделяли всего два квартала, и она обычно не садилась за руль, чтобы их преодолеть. Завернув за угол дома, она уже мысленно была внутри, но внезапно кто-то высокий преградил ей дорогу. Подняв голову, Ашка с досадой поморщилась. Лоран.

- О, Ашка, привет, - весело сказал он так, словно не подкарауливал у ее дома, а неожиданно встретил ее во время прогулки.

- И пока, - грубовато ответила она, не разделяя веселья, обошла вокруг и упрямо двинулась к своему подъезду.

- Пригласишь на кофе? Хотел поговорить с тобой, - словно не замечая ее недоброжелательности, продолжил Лоран.

- Почему бы вам обоим просто не оставить меня в покое? – процедила Ашка.

- Ты задаешь правильные вопросы. Я хотел бы ответить на них, - ровный голос Лорана, как ни странно, успокаивал. Злость на преследование куда-то выветрилась.

- А ты не хотел бы извиниться за вчерашнее, для начала? – спросила она, повернувшись к нему.

- Извини. Я не хотел тебя пугать, и не должен был действовать силой, - с обезоруживающим чувством вины в голосе попросил Лоран. Ашка приоткрыла рот. Он умело выбивал оружие из

ее рук. Она перевела дыхание и сдалась:

- Хорошо. Заходи, но имей в виду – через час мне нужно возвращаться на работу.

- За час с девушкой я могу многое успеть, - промурлыкал Лоран, но тут же осекся, заметив, как она изменилась в лице, и поднял руки: Просто шучу, не волнуйся.

Ее кухня словно уменьшилась в размерах, когда посреди нее расположился крупногабаритный мужчина. Его ноги доставали до стены, перегораживая все помещение, и приходилось перемещаться аккуратно, чтобы достать продукты из холодильника и получить доступ к плите. Первые несколько минут она внимательно изучала его взглядом – внешне он совсем не был похож на аристократичного Грея, взрослого и серьезного.

Внешность Лорана, напротив, дышала молодостью, даже юностью - он казался обычным балбесом, и даже странно было, что на его шее и плечах не было наколок, а в ухе или носу – пирсинга. Но стоило заглянуть в карие глаза, как становилось ясно, что пирсинг не уместен, что ему давно не двадцать, и что он не такой уж балбес, каким хотел бы казаться. А еще его глаза подсказывали, что у него с Греем много общего, хоть она и не могла бы сразу сформулировать, чего именно.

Ашка разогрела себе тарелку супа и с удовольствием поглощала его, изрядно проголодавшись после двух уроков йоги подряд. На вечер у нее был намечен урок рисования, и ей необходимо было восполнить силы. Лоран, отказавшийся от обеда, забрасывал в себя печенье и запивал его кофе.

- Так почему, говоришь, ты отказываешься учиться? – уточнил он, сделав очередной глоток ароматного напитка.

Ашка поморщилась:

- Я ничего еще тебе не говорила. А Грей тебе все рассказывает?

- Обычно да. А какой смысл скрывать? Нас в этом мире всего двое... было, ты третья.

- Что ты имеешь в виду? Здесь живут несколько тысяч людей.

- Тридцать, не считая спящих, - уточнил Лоран. – Но тебе уже наверняка объяснили, что через полтора-два, максимум – три года, все теряют память.

- Но не вы с Греем.

- И с тобой этого не случится.

Ашка нервно поправила прядь волос, норовившую упасть в тарелку с супом:

- Ты уверен? – спросила она, с надеждой и страхом посмотрев в жесткое лицо с уже знакомой горбинкой на носу и легкой асимметрией глаз.

- На все сто. Ты такая же, как мы. И это ответ на твой вопрос – почему ты важна для нас. Вдвоем весело, но не настолько, знаешь ли, - Лоран отхлебнул кофе, не спуская с нее взгляда. – И для тебя это тоже вопрос не праздный. Можешь, конечно, отталкивать нас – но тогда останешься одна. Все твои знакомые и друзья, которые, возможно, у тебя сейчас есть, новички, скоро забудут тебя настоящую. Они придумают себе истории про тебя – ты будешь для них

школьной подругой, сестрой. Ты услышишь от них много интересных историй и воспоминаний, ни одно из которых не будет правдой. И в какой-то момент тебе покажется, что тебя заперли в психбольнице, где ты единственный здоровый человек.

Ашка обхватила себя руками и покусала губу, осмысливая его слова. Ей внезапно расхотелось доедать суп, и она отодвинула тарелку в сторону. Взгляд Лорана словно прожигал ее насквозь, хотя она не смотрела на него. Манеры у него были так себе, но этот парень умел доходчиво объяснять.

- Что еще Грей рассказывал обо мне? - спросила она.

Лоран отвел глаза, и Ашке не понравилось то, как он это сделал. Ее щеки загорелись.

- Ну... он сказал, что вы были близки. И что у тебя это было в первый раз. Мне кажется, его это взволновало, - заметил Лоран и снова посмотрел на нее, очень мягким и спокойным взглядом, в котором не было ни следа насмешки.

Но это нисколько не смягчило эффект от того, что он рассказал - ее щеки залились краской до ушей, сердце часто забило, дыхание участилось от шока.

- Вы сплетничаете на такие темы - и называете себя нормальными? - с беспомощной яростью выпалила она в лицо Лорана. Его выражение слегка изменилось, и в глазах появилось мягкое сочувствие:

- Это не сплетни, малыш. Мы просто как... единое целое здесь. Это первый случай, когда у одного из нас возникают какие-то... отношения. Здесь раньше просто не было таких девушек, как ты, понимаешь? Грей не хотел тебя обидеть, я уверен. И я тоже этого не хочу.

- У нас нет никаких отношений.

- Как скажешь, - с легкой улыбкой ответил Лоран и сделал еще глоток кофе.

- Грей сказал, что ты ревновал, - после паузы вспомнила Ашка и пронзила своего собеседника внимательным взглядом, мечтая смутить его в отместку, чтобы он неловко возражал и оправдывался. Но он ответил не так, как она ожидала.

- Да, и еще как. Я и сейчас ревную. Но я не хочу и не могу присвоить Грея. Он не мой и никогда им не был, - выпалил Лоран, и в его голосе Ашка услышала такую горечь, что ее сердце пропустило удар.

- Ты всегда так откровенен с незнакомыми людьми? - удивленно спросила она.

- Да, если уверен, что мы станем друзьями. Вернись к Грею и начни учиться. У него меньше времени, чем у меня, но я готов заниматься с тобой сколько понадобится. Это может занять много времени, так что лучше начать поскорее.

Лоран поднялся, и она тоже встала. Теперь, для того чтобы взглянуть на его лицо, приходилось заирать подбородок.

- На всякий случай, - сказал Лоран, положив на стол карточку: Это мой номер.

- Почему ты меня не ненавидишь? - вырвалось у нее, когда она получила еще один мягкий спокойный взгляд карих глаз - почти такого же оттенка, что и у нее.

- Как бы я мог? Ты милашка, - ослепительно улыбнулся он.

После урока рисования Ашка, наверное, с полчаса сидела на стремительно темнеющей улице, сжимая в руке телефон. После разговора с Лораном она окончательно поверила, что между ним и Греем ничего нет, но позвонить ему она все еще не могла. «Ты либо веришь мне, либо нет» - это звучало так, словно ему все равно. Словно ультиматум. Это звучало так жестко и холодно...

Ашка поднялась со скамейки, когда вдруг почувствовала, что здорово замерзла и решительно убрала коммуникатор в карман. Но тут же достала его и набрала номер, сверившись с белой карточкой, которая лежала в кармане рядом.

- Кого я слышу? - пропел в трубку Лоран, и Ашка невольно улыбнулась, почувствовав его улыбку.

- Ты не с Греем сейчас?

- Нет. Честно говоря, я с пухленькой блондиночкой в постели, и как собирался...

- Черт, извини! Перезвони мне, когда сможешь, ладно? - выпалила она, готовая нажать на кнопку отбоя, но Лоран не попрощался.

- Да я тебя слушаю, солнышко, - так же лениво, словно нараспев, продолжил он. - Блондиночка подождет.

- Ты такое при ней говоришь? - желание повесить трубку от смущения уступило любопытству.

- Так она загипнотизирована, - невозмутимо ответил Лоран. Ашка потеряла дар речи. Она не могла понять, шутит он или нет. Если нет, то... И внезапно она с облегчением догадалась.

- Ты хочешь сказать - она спящая? - улыбнулась Ашка, шагая по улице и крепко прижимая к щеке коммуникатор. Ее щеки горели, и она испытывала радость от того, что он не мог видеть ее. По его голосу было слышно, что Лоран вовсе не испытывает никакого смущения, и, вероятно, наслаждается тем, что смущает ее.

- Э-мм... ну да, - как-то не уверенно ответил ровный голос в трубке. - Если ты приедешь, я ее спроважу. Так ты хотела поговорить?

- Да. Очень, - кивнула Ашка так, словно он мог ее видеть.

- Хорошо. Приезжай, малыш.

- А где ты живешь?

- Там же, где и Грей. Моя квартира прямо под его.

- Как это мило, - не удержалась она.

- Сороковой и тридцать девятый этаж, - невозмутимо добавил Лоран, и Ашка словно воочию увидела его бесстыдную улыбку.

Возле высотки ей стало не по себе - здесь царила какая-то мертвая, неестественная тишина,

внизу горел лишь очень тусклый свет, а темнота снаружи, казалось, могла засосать случайного прохожего в какое-то иное измерение. Впрочем, случайных прохожих здесь не было. Звук ее каблучков, цокающих об асфальт, разносился в тишине далеко, пугая эхом, и Ашка поспешила пересечь небольшую площадь.

На секунду она испугалась, что раздвижные двери в огромное темное здание не откроются, но стоило ей шагнуть ближе, как они распахнулись, пропуская ее внутрь. Сырой прохладный воздух остался снаружи – внутри было тепло и, когда она вошла, стало светлее: зажглись лампочки под потолком. Перед ней расстился огромный холл, покрытый темной зеркальной плиткой. Впереди – лифты, справа – стойка рецепции. А за ней – Ашка вздрогнула – девушка с бледными лицом и странными, блестящими глазами.

- Добрый день. Вы бронировали номер? – неожиданно спросила она, глядя на Ашку и вместе с тем сквозь нее. Ашка инстинктивно сделала два шага назад.

- Не бойся, это спящая, – негромко сказали сзади, и она вскрикнула и подпрыгнула от страха, резко поворачиваясь.

- Лоран... боже, как ты меня напугал, – приложив руку к колотящемуся сердцу, жалобно выдавила Ашка.

- Прости, я не хотел. Я, наоборот, спустился, чтобы встретить...

- Лучше бы ты встретил на улице. Я чуть с ума не сошла от страха в этой темноте. Это место похоже на декорации к фильму ужасов.

Ашка и не заметила, как выговаривает ему с упреком в голосе, словно сварливая жена мужу-недотепа. Но все ее эмоции оставили его невозмутимым. И он не подумал извиняться.

- Мы просто экономим на освещении. Идем, – Лоран качнул головой в сторону лифтов, и Ашка последовала за ним.

- И много здесь бывает спящих? – спросила она в лифте, невольно разглядывая себя в зеркале. Ей казалось, что пережитый страх заставил ее волосы встать дыбом, но прическа была в порядке. Аккуратный косой хвост, как ему и положено, лежал на левом плече, несколько прядок выбивались. До встречи с Лораном Ашка забежала домой переодеться и выбрала джинсы и легкую белую блузку, накинув сверху синий палантин для тепла. Удивительно, но она не чувствовала необходимости защищаться от него с помощью безупречной внешности.

- Да нет, только за стойкой появляются. Почему-то оттуда не удается их убрать, – ответил он.

Бегло оценив внешность Лорана, Ашка заметила, что он тоже был в джинсах, а сверху надел футболку, что выглядело очень по-домашнему, учитывая прохладную погоду. Скопив взгляд на мускулистые обнаженные руки, она внезапно представила, как он ласкает пухленькую блондиночку, и порозовела.

Лоран, к счастью, этого не заметил. Едва двери лифта открылись на сороковом этаже, как он начал с плохо скрываемой гордостью демонстрировать ей свою квартиру. Сверху располагалась большая гостиная с кинотеатром и огромным музыкальным центром, зимний сад и небольшая столовая с кухней. Этажом ниже – огромная спальня, библиотека с кабинетом и нечеловеческих размеров ванная с бассейном, всевозможными душами и джакузи. Строго говоря, это больше было похоже на аквапарк. На этом этаже так же находился выход на огромную лоджию, опоясывающую здание.

- Как красиво, - заметила Ашка, держась за перила и разглядывая город сверху. Ночью, полный огней, он выглядел даже симпатично.

- Хочешь, можем сесть здесь, - предложил Лоран, кивнув на лежаки за ее спиной. - Я принесу пледы.

- С удовольствием, - отозвалась Ашка. Она сбросила туфли и забралась на лежак. Когда Лоран подошел с пледом, она протянула руку, но он сам укрыл ее и подоткнул. На ее губах появилась неловкая улыбка, но для него это, похоже, было самым естественным жестом. «Интересно, часто ли они здесь болтают с Греем? И как часто ли он вот так же укрывает его пледом?» - невольно подумала она.

Два лежака, мягкое освещение на лоджии, шикарный вид - очевидно, вся эта романтика не предназначалась для загипнотизированных блондинок. Хотя... возможно, здесь иногда бывали и не спящие женщины... и мужчины, подумала она. Бросив взгляд на большое тело Лорана, расслабленно расположившееся в шезлонге, она невольно подумала о том, как именно он занимается сексом с мужчинами. У нее никогда не было знакомых-геев и она ничего о них не знала. Только слышала, что они, вроде бы, делятся на активных и пассивных.

- О чем ты, интересно, думаешь сейчас? - весело спросил объект ее мыслей. На этот раз легкая краснота ее щек не укрылась от его цепкого взгляда. Ашка прикрыла глаза - чертова белая кожа, вечно подводящая ее. Избежать покраснения щек можно было только тотальным контролем над эмоциями. Но такую науку она пока полностью не освоила.

- Неважно, - пробурчала она.

- О чем-то непристойном? - хохотнул Лоран, и его лицо стало очень довольным.

Ашка стиснула зубы и раздула ноздри.

- Ты можешь хотя бы пять минут меня не троллить? - спросила она без всякой надежды.

- Дай подумать, - он посмотрел в серое ночное небо, словно всерьез размышляя над ее вопросом. - Пожалуй, пять минут выдержу. Но потом может быть хуже.

- Ты невыносим.

- Осторожнее. Я могу подумать, что ты флиртуешь.

- Иди в жопу.

- Ой. Это было грубо. Полегче.

Он вроде все еще шутил, но его лицо слегка закаменело.

- Извини, - Ашка сглотнула и обхватила себя руками, смущенно отвела глаза. Лежак Лорана скрипнул, и он присел на корточки возле нее, коснулся ладонью ее колена поверх пледа:

- Ашка, расслабься - я не собираюсь на тебя нападать. Я очень ценю то, что ты пришла. Давай - спрашивай, что хотела.

Из ее груди вырвался прерывистый вздох.

- Я пыталась позвонить сегодня Грею. Но не смогла, - сказала она пересохшими губами. -

Насчет вас мне не все понятно, и это кажется очень странным, но я могла бы с этим смириться, только вот я вовсе не уверена, что нужна ему.

- Но ведь это ты сбежала, не он, - заметил Лоран. Он поднялся и сел обратно, на свой лежак. Ашка робко подняла глаза - он внимательно смотрел на нее, пытаясь понять.

- Ты чего-то не договариваешь? - осведомился, наконец, ее проницательный собеседник.

Она облизала губы и крепко сжала их:

- Он был... довольно холодным в последний раз, когда мы разговаривали.

- Ну, ты напрягла его тем, что сбежала, но это еще ничего не значит. Хочешь, я поговорю с ним?

- Нет... пожалуйста, не надо. Я сама поговорю, когда буду готова.

- А до тех пор? Сделаешь вид, что мы не существуем? Будешь жить в своей конуре и заниматься йогой с полуспящими?

- Если только ты не согласишься учить меня, - выпалила Ашка, в упор посмотрев на Лорана.

- Что? - его лицо отразило крайнюю степень растерянности. - Ты хочешь учиться у меня, не общаясь с Греем?

- Да. Какие-то проблемы? - с вызовом осведомилась она, подняв одну бровь.

- Да он меня живьем съест, - хмыкнул Лоран. Но в его глазах, откуда ни возьмись, появились веселые огоньки, а губы раздвинулись в дьявольской улыбке.

Утро следующего дня выдалось невероятно свежим. Свет и тепло на улице даже словно обещали, что вот-вот выглянет солнце - хотя Ашка и знала, что в этом городе такого никогда не случается.

Базовую информацию о Полисе, как и все новички, она получила в полицейском участке. А потом исследовала город сама и обменивалась информацией с другими. Больше всего поболтать любила ее соседка Катя, которая очутилась в городе двумя днями ранее Ашки.

Именно она с хихиканьем однажды посоветовала ей оценить ассортимент аптек, и тогда Ашка решила зайти в одну из них. До этого ей не приходило в голову задаться вопросом, зачем нужны аптеки в городе, где никто не болеет. Но едва она зашла внутрь, все стало ясно. Целую витрину занимали презервативы, смазки и всевозможные секс-игрушки, а также массажные масла и афродизиаки. В другой части зала располагались наркотические вещества, как натуральные, так и синтетические, и приспособления для их поглощения.

В городе, таким образом, все же обнаружилось две болезни: тяжелое восприятие реальности и сексуальная неудовлетворенность. И ассортимент лекарственных средств поистине впечатлял размахом.

- Забавно, - выдавила она и поспешила выйти, оставив Катю у витрины с секс-игрушками. Чтобы через полдня тайком вернуться за травкой. Впрочем, больше она ее не брала - это действительно было не для нее.

Самым крутым в Полисе считался северный квартал, самый большой и самый «приличный». Там почти не было аптек, зато через каждые два дома - детская площадка. По аллеям прогуливались пожилые степенные пары и молодые - с детьми. В восточном, где поселили ее, детских площадок почти не было, как и, собственно, детей. Зато по ночам можно было запросто наткнуться на несовершеннолетних, которые без всякого стеснения занимались сексом на лавочках и на наркоманов, которые, уколовшись, могли наблюдать за фанатами уличного секса, словно смотрели интересное кино.

Увидев подобную картину впервые, Ашка испытала инстинктивное отвращение, но дома она рассмеялась, вспоминая стеклянные глаза парня, накачавшегося дурью, который неотрывно наблюдал за другим парнем, занятым в тот момент своей девушкой. И в то время как те двое, кувыркаящиеся на неудобной лавке, вздыхали и охали, на лице наблюдателя не отражалось ни единой эмоции.

Удивительно, но ей нравилась безбашенность этого мира с его минимумом правил и ограничений. Подчас люди делали отвратительные вещи, но это был их выбор, который они никому не навязывали - и тогда Ашка просто проходила мимо, пожав плечами. Здесь она чувствовала себя в безопасности. Грей, конечно, повернут на соблюдении его правил по неизменению мира без разрешения, но отсюда, по крайней мере, никого не выкинут за кражу безделушек, которые ничего не стоили.

Единственное, что раздражало ее до крайности - это каткино желание поговорить о своей смерти. Каждый раз, когда ее соседка забегала вечером на бокальчик вина и пыталась соскочить на эту тему чтобы, видимо, исповедаться, Ашка жестко это пресекала. Катка обижалась, но потом пыталась сделать это снова и снова, с завидным упорством. Но она не собиралась ей позволять. Она не станет это обсуждать, пока не вспомнит. Пока она не вспомнит, она не поверит.

Взглянув на часы, она убедилась, что до встречи с Лораном оставался целый час, и решила доехать на машине до центра, чтобы дальше прогуляться сквозь город. Прохожие спешили по делам, женщины гуляли с колясками. Она припарковалась недалеко от центральной площади - здесь дети, как обычно, бросали монеты в фонтан, клянчили у родителей мороженое и сахарную вату - только тут ее и можно было купить, возле фонтана.

«И что, все мертвы?» - вдруг всплыла жуткая мысль. Ашка потрясла головой: нонсенс. Загробный мир не может выглядеть слабой копией Семи миров. Загробный мир не может быть создан человеком - даже таким изобретательным, как Грей Люче. Рай ли, ад, или что-то совсем иное - только не так, как здесь.

Шагая дальше сквозь следующий квартал, Ашка старательно глушила подленький голосок внутри, который задавал ехидные вопросы: а как же сон? Почему здесь все спят по ночам, хотя в Семи мирах это невозможно? А как же Грей Люче, о смерти которого писали все газеты? Писали, что он погиб в реальности.

Как же Катя, уверенная, что мертва и как же полицейский, который выдавал ей ознакомительные брошюры и, опустив глаза, добавил, что приносит соболезнования?

Но она не поверит, пока не вспомнит. Ни за что не поверит, пока не вспомнит.

Двенадцатисантиметровые каблучки ее новых туфель так сильно стучали об асфальт, словно пытались проделать в нем дыры. Лицу стало холодно, и только тогда она обнаружила на щеках слезы. Сердито смахнув их, Ашка перевела дыхание. А потом зашла в первую попавшуюся

аптеку по дороге и после короткой консультации с провизором приобрела тубик геля-антидепрессанта и банку минеральной воды.

Лоран ждал на южной окраине – там, где позади всех спальных районов расстился бетонный пустырь. За пустырем не было ничего – Ашка проверяла – кругом бетон, дойди хоть до горизонта. А если идти все время прямо, то через час-полтора окажешься в той же точке, из которой вышел. Дальше окраин ничего не существовало, в прямом смысле слова.

Ноги занемели от долгой ходьбы – едва оказавшись в безлюдном месте, она сбросила туфли и засмеялась, наблюдая, как они кувыркаются по бетону. Подняв глаза на Лорана, она ожидала, что он разделит веселье, но его лицо, обычно жизнерадостное или, на худой конец, спокойное, вдруг потемнело. На скулах обозначились желваки, на лбу – морщинки, а глаза засверкали от гнева.

- И чего ты наглоталась? – совсем не дружелюбно рявкнул он, подходя ближе. Ашка заморгала, не понимая, в чем проблема: до этой минуты Лоран вовсе не выглядел занудой, даже наоборот.

- Всего лишь тубик геля, – пожала она плечами, неловко улыбаясь.

- Теперь будешь три часа хихикать, как полоумная, и ждешь, что я тебя чему-то буду учить в таком состоянии?

В его голосе звучало настоящее отвращение. Ашке сразу расхотелось смеяться.

- Извини, я не подумала, – прошептала она. На ее глазах выступили слезы. А потом она сжала зубы и сосредоточилась, пытаясь вернуть ясность сознания. Неожиданно это сработало, вот только к горлу подкатила резкая тошнота.

- О, черт, не смотри, – еле успела произнести она прежде, чем повернулась к нему спиной и исторгла свой завтрак на бетонную поверхность.

- Впечатляет, – произнес Лоран из-за ее спины, пока она вытирала рот салфеткой и убирала отвратительные следы случившегося с ней казуса.

- Издеваешься?

Дышать было больно, на глазах выступили слезы. Она с трудом выпрямилась и подняла глаза. Но на этот раз, как ни странно, в его взгляде отвращения уже не было.

- Да нет. Правда, впечатляет. Когда я сюда попал, я умел намного меньше.

Лоран шагнул к ней и вдруг сжал ладонью ее подбородок и заставил посмотреть в глаза:

- Но если еще раз ты придешь ко мне обдолбанной, это будет наша последняя встреча. Ясно?

- Я не наркоманка, – выдавила она, отчаянно злясь на себя. Что за утро! Она не хотела становиться наркоманкой – как же так вышло, что искушение оказалось сильнее?

- Пока нет. Но такими темпами скоро станешь. Это ведь не первая доза, да? Не первая – по глазам вижу.

Он опустил руку, и Ашка заметила, как его кулаки сжались.

- Что-то личное? – холодно спросила она, раздраженная словесной поркой. Как бы она не злилась на себя – это было ее дело.

- Да. Это моя больная мозоль. И тебе, видит бог, лучше на нее не наступать, - уже обычным, ровным голосом ответил Лоран.

Лоран.

Накануне вечером, проводив Ашку, он поднялся к Грею. Он не мог не поговорить с ним перед тем, как встретиться с его девушкой – как минимум потому, что нужно было получить разрешение на то, что она будет делать во время урока.

Выслушав друга, Грей слегка потемнел лицом и полоснул испытывающим взглядом:

- Она тебе нравится?

Лоран не смог упустить столь удобный момент для дружеского стеба.

- Честно? – медовым голосом осведомился он и мечтательно закатил глаза.

- Ах ты, мерзавец.

Грей тяжело задышал, явно не оценив шутки.

- Да брось, - посерьезнел Лоран. - Ты же сам к ней не идешь. Предлагал же тебе вчера – сходи, поговори с ней еще. Она, кстати, склонна тебе верить, но ты жестковато поговорил последний раз, вот девушка и обижается.

- Будет готова – сама придет. Я не стану больше заставлять ее.

- Но..., - начал Лоран, но Грей внезапно оборвал его.

- Я никогда – вдруг заорал он, - никогда не бегал за всякого рода капризными принцессами и не собираюсь начинать на третьем веку жизни. Я не собираюсь валяться у нее в ногах, и доказывать, что я не гей!

На шее обычно невозмутимого создателя мира вздулись вены, глаза стали почти бешеными, кулаки сжались. Глаза Лорана округлились от изумления, а все тело даже подсобралось, словно готовясь отразить физическое нападение. Но Грей сделал лишь то, что всегда делал, когда терял душевное равновесие. Схватил со стола первый попавшийся предмет – на этот раз бокал с недопитым виски – и саданул им в стену.

В наступившей тишине двое мужчин стояли довольно долго, неподвижные, не произнося ни слова.

- Я бы сказал, у тебя проблема, амиго, - сухо сказал Лоран наконец. В его ушах звенело от крика Грея – он никогда так не орал на него за все двадцать лет их знакомства. И невозможно было понять, что это – ревность или застарелая детская травма.

- Оставь меня, Ло. Ради бога, уйди. Ты хотел получить благословение на то, чтобы с ней переспать – у тебя оно есть. Развлекайтесь, - зло процедил Грей.

- Я надеюсь, ты скоро придешь в себя, и тогда поговорим. Я рядом, если что, - бросил Лоран в

ответ и предпочел мгновенно исчезнуть, прежде чем мог бы получить еще одну порцию проклятий от друга, с которым раньше никогда не ссорился всерьез.

Ашка училась невероятно быстро. Несмотря на неприятный эпизод с наркотиками, Лоран смог переключиться, и пару часов спустя они уже хохотали и обменивались шутками, оценивая результат ее первой ученической работы.

- И где здесь двери, можно узнать? - насмешливо осведомился Лоран, оглядывая пятиэтажный дом.

- Черт. Я забыла про двери.

- Ты серьезно?

- Я сейчас.

Ашка, вся мокрая и едва стоящая на ногах от усталости, направила взгляд на сплошную стену. Вскоре дверь начала появляться, но, к сожалению, вместе с ней возникла и огромная трещина, которая в мгновение ока проползла по фасаду до самой крыши.

- Осторожно, - крикнул Лоран, и они отбежали в сторону, не позволяя дому рухнуть на их головы.

Следующие три минуты они могли только кашлять от пыли, сгибаясь в три погибели.

- Бле... блестящая работа, - прохрипел он, как только смог говорить. - Красивый был бы суицид.

Посмотрев на Лорана, покрытого белой пылью с ног до головы, Ашка засмеялась:

- Ты похож на снежного человека.

- Ты тоже, - он протянул руку, ущипнув ее за нос, а потом очистил их одежду.

- Мне надо отдохнуть, - заплетаясь языком произнесла Ашка.

- Это правда.

Его карие глаза с легкой снисходительностью скользнули по ее усталому лицу. А потом он внезапно перенес ее в свой дом.

- Можешь прилечь, где тебе удобно. Мне надо поработать, так что я оставляю тебя на несколько часов, хорошо?

Ашка хотела сказать, что ей было бы комфортнее у себя дома, но язык не повернулся. Тем более, что это было бы неправдой: отдых в этих апартаментах с высокими потолками и удобной мебелью, будь то шезлонг или широкий диван в гостиной, конечно, будет приятнее, чем сон на ее маленькой жесткой кровати в квартире, похожей на спичечный коробок.

Поэтому она кивнула и выбрала удобный диван в гостиной, не решаясь воспользоваться спальней - это было бы слишком интимно. Но, повертевшись на диване, она резко встала, воровато оглянувшись по сторонам. Убедившись, что Лоран ушел, она спустилась на этаж ниже, на цыпочках зайдя в спальню. Он ведь сказал, что его не будет несколько часов - так что она приляжет всего на несколько минут, а к его приходу снова переберется на диван.

Со стоном наслаждения повалившись на огромную мягкую кровать, Ашка уткнулась носом в подушку – и почувствовала, как от нее пахнет им. Сделав глубокий вдох, она перевернулась на спину и закусил губу. В этот самый момент она с искренним удивлением осознала, что ее натура, кажется, гораздо порочнее, чем она привыкла о ней думать.

- М-м-м, я, кажется, обнаружил в своей постели красотку, - негромко протянул Лоран, и Ашка вздрогнула, просыпаясь. А когда поняла, что происходит, то резко села и порозовела, часто дыша: черт, черт, черт - она все-таки заснула в его постели.

- Прости, я не хотела... я... не знаю, что на меня нашло, - забормотала она.

- Конечно, знаешь, - хохотнул Лоран. Он стоял рядом с кроватью и, судя по его лицу, веселился вовсю. - И, кстати, я не против. Моя постель всегда к твоим услугам.

К изумлению и смущению Ашки, молодой человек вдруг наступил коленом на матрас рядом с ее бедром и наклонился, едва не коснувшись губами ее рта, но все же остановился в нескольких миллиметрах:

- Подаришь мне поцелуй, спящая красавица?

Ее рука взлетела сама, и через секунду ладонь впечаталась бы в его щеку, но Лоран, как ни удивительно, оказался к этому готов. Он резко отодвинулся и ловко перехватил ее запястье. А потом поднес ее руку к своим губам и на глазах у изумленной Ашки нежно поцеловал ее пальцы:

- Я буду ждать, малыш.

- Тебе всех обязательно целовать, Лоран? - язвительно осведомилась Ашка, тяжело дыша от смущения и злости. Она резко спустила ноги на пол, заставляя его отодвинуться, и встала с кровати.

- Только самых симпатичных, - без всякого смущения ответил он. - А ты давала обет безбрачия?

- Ты же знаешь, я с Греем, - процедила она.

- Строго говоря, вы в ссоре, - мягко улыбнулся Лоран.

- Из-за тебя.

- Верно.

Его улыбка стала еще шире, и ее злость вдруг испарилась. Она поняла, что Лоран не стремится ее обидеть – наоборот. Его симпатия, очевидно, была искренней и, возможно, как настоящий француз, он просто не мог упустить шанса. Ашка долго смотрела на него, не зная, как реагировать, но в конце концов подарила ему слабую улыбку.

- Сделать тебе кофе? - предложил он, бесцеремонно лаская ее глазами.

- Да.

- Какой ты любишь? Дай угадаю... капучино?

- Эспрессо.

- Ух ты, неожиданно. Выходит, ты вовсе не романтик, а?

- Ты это по кофе определил? – насмешливо спросила она, заметив, что благодаря Лорану у нее тоже входит в привычку придирается к каждому слову и все время иронизировать.

- Эспрессо предпочитают в основном консерваторы, - улыбнулся Лоран. Его глаза загорелись коварным огнем, и он вкрадчиво продолжил: Это всякого рода зануды, которые спят в ночных рубашках и целуют строго одного мужчину в год. Их еще легко отличить по трусам в горошек и иногда еще они носят панталоны. И чепцы! – веско добавил Лоран, словно воспроизводя статью из энциклопедии, и поднял вверх палец.

- Ладно, ладно, - задыхаясь от смеха, перебила Ашка. - Ты меня раскрыл: на самом деле я люблю кофе по-турецки. Но я хотела попросить настоящий французский круассан, и подумала, что к нему больше подойдет эспрессо.

- Круассаны можно есть с чем угодно, дорогая. Ты никогда не была в Париже?

- Увы, нет.

- Тогда я угощу тебя еще сыром. И кофе. И, если хочешь, я вечером приготовлю тебе отменных мидий. В мидиях я разбираюсь, как никто.

Ашка облизнулась, почти бегом направившись в столовую за Лораном. И, при первом же глотке восхитительного кофе с нежнейшим, хрустящим круассаном, застонала, закрыв глаза. Чувствовалось, что эта восхитительная выпечка на добрую половину состояла из сливочного масла высочайшего качества, и каждый рецептор ее языка вибрировал от удовольствия, наслаждаясь этим вкусом.

- Сыру? - предложил Лоран, подвинув к ней деревянную тонкую доску с таким количеством нарезанного кубиками и треугольничками сыра, что она невольно испуганно икнула:

- Я столько не съем.

- Просто попробуй то, чего раньше не ела, - успокаивающим тоном проворковал Лоран. - Камамбер, например, ты же должна знать?

- Ну...

- Ясно, - Лоран покачал головой. - Тогда не забивай себе голову. Просто бери и ешь.

Ашка осмотрела предложенные кусочки и начала с твердого прямоугольника.

- Это лайоль, прессованный сыр, полутвердый, - словно торговец, рекламирующий товар, прокомментировал француз. - Попробуй еще бри - это один из самых известных мягких. И камамбер...

- Хм... твердые мне нравятся больше, - честно сказала Ашка, последовав его совету.

- Ты просто не привыкла, - отрезал он. - Если хочешь, вечером поедим сыр с красным вином - вкус будет совсем другой.

- Лоран, а я-то думала, что французы как сапожники без сапог, но ты так хорошо во всем этом разбираешься, - с любопытством заметила она, вопросительно глядя на его возбужденное лицо, по которому было видно, что ему очень нравилось кормить ее - он словно развращал ее этой

дегустацией, приобщая к какому-то тайному обществу.

- На самом деле я весьма посредственно разбираюсь в еде. Но я работал в ресторане и кое-чего нахватался.

- Кем?

- Официантом, - ответил он, и Ашка уловила легкое смущение в его голосе. Она молча кивнула и облизала губы:

- Спасибо тебе за поздний завтрак. Было очень, очень вкусно.

- Без проблем, - Лоран встал, и одним взглядом очистил стол от остатков еды, грязной посуды и крошек. - А ты кем работала? Помнишь? - спросил он между делом.

- Я..., - у Ашки перехватило в горле. Она потрясла головой: Честно говоря, я думаю, что так и не успела закончить школу.

Она вздохнула, думая о своей дыре в памяти и только через несколько секунд подняла глаза на Лорана, чтобы увидеть, в каком он замешательстве.

- И... и сколько же тебе тогда лет? - нахмурился он, явно ничего не понимая.

- А тебе сколько? - засмеялась она. - Не забывай, я не только в реальности жила. Я провела почти семь лет в мирах. Грей же рассказывал тебе, верно?

- Ну да, - с облегчением выдавил он и кивнул: Я забыл. Так ты уверена, что все еще не хочешь поцеловать меня?

- Прекрати, - засмеялась она. - Ты ведешь себя как маньяк.

- Возможно, так и есть, - зловеще отозвался Лоран, и Ашка снова засмеялась:

- Спасибо тебе еще раз за сегодняшний день. У меня весь вечер занятия по вокалу, и тебе, наверное, тоже надо бежать уже, да?

- К сожалению, да. Тебя можно вечером встретить после занятий?

Их улыбающиеся взгляды встретились. Она не должна была соглашаться, но отказать ему почему-то было невозможно.

- Ну..., - она поколебалась, - я заканчиваю в десять вечера.

- Хорошо.

- Лоран. Это не свидание.

- Да я об этом даже не думал, - с хулиганской улыбкой профессионального лжеца отозвался он.

Ночь пройдет, наступит утро ясное.

Знаю, счастье нас с тобой ждет.

Ночь пройдет, пройдет пора ненастная,

Солнце взойдет.

Юрий Энтин.

Грей.

На душе было так паршиво, что думать ни о чем не хотелось вообще. Накануне ему пришлось растратить тонны энергии на строительство нового микрорайона, чтобы заснуть, но утром ему это аукнулось. Он проснулся на рассвете с такой слабостью и головной болью, что пришлось срочно бежать в Основу.

Пустыня огня выглядела как всегда, словно ворота ада. Но ему, самому огню, здесь было комфортно. Лоран в Основе тоже стал огнем, и пустыня с его приходом не особенно изменилась. Только мир стал слегка устойчивее, и Грей почувствовал облегчение – вот уже пять лет он держал его не один. Впрочем, присутствие Лорана в Полисе было намного важнее – он бы давно спятил, если бы все это время не с кем было поговорить.

После того, как сорвался на друга, Грей чувствовал себя на редкость погано. Он сам не знал, что на него нашло – точно не ревность. Он не мог ревновать Ашку к Лорану: с ним он был настолько единым целым, что порой душу даже леденил страх: что, если он на самом деле двадцать лет назад сошел с ума и выдумал его? Это многое могло бы объяснить.

Но если Лоран и был выдумкой, то настолько филигранной, что до сих пор ни разу не удалось уличить его в нереальности: наличествовало и насыщенное прошлое, и самостоятельность поведения, и вредность характера, которая проявлялась временами довольно сильно, как сейчас. Тем не менее, как бы глупо это не было, он продолжал время от времени искать в друге признаки своего двойника или субличности.

Приходя в себя в Основе, Грей снова задумался об этом, тщательно разыскивая в себе признаки безумия. Может, и Ашка – плод его фантазии? Он хотел бы вызвать в себе хоть одно обычное человеческое чувство, чтобы убедиться: это не так. Что там принято чувствовать, когда намечается любовный треугольник? Злость на предательство коварной изменницы? Желание сбить кулаки в кровь об физиономию лучшего друга?

Но ничего такого Грей не испытывал. Единственным человеком, на кого он злился, был он сам. И ударить хотелось только самого себя, за нелепую беспомощность, за страх, что Ашка снова его отвергнет или просто молча сбежит. К сожалению, самому себе засветить в физиономию было непросто. «Можно попросить Лорана, конечно – то-то он удивится», – размышлял Грей в приступе самоиронии.

Почувствовав, что восстановил силы, он перенес себя в спортивный зал и потратил еще пару часов на то, чтобы измотать каждую мышцу в теле. Это всегда помогало прочищать мозги, особенно когда он сомневался в собственной умственной полноценности. После горячего душа Грей почувствовал, что готов прекратить валять дурака. И набрал номер Ашки.

Она не ответила, и у него внутри что-то засосало неприятное, но вместо того, чтобы думать об этом, Грей вернулся в свой офис и занялся своей рутинной ежедневной работой. Для начала он обзвонил всех высокопоставленных чинов города: шефа полиции, пожарной охраны, начальника службы происшествий. Сделать мир достаточно устойчивым у него не выходило,

поэтому за ним необходимо было наблюдать. Пожары и землетрясения возникали с удручающей регулярностью по причине нехватки энергии, и требовали его вмешательства. К счастью, на этот раз ему доложили, что все спокойно.

Следующим пунктом его обычной вечерней программы был облет города. Но прежде, чем он успел покинуть свои апартаменты, ему перезвонила Ашка.

- Привет, - спокойным теплым тоном сказал он, ответив на звонок.

- Привет, Грей. Ты звонил? - немного напряженно спросила она.

- Я хотел тебя увидеть сегодня, - без предисловий заявил он. - Когда ты заканчиваешь работу?

- Я... э-э-э... сегодня не могу.

Грей на секунду завис. Такого ответа он не ожидал. Могла ли она всерьез не хотеть его видеть?

- Ашка, послушай, мне жаль, если я нагрубил в прошлый раз, - мягко проговорил он. - Я понимаю твои чувства. И просто хочу, чтобы ты поверила мне. Мне показалось, что мы могли бы поговорить спокойно.

- Ты не понял, Грей - я не против, - отозвалась она. - Просто не могу сегодня. Завтра тебя устроит?

- Утром? - быстро предложил он.

- Ну... утром я немного занята.

- Тогда пообедаешь со мной? - нетерпеливо спросил Грей, скрывая нетерпеливый вздох.

- Да. Обед мне подходит, - быстро сказала она. - Извини, мне пора возвращаться к работе...

- Конечно, - еле скрывая невольное раздражение, сказал Грей и отключился. В этом мире за последние 30 лет еще никто не позволял себе так легкомысленно относиться к его звонкам. И переносить встречи с ним на завтра. Даже Лоран никогда этого не делал, не говоря уже о других жителях города, которые считали его мэром... просто невероятно своевольная девчонка. Впрочем, она еще не понимает, размышлял он, успокаивая себя. Через пару лет, когда она лишится всех друзей, и работа с зомби надоест, она, скорее всего, взглянет на него и на Лорана другими глазами. И перестанет пребывать в иллюзиях о своей независимости.

Снова раздраженно вздохнув, Грей подошел к стеклянной стене и резким движением поднял стекло вверх, позволив сыроватому вечернему воздуху взъерошить волосы и задуть прохладой под рубашку. Он взлетел, легко оттолкнувшись от пола, и направился сначала в самые неблагополучные юго-восточные кварталы.

Сюда он переселял в основном преступников, которые были пойманы полицией в момент совершения насильственных преступлений в других частях города. По сути один из юго-восточных кварталов, сектор А-8 служил своеобразной тюрьмой. Ни один из жителей не мог покинуть его пределы. В то же время надзирателей здесь не было - только полиция, как и в других кварталах. Грей не видел необходимости создавать особые правила их существования и сам периодически присматривал за ходом событий.

Иногда в секторе случались массовые драки с поножовщиной на улицах, ночью постоянно

кого-то грабили, но хаоса здесь не было – даже преступники предпочитали самоорганизоваться, выбрав из своих рядов старших. Просто правила были особыми, и понятия о справедливости – своеобразными. Поэтому самой важной задачей полиции здесь было следить за появлением новичков. Грей предпочитал отселять их из А-8.

Не заметив на улицах особых беспорядков, он полетел дальше, осматривая с высоты восточные кварталы – обиталище разгульной молодежи. В одном из них жила Ашка, но Грей сейчас не хотел о ней думать. Эта девушка и так безраздельно занимала его мысли вот уже много дней подряд. Он просто методично осматривал свой город дальше – север, центр, запад. Все было почти идеально. Грей вернулся домой с наступлением темноты и опустил за собой стекло. А потом, плюхнувшись в кресло и покрутившись на нем вокруг своей оси, набрал номер Лорана. Но на его звонок никто не ответил.

Лоран.

Она его кинула. Это была первая мысль, которая пришла ему в голову, когда он понял, что ждет напрасно. Из клуба вышли уже все ученики, горячо обсуждающие свои успехи в живописи, и, казалось, каждый из них с любопытством глянул на незнакомца с букетом астр в руке. Он чувствовал себя идиотом – Ашки все не было. Но внезапно к нему подошла незнакомая девушка и спросила, не ждет ли он кого.

- А если жду? – хмуро осведомился Лоран, борясь с желанием вышвырнуть проклятый букет астр и сбежать.

- Она заболела и ушла на час раньше. Меня зовут Катя, я ее заменяю. Не сердитесь на нее, ей правда очень плохо было, – протараторила она, вглядываясь в его непроницаемое лицо.

Он кивнул, поблагодарил и, резко повернувшись, зашагал вниз по улице, преисполненный решимости узнать, что с Ашкой. Сообщение ее знакомой, с одной стороны, вызвало облегчение: она его не кинула, но с другой – заставило встревожиться. Он сам уже давно прошел через болезненную адаптацию в этом городе, но вовсе не забыл, как сначала тяжело. Возможно, ей нужна поддержка – даже наверняка.

Завернув за угол, он осмотрелся и, убедившись, что никого рядом нет, перенес себя сразу в ее квартиру. И сразу понял, что не зря: Ашка сидела прямо на полу в прихожей, смотрела перед собой остекленевшим взглядом, и отчаянно нуждалась в хорошей встряске.

- Ты обещала мне не-свидание, – заметил он, когда она подняла малоосмысленный взгляд. На ее лице не отразилось ни единой эмоции по поводу его появления, и это здорово напрягало. Но Лоран не привык отступать.

- Извини, мне плохо. Давай в другой раз, – бесстрастно ответила она, опустив глаза и разглядывая его ботинки. Ашка и не подумала встать с пола, и продолжала сидеть у его ног, как будто именно так и считала нужным встречать гостей.

- Я вижу, что не хорошо. Поднимаемся, – весело скомандовал Лоран. Он положил букет астр, все еще занимавший его руки, наклонился и легким рывком поднял ее за подмышки, словно куклу. Ашка, теперь прижатая к стене, вяло попыталась вырваться, но он не отпустил, поддерживая ее на ногах.

- Оставь меня, – промямлила она, наконец, не находя в себе сил на убедительное сопротивление. Впрочем, будь оно даже убедительным – он бы не пустил. Ее волосы вкусно

пахли, от ее тела исходило приятное тепло. Конечно, это были не те объятия, на которые он рассчитывал, но все же...

- Что-то вспомнила? – поинтересовался он, пытаясь понять ответ по ее лицу. Но она лишь качнула головой:

- Ничего. Но я поняла... мы все мертвы, да? Все мертвы... я не хотела верить, - ответила она сама себе, произнося каждое слово все тише.

- Малыш, кажется, об этом всех предупреждают в первый день. Ты тут четвертый месяц – пора смириться, - безжалостно отрезал он. – Что на тебя нашло?

- Я не верила. Но если мы все мертвы... какой в этом смысл?

Ее карие глаза, теперь повлажневшие, жалобно смотрели на него. Лоран поворачивал глазами по сторонам, словно обращаясь за помощью к невидимой аудитории, и, не найдя поддержки, глубоко вздохнул.

- Может, смысл в том, что все же мы не совсем мертвы? – негромко осведомился он с нескрываемой иронией. – Мы мертвы только в некотором смысле, не находишь?

- Я не знаю. Я даже ничего не помню, - вновь начала она, словно не замечая ни его ответа, ни иронии в нем. – Что, если у меня едет крыша? Что, если я вспомню и стану такой же, как все?

- А-а, так дело в том, что ты боишься вспоминать? Это уже больше похоже на правду. Только это все чушь про крышу. Ты думаешь, ты тут единственная, кому приходится приглаживать на голове волосы всякий раз после того, как подумается о прошлом? – в тоне Лорана уже не было веселья, он стал жестким и упрямым.

Ее крыша реально ехала на глазах, и ее требовалось ловить и ставить на место энергичнее. При этом, конечно, не было смысла отказывать себе в том, чтобы любоваться ее пухленькими губами и изгибом влажных ресниц.

- Пожалуйста, пусти меня, - снова прошептала она. – Мне надо побыть одной.

- Это тебе не надо, - возразил Лоран, приподнял ее, удобнее перехватил и погладил по спине: Ты не такая, как все. Ты не замкнешься в себе и не забудешь - ты научишься с этим жить, как я и Грей. И ты даже сможешь об этом говорить, со временем.

Он говорил уверенно, и это было нетрудно: он верил в это на все сто процентов. А вот что было трудно – так это держать ее в объятиях и не целовать. Она так вкусно пахла...

- Я ненавижу себя, - выпалила она. Лоран снова опустил глаза на ее губы и едва не застонал.

- Это нормально, - ответил он автоматически. – Это пройдет.

Он хотел опустить ее на пол и отойти на два шага, но тут она что-то спросила и подняла лицо. И все его честные намерения улетучились, когда он увидел в ее глазах благодарность за утешение и такое же плохо скрываемое желание.

Он колебался не больше пары секунд – мгновение спустя его руки, словно действовавшие по собственному разумению, крепко прижали ее к стене, а губы завладели ее ртом – мягким, нежным, послушным. И Лоран напрочь потерял голову.

Ашка.

Она догадывалась, что он придет за ней домой, когда не дожидается ее после работы, но она понятия не имела, что все так закончится. Для начала, она не догадывалась, что он будет так терпеливо утешать и укачивать на руках посреди прихожей. Она так растаяла, что в конце концов призналась в своих настоящих чувствах – возможно, только в этот момент и разобравшись в них. До этого она не отдавала отчет в том, как боится вспоминать. Она думала, что хочет вспомнить, во что бы то ни стало.

- Я ненавижу себя, - внезапно выпалили ее губы, почти независимо от нее. В горле застряла горечь, но в его руках было так тепло и уютно, что плакать больше не хотелось. Она уткнулась носом в его плечо, обтянутое футболкой, и, не скрываясь, втянула ноздри его терпкий, горьковатый запах.

- Это нормально, - Лоран нежно погладил ее по голове. - Это пройдет.

- Ты думаешь? - спросила она и подняла лицо.

Их взгляды встретились, и Лоран слегка раздул ноздри - они оба несколько секунд изучали разгорающиеся огоньки в глазах друг друга, а потом одновременно рванулись навстречу. Руки Ашки крепко, едва не задушив, обхватили его шею, а губы Лорана жестко смяли ее рот. Его язык бесцеремонно проник вглубь и устроил драку с ее языком. Нежности не хотелось, и он это, наверное, почувствовал - словно сумасшедшая, она вцеплялась в его волосы, ловила ноздри его аромат, покусывала его губы и царапала ногтями грудь. И он снова и снова целовал ее, пока губы не заболели, а во рту не возник отчетливый привкус крови.

Его руки вели себя бесцеремонно, но не грубо, и она ни на секунду не почувствовала опасности. Он расстегнул пуговицы у нее на груди и обхватил ладонью грудь, слегка сжимая, а другой рукой поддерживал ее затылок, пока целовал ее, все сильнее навязывая свой язык, не допуская ни секунды передышки, когда она могла бы задуматься и засомневаться в том, что происходящее - правильно.

И она ни на секунду не усомнилась, хотя возможно, и должна была, когда он собрал ее волосы в правой ладони и рывком повернул ей голову, заставив посмотреть в глаза. Перенос... его спальня. Лоран разжал руки, легонько толкая на кровать, и сразу накрыл своим телом, нетерпеливо задирая платье, просовывая под трусики большую грубоватую ладонь.

- Лоран! - застонала она, царапая ему спину через рубашку. Она понятия не имела, что желание может быть таким сильным.

- Тише! - зарычал он. - Я могу сделать тебе больно.

Его ладонь одним рывком разорвала ее трусики в лохмотья и снова вернулась, чтобы ласкать ее бедра, их внутреннюю сторону и...

- Мне все равно, - застонала она, ощущая невероятно сильное, сводящее с ума, поглощающее желание почувствовать его внутри. Вцепившись зубами в его плечо, Ашка прижалась бедрами к его ладони: Пожалуйста...

Лоран приподнялся, срывая с себя одежду. Ашка сняла через голову платье и протянула к нему руки. Он тяжело дышал и на этот раз слегка придавил ее, когда лег сверху, возможно, желая приструнить. Ашка сбилась с дыхания под весом его тяжелого огромного тела, но тут же с шумом втянула в себя воздух, когда он с нажимом вошел в нее - большой, твердый и очень-

очень требовательный.

Едва не потеряв сознание, она снова выдохнула его имя и снова вцепилась в него ногтями. В отчаянии цепляясь за последние проблески разума, она стиснула зубы, чтобы сдержаться от стонов, но когда он начал двигаться, это оказалось совершенно невозможным.

- Лоран, - умоляюще позвала она, не понимая, что с ней происходит.

- Ч-шшш.

Он ловил ее стоны губами, касаясь ее рта легкими поцелуями, и больше не давил на нее - похоже, и в самом деле боялся причинить ей вред. Его объятия оставались крепкими, но, едва оказавшись внутри нее, стал очень нежным и мягко подвел ее к оргазму, разделив с ней этот момент.

От этой нежности, так контрастирующей с его страстными поцелуями и ласками в начале, Ашка снова чуть не потеряла сознание, и полностью растворилась в его руках, а пришла в себя только несколько минут спустя, когда он перекатился на бок и осторожно прижал ее к себе, глядя по спине и волосам так, словно она была хрустальной.

Прерывисто вздохнув, Ашка подняла глаза, ища в его взгляде признаки неудовлетворенности, но его глаза блестели, и лицо выглядело довольным.

- Ты что? - шепотом спросил он, коснувшись пальцем ее нижней губы.

- Мне показалось, - она сглотнула, - что ты сдерживался.

- Тебе не показалось, - хмыкнул Лоран. - Ты так упорно меня провоцировала, что я почти себя не контролировал. Но, к счастью, все же не совсем.

- Я не нарочно, - смутилась Ашка.

- Я знаю, - он хмыкнул и растрепал ее волосы. Почувствовав, что она замерзла, Лоран потянулся за одеялом и укрыл их обоих, еще крепче прижав ее к себе.

- Когда я тебя первый раз встретила, ты совсем не показался мне привлекательным, - призналась она неожиданно.

- А когда показался? - его губы раздвинулись в легкой, любопытной улыбке.

- Ну, не знаю... наверное, ты подкупил меня сыром, - поддразнила она.

- И подманил круассаном, - еще шире улыбнулся он.

Ашка внимательно посмотрела в его глаза и нашла, что веселье несколько натянутое - они внимательно следили за ней с долей тревоги, пока его губы старательно улыбались.

- Почему ты так на меня смотришь? - сердито спросила она, мгновенно теряя весь благостный настрой. Ее сердце рухнуло куда-то в пятки. Грей. Боже, она на десять минут совсем забыла о Грее. Но Лоран-то наверняка не забыл.

Грубоватое мужское лицо перестало улыбаться, но его глаза все еще смотрели с нежностью:

- Я просто беспокоюсь за тебя, - сказал он, касаясь ее щеки. - Тебе тяжело сейчас, как всем в самом начале. Но твои провалы памяти еще больше все усложняют.

Ашка похолодела:

- Я не хочу об этом говорить, - выпалила она. - Я вообще не понимаю, что происходит. Мне кажется... мы не должны были этого делать, - в отчаянии добавила она, не глядя на него и сжавшись в ожидании реакции. Но вместо чего-то страшного услышала в ответ лишь его смех:

- Почему? Это было слишком приятно?

- Потому что пару дней назад я была с Греем, вот почему! - от возмущения его беззаботностью Ашка даже повысила голос, но снова вызвала лишь смех.

- И тебе с ним было лучше? - уточнил Лоран, пронзая ее любопытным, откровенно забавляющимся взглядом. Потеряв дар речи, девушка безмолвно смотрела на своего нового любовника, то открывая, то закрывая рот. Пока, наконец, Лоран не перестал валять дурака и не посмотрел на нее более-менее серьезным, открытым взглядом.

- Малыш, - очень спокойным и уверенным голосом позвал он. - Я понимаю, почему ты обеспокоена, но поверь, все обстоит немного не так, как тебе кажется. И ты права в одном - ты не понимаешь, что происходит.

- Может, просветишь? - раздув ноздри от злости, спросила Ашка.

Лоран поднялся, натянул брюки и миролюбиво улыбнулся:

- Одевайся и пойдем, поговорим с Греем. Он уже раз пять звонил, и наверняка нервничает.

- Ты что, с ума сошел? - охрипшим голосом спросила она. В первое мгновение ей показалось, что она ослышалась. Поговорить с Греем? О том, что произошло?? Ноги мгновенно замерзли от ужаса при одной мысли о лице Грея, когда он узнает. Но лицо Лорана выражало решимость и беззаботность.

- Я... я не могу, - пробормотала она, испытывая все больше страха с каждой секундой. Возможно, она все-таки была права. Он нарочно это все сделал, и подставил ее - все было разыграно как по нотам.

- Да брось, - засмеялся Лоран. - Это не пьеса «Отелло», солнышко, и ты не неверная жена. Нас в этом театре всего трое, не считая статистов. Мы актеры, мы же и зрители, и сценаристы, и режиссеры. Тут не от кого скрывать повороты сюжета, и поверь, абсолютно незачем.

- Я не пойду, - обхватив себя руками, замотала головой Ашка. - Ты спятил, Лоран. Ты специально это устроил, да?

- О, боже, - он снова засмеялся и закатил глаза. - Хорошо, оставайся здесь. Но только не надо убегать, хорошо? Потому что я снова притащу тебя обратно. Или, может, это сделает Грей. Как я уже сказал, нас тут всего трое, мы заперты практически в консервной банке, и ты никуда не денешься.

- Лоран, пожалуйста, не делай этого, - умоляюще начала она снова, но он уже исчез. Какое-то время ее глаза просто смотрели в пустоту, где еще пару мгновений назад стоял Лоран, а потом

она закрыла их, сжала руками свои виски и застонала.

Лоран.

Разговор с Греем был единственно верным и возможным поступком по итогам случившегося, но все же с Ашкой он бы чувствовал себя спокойнее. При ней Люче наверняка пришлось бы сдержаться, а так - все же не было уверенности, что ему не прилетит кулаком в физиономию, хотя бы раз. Поэтому Лоран заходил на сорок третий этаж не без опаски.

- Я уж думал, ты сдох ненароком, - вместо приветствия рыкнул Грей и швырнул коммуникатор на стол. Увидев, что он стоял с ним в руках, ожидая ответа от него на все свои звонки, Лоран почувствовал еще один укол совести.

- Извини, - просто сказал он, остановившись на приличном расстоянии. Сначала он опустил глаза, но потом все же поднял их и встретил укоризненный взгляд Грея:

- Ах, ты ублюдок, - медленно сказал он. - И чего ты там стоишь, хотел бы я знать?

- Так, - со смешком ответил француз, но Грей не разозлился: он видел, что его друг смеется над собой, а не над ним.

- Я не дерусь, Ло, тем более с друзьями. Тем более, из-за женщин, - со вздохом сказал он. - Расслабься.

Лоран оценивающе посмотрел в серые глаза того, кто был намного старше, и медленно кивнул, хотя до расслабленности было еще далеко. Грей повернулся, поставил на стол два стакана и бутылку виски.

- Так она у тебя? - хмуро уточнил он, плеснув в каждый стакан на два пальца.

- Ага, - подтвердил Лоран. - Если не сбежала опять.

- А ты ей сказал, что идешь сюда? - удивленно спросил Грей.

- Ага.

Мужчины подняли стаканы и выпили, и Грей снова налил виски в стаканы.

- Она вспомнила?

- Нет. Не до конца, - поправился Лоран.

- Плохо. Это начинает меня беспокоить.

- Меня тоже.

- И зачем ты потащил ее в постель?

- А ты зачем?

Ноздри младшего из собеседников раздулись. Несмотря на не проходящее чувство вины, он ощущал явную потребность защищаться.

- Логично, - Грей выпил еще, приняв возражение, и Лоран, поколебавшись, последовал его примеру. Его не оставляла тревога за Ашку.

- Ей ведь не будет от этого хуже? – тихо спросил он.

- Смотри, что ты с ней сделал, - с издевкой ответил Грей, но тут же засмеялся, оценив его выражение лица, и помотал головой:

- Да успокойся. Чем больше ее мысли будут отвлечены от ее проблем, тем лучше.

- Она думает, что я специально затащил ее в постель, чтобы сказать об этом тебе, - выпалил Лоран, неожиданно для себя.

- А-а, - Грей задумался, покачав головой. - А ты уверен, что не для этого с ней переспал? – спросил он, наконец.

Лоран ошеломленно уставился на него, но не успел сказать что-либо, потому что его друг тут же согнулся от хохота пополам:

- Боже. Видел бы ты свое лицо сейчас! Клянусь, это было нечто.

Он все еще смеялся, когда они спускались в лифте, но смех оборвался на губах, едва он увидел, как Лоран, увидевший что-то впереди, бросился в спальню. Грей ускорил шаг, заходя следом.

- Так, и что у нас тут? – спросил он таким профессиональным тоном, словно был фельдшером скорой помощи. Вопрос был риторическим – ответ находился перед ним. Мокрая от пота и бледная Ашка, бьющаяся на полу в приступе, похожем не то на эпилепсию, не то на ломку после сильного наркотика. Вот только в его мире не бывало ломок. Равно как и эпилепсии.

- Она что-то принимала, не знаешь? – Грей присел на корточки и коснулся рукой ее лба, пытаясь почувствовать, что с ней могло происходить. Лоран сидел рядом в той же позе. Он подложил девушке под голову свернутый плед, но чем еще помочь, явно не знал.

- Какой-то гель, но уже давно, утром. И потом, она успешно себя протрезвила. Сомневаюсь, что это из-за геля.

- Я тоже.

Лоран вздрогнул.

- Мне кажется, в воспоминаниях все дело. Придется помочь, - Грей выпрямился, сжав челюсти. Процедура предстояла жесткая и неприятная.

- Что надо делать?

- Подними ее и держи очень крепко, лицом ко мне. Обхвати руками и не выпускай, что бы ни случилось.

- Хорошо.

Теперь Лоран тоже сглотнул, и на его лбу появилась напряженная морщинка. Он рывком поднял девушку и поставил на ноги. Ашка дернулась, закричала, но он крепко сжал ее обеими руками, не давая шевельнуться.

- Так и держи, - сказал Грей и обхватил ее лицо ладонями. То, что ему предстояло сделать, было похоже на насильственное вытрезвление, только раз в двадцать хуже. Заглянув в ее глаза, он пропустил через ее тело легкий разряд энергии Основы, похожий на удар электричества. Ответом на его усилия был пронзительный вопль, от которого вздрогнул и он, и Лоран, но зато сразу затем ее взгляд стал осмысленным.

- Ашка, - строгим тоном сказал Грей. - Ты должна вспомнить. У тебя больше нет сил поддерживать эту блокаду в сознании. Она не идет тебе на пользу и начала разрушать твою психику. Вспоминай.

- Пустите. Пустите меня, ублюдки, - вся дрожая и исторгая ругательства, она безуспешно боролась с Лораном, а создатель мира безжалостно продолжал смотреть в глаза, последовательно ослабляя ее защиту. Физически подавлять ее психику ему было не сложнее, чем здоровяку-французу удерживать ее хрупкое тело в своих лапищах. Но все же в мгновение ока все его тело стало таким же мокрым, как и ее, потому что Грей почувствовал себя инквизитором. И его стало даже потряхивать от ужаса.

Сломалась она только минут через пять - казалось, прошла вечность прежде, чем Грей почти физически почувствовал, как воспоминания хлынули в ее мозг. Он с облегчением отвел взгляд и сразу же кивнул Лорану, чтобы отпустил. Ашка свалилась мешком ему на руки, рыдая, словно ребенок, и ее невольный мучитель положил ее в постель Лорана, укрыв одеялом. Оглянувшись на друга, Грей убедился, что он чувствует себя не лучше: его кожа побелела, и даже губы посинели.

- Ничего, ничего, - пробормотали его губы словно помимо него, а ладонь сама поднялась и сжала сильную, напряженную руку со сжатым кулаком чуть ниже локтя. Тогда Лоран, наконец, тоже выдохнул - так, словно удерживал в себе воздух все последние десять минут.

- Я думаю, ей нужно немного побыть одной, - медленно выговорил он, и Грей кивнул, стараясь не смотреть на девушку. Ашка плакала, зарывшись носом в подушку, и вряд ли ей нужны были свидетели.

- Ты думаешь о том же, о чем и я? - тихо спросил Лоран, пока они сидели на лоджии, ожидая, когда девушка придет в себя.

- Если ты отчаянно не хочешь знать, что с ней случилось - то да, наши чувства похожи, - процедил Грей.

- Хуже. У меня такое ощущение, что я догадываюсь об этом.

Старшего мужчину передернуло:

- Давай не будем, - резко сказал он и встал, подходя к перилам. - У нее и так достаточно поводов нас ненавидеть сейчас.

- Думаешь, она не поймет нас?

- Поймет, конечно. Но не факт, что сразу, - с циничной усмешкой ответил Грей.

Месяц спустя. Ашка.

Один ее ученик, который жил здесь почти год, сказал, что времен года в Городе нет. Но ее не оставляло чувство, словно наступила весна. Словно белое молоко на небе вот-вот вскипит и пропустит лучи солнца, которые расцветят серые лужи, а потом в небе появится радуга. Она даже искала эту радугу взглядом, когда она шла домой с работы, чтобы пообедать в перерыве, но ее все не было.

Невозможно было поверить, но Грей и Лоран оставили ее в покое, и ее жизнь обрела обычный ритм. Ей было позволено сбежать, и хотя первые дни она каждую секунду ожидала незваных гостей, они не являлись. Постепенно Ашка перестала вздрагивать от теней на своей кухне или в спальне. Хотя иной раз ей было даже жаль, что они не приходят – у нее на языке вертелись тысячи ругательств для каждого из них.

Ее грудь и руки, казалось, до сих пор болели от жесткой хватки Лорана, а в ушах, словно зацикленные на повтор, звучали безжалостные приказы Грея: вспоминай, вспоминай. О, она не зря не хотела вспоминать – теперь она это понимала. Ей нельзя было, конечно, так расклеиваться на их глазах, но они не имели никакого права. Никакого права так с ней поступать у них не было, ведь у ее сознания была чертовски веская причина заблокировать эти ужасные воспоминания.

Она вспомнила, как вернулась тогда в Семь миров, чтобы узнать нелепые, ошеломляющие новости. Ее возлюбленный был помолвлен и счастлив, а она даже не могла стать модератором. Это было запрещено на пять лет, как и работа в СБ, как и любая, абсолютно любая приличная работа. Она стала официанткой. Наверное, единственной за всю историю миров официанткой, которая ходила в Пятый. Единственной, кому было запрещено все на свете, включая использование самых элементарных способностей.

Она держалась недели четыре, работала на автомате, пыталась разговаривать с людьми о том – о сем, но потом про нее начали шептаться. Все замолкали, когда она заходила в комнату отдыха, а еще на нее пялились клиенты в кафе. А потом однажды она столкнулась нос к носу с бывшей коллегой, и та вздрогнула так, словно увидела привидение. И жить расхотелось совсем. В мирах не было ничего, ради чего она хотела бы задержаться. А уж нелепое существование в восьмом...

Она ненавидела себя за непрекращающуюся влюбленность в Яльсикара, за невозможность найти иной смысл жизни или хотя бы перестать рисовать его лицо. За неуклюжесть, за глупый поступок, обрекший ее на изгнание и поражение в правах, за все, чем она была. Когда Ашка поняла, что все совершенствование личности на курсах – просто иллюзия, а терпеть себя какой есть она не может ни минуты – пришло ясное решение, что делать. И сомнений не возникало.

Сделать это пришлось дважды. Первый прыжок был страшнее второго – с той самой скалы, где ее арестовали, с площадки торгового центра. Еще до того, как ее тело рухнуло на землю, она очнулась в восьмом. А потом, даже толком не проснувшись, она прямо посреди ночи вышла на балкон и прыгнула со своего одиннадцатого этажа в темноту. На этот раз было очень больно, это даже ошеломило. Но совсем недолго – она не успела додумать мысль, что будет, если она очнется в больнице.

И больше Ашка уже ничего не помнила. Она стала другим человеком на время, которое провела в полисе. Пока Грей не заставил ее вспомнить, как она сама себя убила и поместила в странную тюрьму с вечно серым пасмурным небом, сырым асфальтом и однообразным ландшафтом. И двумя сумасшедшими, которые возомнили, что лучшее нее знают, что ей надо помнить, а что – нет. Зачем ей это помнить? Зачем ей помнить все те глупости, которые она натворила, превратив свою полную, счастливую жизнь в фарс с нелепым и страшным финалом?

Зачем ей надо знать, какая она идиотка?

Катя наконец рассказала ей, что хотела. Оказалось – убийство. Ее убили. Нелепо, страшно, но это сделала не она. Просто возвращалась поздно домой. Просто оказалась не в то время не в том месте. Ашка слушала и молчала. «Ну, ничего, ничего. Остался всего год-полтора, и я забуду. Такое облегчение, да?» - приговаривала Катя. Она не переживала, что перестанет быть личностью, которой была. Она хотела забыть, как и многие здесь. Как все.

Ашка тоже хотела бы забыть. Но ей это не светило. А рассказывать никому не хотелось. В ответ на предложение Катки выслушать она лишь улыбнулась и покачала головой – ей не станет легче от исповеди, ей будет только хуже. Разве может стать легче от того, что еще один человек узнает о ее клиническом идиотизме? Да она даже на конкурсе идиотов заняла бы второе место, как в анекдоте.

Тем не менее, ее преследовало теперь странное ощущение, что все это было не с ней. Казалось, что после смерти у нее началась совершенно новая жизнь, в которой она уже стала другой личностью, пусть даже сохранившей все воспоминания. Особенно приятно было вспоминать момент знакомства с Греем, на улице, и с Лораном – в ее квартире. Эти два идиота почему-то вызывали какое-то тепло на душе, хотя только и делали, что причиняли ей боль и пугали ее. А еще они постоянно действовали силой, особенно чертов француз. За кого они себя принимали? И за кого они принимали ее?

Ее смущало, что она не могла выбрать. С того самого момента, как она, нарыдавшись в спальне Лорана, решила выйти к ним, ее смущало, что она не знала, кто ей нравился больше. Поэтому выйти к ним она не смогла, ведь это бы означало, что надо посмотреть в глаза Грею. И что потом? Извиняться ли и перед кем? Сказать, что произошедшее между ней и Лораном было ошибкой? Но ведь это не было правдой – в тот момент ничего не могло быть более естественным и правильным, и было бы нечестно предавать этот момент, один из немногих бесспорно приятных за всю ее жизнь.

Но и Грею предать тоже было нельзя. Он навсегда останется ее первым и самым нежным. И самым загадочным. Его взгляд – такой властный и такой ласковый одновременно – просто сводил ее с ума. Она очень скучала по нему. Какое-то тепло, казалось, коснулось лица, и Ашка резко подняла голову, но солнца в небе, конечно, не было. Солнца здесь не бывало никогда – о нем говорили только беспамятные старожилы.

Такие ее ученики порой рисовали солнце на улицах города и утверждали, что буквально прошлой неделе стояли солнечные деньки. И что смог вот-вот развеется снова, и тогда потеплеет, и можно будет выбраться за город на пикник. Иногда эти разговоры пугали ее, в другой день она завидовала тем, кто мог вспомнить пикник «на прошлой неделе» или запланировать его на следующие выходные. Почему бы и нет, если это делало людей счастливее? С такими мыслями приходило даже чувство обделенности.

Ноги вдруг отказались дальше идти, и Ашка почувствовала, что ей надо срочно сесть. Ее вдруг охватил приступ апатии и отчаяния, и даже обедать расхотелось. Она бы просто посидела здесь, а потом можно было бы возвращаться на работу. Оглянувшись по сторонам, скамейки поблизости она не нашла, но на другой стороне улицы вдруг заметила качели на дереве. Они показались такими симпатичными, что Ашка даже удивилась, как не замечала их раньше: на белых толстых веревках с изящными затейливыми узлами, висела широкая, хорошо ошкуренная, свежая и очень удобная на вид доска.

И выглядели эти качели так заманчиво, что ноги сами понесли ее к ним, а через минуту она

уже раскачивалась, усердно наклоняясь вперед и назад, помогая себе ногами. А когда удалось разогнаться, и качели стали взлетать высоко над землей, она подняла голову, глядя в небо, как в детстве. И на пару мгновений отчаяние отпустило, и стало легче. А потом она закрыла глаза и позволила своему аттракциону замедлиться.

- Если ты хотела увидеть меня, могла бы просто позвонить.

От звука человеческого голоса совсем рядом Ашка вздрогнула и едва не рухнула на землю, потеряв равновесие – пару секунд назад улица была совсем пустой, и она не ожидала появления кого-либо... тем более Грея Люче. Как оказалось, он появился совсем рядом, как всегда, в довольно строгом одеянии: темные брюки и рубашка, сверху распахнутое шерстяное пальто, до блеска начищенные ботинки. Он не улыбался, но ее лицо озарилось непроизвольной улыбкой, и она спрыгнула с качелей:

- Привет! Я... собиралась позвонить тебе.

- А потом решила создать качели? – строго глядя на нее, осведомился он.

Ее глаза удивленно раскрылись, она отступила на шаг и перевела взгляд на доску и веревки – и только тогда сообразила, что вся конструкция выглядит идеально новой. Ее щеки порозовели:

- Черт... извини, я не нарочно. Я не поняла, как сделала это... Я не собиралась вызывать тебя таким образом...

Ей было так неудобно, что она невольно бормотала оправдания, как школьница перед директором школы, не отрывая взгляда от носков своих туфель.

- Поэтому надо учиться, Ашка. Следующий раз ты можешь ненароком снести что-нибудь, какой-нибудь дом или магазин. Ты этого хочешь? – сурово спросил он.

- Нет... прости, пожалуйста. Я, правда, не хотела...

- Как ты? – неожиданно сменив тему и тон, спросил он. Ашка подняла испуганный взгляд.

- Нормально, – пролепетала она, думая лишь о том, что он думает о ней после всего и не зная, что еще сказать.

- Ты, правда, собиралась позвонить? – уточнил Грей, переступив с одной ноги на другую.

- Правда. Я скучала, – неожиданно призналась она, тут же краснея, но не жалея о своей искренности. Тем более, что это вызвало мягкую улыбку на губах Грея:

- Ты больше не злишься на меня?

- Нет.

- Больше не считаешь, что я гей? – с новой улыбкой, на этот раз слегка саркастичной, уточнил он.

Ее щеки загорелись сильнее:

- Нет.

- Может быть, тебя можно даже поцеловать? – понизив голос, уточнил Грей, приблизившись на

шаг.

- Может быть, - согласилась Ашка, словно замороженная его прямым, безотрывным заинтересованным взглядом. Еще секунда - и он наклонился бы, но в этот самый момент позади раздался другой насмешливый голос:

- А как насчет меня?

Ашка и Грей отпрянули друг от друга. Она услышала тихое витиеватое ругательство из уст Грея и смех Лорана. Он подошел ближе, прожигая ее своим веселым, и в то же время слегка агрессивным взглядом, и Ашка беспомощно смотрела на него, не понимая, что делать. В ее горле застрял комок, и грудь снова сдавило чувство беспомощности и вины.

- Лоран, я...

Но он уже не смотрел на нее, а весьма воинственно уставился на Грея:

- Надо поговорить.

Ашка испуганно отступила на шаг, переводя взгляд то на одного, то на другого мужчину.

- Лоран... Грей... пожалуйста, не надо из-за меня...

- Помолчи, - хором сказали ей оба мужчины, и снова уставились друг на друга в полной тишине. Ашка закусила губу и отступила еще на шаг. А потом Грей с тихим ругательством кивнул и перевел взгляд на нее:

- Извини, мне придется уйти. До встречи через неделю.

И он исчез в ту же секунду, а Ашке осталось лишь ошеломленно моргать глазами и ждать объяснений от Лорана, который улыбался, сложив руки на груди, и выглядел теперь очень довольным.

- Повтори это еще раз, - почти угрожающе прорычала Ашка, едва услышав беззаботные пояснения от француза. - Вы. На меня. Поспорили?

- Нет-нет-нет, ты неверно поняла, - Лоран так сильно отрицательно покрутил головой, что, казалось, она вот-вот оторвется. - Мы просто дали друг другу обещание насчет тебя. И Грей его не сдержал.

Лоран настоял, чтобы они поговорили у него дома, но если он планировал создать уютную атмосферу, то это пока не получалось - когда Ашка чего-то не понимала, она всегда бывала напряжена. Ее глаза неотступно следили за Лораном, который быстро перемещался по своей кухне, занимаясь приготовлением кофе и легкой закуски. Обедать она отказалась наотрез и примостилась на высоком стуле возле барной стойки, не спуская с него взгляда.

- Но Грей ничего не нарушал. Это я нарушила его правила, и создала чертовы качели, - пояснила Ашка, злясь на Лорана. Она всерьез была возмущена, когда он беззаботным тоном сообщил, что теперь Грей не может подойти к ней неделю, из-за какого-то дурацкого спора.

- Это уже далеко не первое, что ты сделала за эти недели. Ты постоянно что-то создаешь, меняешь - в общем, это не повод, - покачал головой Лоран, поставив перед ней чашку с дымящимся ароматным напитком.

- Не может быть, - не поверила Ашка. - Я? Постоянно что-то создаю - и не замечаю?

- Конечно. Это нормально, я тоже это не контролировал поначалу. Поверь, Грей не так уж сильно переживает из-за ерунды вроде качелей или переноса парковочных мест в твоём дворе. Да-да, ты сдвинула парковку метров на пятнадцать, можешь посмотреть, когда вернешься - она уже съела пол-газона, - заметил он, явно забавляясь ее изумленным выражением лица.

Ашка сердито уставилась в свою чашку и осторожно попробовала черное жгучее варево - на вкус напиток напоминал больше горячий шоколад, чем кофе, к тому же, щедро приправленный перцем - но ей понравилось.

- Тогда почему он появился именно сегодня? - недоверчиво спросила она, поставив чашку.

- Ты смотришь в самую суть, - хмыкнул Лоран, подвинув себе стул и опустившись на него напротив Ашки. - Просто потому, что захотел тебя увидеть. А мы с ним договаривались так не делать.

- Невероятно. У тебя хватает совести мне это все рассказывать, - проворчала она, но на самом деле ей было не по себе.

- А я не вижу здесь ничего бесовского, - широко улыбнулся Лоран и развел своими здоровенными руками. - Просто я выиграл неделю с тобой, потому что был более терпелив.

Его мальчишеское ликование было настолько явным и непосредственным, что Ашке пришлось сжать губы, чтобы скрыть улыбку. Ей, конечно, стоило решительно осудить эти их дурацкие споры, и больше ни о чем не спрашивать, но в конце концов любопытство все же победило.

- Ну, а... если бы я сама позвонила? - поинтересовалась она.

- Это другое дело. Тогда он мог бы поговорить с тобой. Но мы договорились, что не будем встречаться с тобой без твоего разрешения. Мы решили, что тебе нужно дать время.

- Большое спасибо, что так здорово все за меня решаете, - саркастично отреагировала Ашка. - А что теперь, устройте соревнование? Будете говорить мне, с кем можно встречаться на этой неделе, с кем - на следующей? А если я сейчас просто уйду и позвоню Грею, что ты сделаешь?

Она сама не заметила, как перешла на воинственный тон. Оказывается, она не выносила, когда ей пытались управлять - этого она про себя даже не знала.

- Ничего я не сделаю. Хочешь - иди, - безмятежно ответил Лоран. - Только Грей вряд ли согласится с тобой встретиться до конца недели.

- Почему это? - упрямо спросила она, глядя исподлобья.

- А потому, - Лоран встал и обошел стойку. - Что он дорожит нашей дружбой, малыш.

Ашка подняла глаза, но не успела запротестовать, когда Лоран наклонился и, положив руку на стойку, поцеловал ее в губы. Ее руки хотели было оттолкнуть его, но он ловко прижал ее ладони к своей груди и провел языком по ее нижней губе, а потом нежно углубил поцелуй. Лоран обнял ее, поцелуи становились все жаднее и требовательнее. Мысли о том, чтобы оттолкнуть его, больше не приходили. Когда он отпустил ее губы, из ее груди вырвался стон, и она сама вцепилась в его плечи.

- Можно отнести тебя в спальню? - тихо спросил Лоран ей на ухо. Ашка уже почти кивнула, и с ее губ почти сорвалось «да», но в последний момент она отчаянно замотала головой из стороны в сторону:

- Нет... я так не могу!

- Не волнуйся так, - со своей обычной улыбкой дружелюбно заметил Лоран позже, когда уговорил ее перебраться на лоджию. Он заботливо подоткнул одеяло и с видимым наслаждением опустился на соседний лежак. Ашка, напряженная и сердитая, смотрела только вперед, на город, расстилающийся перед ней черточками улиц и кружочками площадей. Смотреть на Лорана она не хотела.

- Я не волнуюсь. Просто мне не нравится то, как мы поступаем с Греем.

- Мы никак с ним не поступаем. Он по-прежнему мой друг и по-прежнему будет твоим любовником, если ты захочешь, - пожал плечами Лоран.

Ашка вспыхнула и резко обернулась:

- Как ты можешь такое за него решать?

- Я не решаю, ты что, - хмыкнул Лоран. - Просто я хорошо его знаю. И знаю, что мы оба... заинтересованы в тебе.

Ее ладони невольно взлетели к лицу, чтобы закрыть его. Ее щеки горели, а в горле стоял комок.

- Я так не могу, - прошептала она. - Мне так спокойно было без вас весь этот месяц, и вот опять!

- О, сколько патетики, - поддел Лоран. - Так что же ты тогда сидишь здесь, а не у себя дома? Ты, поди, и работу пропустила сегодня, да? - с деланным сочувствием уточнил он.

Ашка отняла ладони от лица. Это был неприятный вопрос - почему ей необходимо быть здесь, и он причинил неожиданно резкую боль. Оценив выражение ее глаз, Лоран тоже поменялся в лице:

- Ашка...

- Ты прав, - резко бросила она, отводя взгляд и беспомощно подтягивая к груди плед. - Мне нечего там делать. Они все только и говорят о том, что скоро все забудут. Я больше не могу это слушать, и не могу больше чувствовать себя... настолько одинокой, - прошептала она, чувствуя, как горло перехватывает от жалости к самой себе.

- Эй. Мы оба через это проходили, помнишь? И я, и Грей. И Грей в отличие от нас с тобой реально был одинок здесь, и довольно долго, - добавил Лоран.

Ашка кивнула, украдкой вытерев скатившиеся по щекам слезы.

- Ты не одна. И не будешь, если только сама не захочешь, - твердо продолжил Лоран.

Она снова кивнула.

- А теперь, если хочешь - иди к Грею. Я скажу ему, что не против, - нехотя добавил француз.

Ашка резко подняла голову и округлившимися глазами посмотрела на него:

- Ты серьезно?

Лоран пожал плечами:

- Думаешь, ты нужна мне против твоей воли?

Она посмотрела в его упрямое, жесткое лицо и ей непреодолимо захотелось его обнять. Отбросив одеяло, Ашка пересела на его лежак, и через секунду они безудержно целовались. С тихим стоном она распласталась на нем, а Лоран мягко провел ладонями по ее спине и ягодицам, задирая платье, и почти лениво лаская ее под ним.

- Ты очень красивый, - выдохнула она, теряя волю от ласк теплых умелых пальцев, целуя его сломанный нос и запуская ладони под его футболку.

- Скажешь тоже, - проворчал он и поднялся, а потом, перехватив ее поудобнее, понес в спальню, на этот раз ни о чем не спрашивая.

- Можно спросить? - тихо позвала она, когда они молча лежали, наслаждаясь тишиной после бешеного долгого секса. Лоран приподнялся на локте и посмотрел на нее с такой улыбкой, словно знал все вопросы наперед:

- Валяй.

- То, что ты бисексуал - это значит, что ты не способен на моногамные отношения?

- Хороший вопрос, - он хмыкнул. - На самом деле я понятия не имею.

- Но у тебя были серьезные отношения с кем-то? - допытывалась она, следя за его лицом, которое выглядело сейчас довольно закрытым.

- Что-то вроде того.

- Это была женщина? - тихо спросила Ашка.

- Нет.

Лоран продолжал смотреть прямо на нее, но выражение его лица невозможно было интерпретировать.

- Ты не хочешь это обсуждать? - почти шепотом, с опаской уточнила она.

- Не хочу. Но могу. Только я тоже хотел бы кое-что узнать о тебе.

- Что, например?

Ее шея напряглась и застыла, когда он провел пальцами за ухом:

- Например... почему ты так боишься Грея, если влюблена в него по уши?

Ашка вздрогнула и уставилась на Лорана округлившимися глазами, тяжело задышав:

- Я ни в кого не влюблена.

Лоран хмыкнул и запрокинул голову, словно прося небеса одарить его терпением. А потом вновь посмотрел на Ашку:

- Еще как влюблена. Но почему-то тебе гораздо уютнее со мной. И знаешь, что самое интересное? Он тоже тебя боится.

- А ты решил поиграть в купидона? – со злостью спросила она. И язвительно добавила: Купидоны вообще-то не спят со своими подопечными.

- Это да, - с кроткой улыбкой согласился Лоран. – Поэтому-то я никакой не купидон, конечно. Назовем меня другом семьи.

- Какая... пошлость, - выдавила Ашка, когда он принялся покусывать ее соски.

- Ужасная... ужасная пошлость, - посетовал Лоран, целуя ей живот.

Из ее груди вырвался вздох. И она, поддавшись соблазну, притянула его к себе:

- Я тебя хочу.

- Не отказывай себе ни в чем, - прошептал он, прижимая ее к кровати.

Час спустя, когда они с Лораном плескались в душе, Ашка вдруг застыла от четкого ощущения: в квартире кто-то появился.

- Это Грей, - мгновенно отреагировал Лоран. – Не напрягайся. Он подождет в гостиной. Просто мы обычно ужинаем в это время.

- О, боже, - выдохнула она. – И что мне делать теперь?

- Одеться и идти ужинать с нами, конечно, - улыбнулся Лоран. – Не надо делать из мухи слона.

- Так ведь не должно быть, - выдавила она, теряя весь благодушный настрой.

- Да откуда тебе знать, как должно быть? – искренне удивился Лоран. – Ты что, бог?

Ашка удивленно посмотрела на него, но он больше ничего не сказал, лишь молча вылез из-под дождя, поливающего их с потолка, и вытерся огромным полотенцем.

Через пятнадцать минут они сидели в столовой Лорана, и мужчины с впечатляющей скоростью создавали еду прямо на глазах.

- Что ты будешь? – осведомился Грей с такой мягкой улыбкой на губах, словно не понимал, что она только что вылезла из постели его друга. Словно она по-прежнему безраздельно принадлежала ему, и не было ни малейших оснований подозревать ее в неверности. Словно это он должен был заслужить ее благосклонность.

Ашка облизала пересохшие губы и пожала плечами. У нее совсем не было аппетита.

- Салат? Спагетти? Тушеное мясо? Рыбу? – наперебой предлагали мужчины.

Ашка остановилась на лососе и овощном салате. К этим блюдам Лоран создал ей бокал ароматного вина, а мужчины предпочли мясо и виски.

За столом они говорили о каких-то трещинах. Когда Ашка поинтересовалась, ей объяснили, что мир не вполне стабилен, и Грею приходится регулярно его латать.

- Это, по сути, нехватка энергии для поддержания жизнедеятельности мира, - пояснил ей Люче, с аппетитом уплетая мясо. - Где-то образуется дефицит, и материя начинает рушиться. Я обычно чувствую заранее, и стараюсь предотвращать.

- Обычно?

- Ну да, и иногда это происходит слишком быстро, и приходится тратить много энергии. Слава богу, это бывает не часто. Однажды нам с Лораном пришлось действительно туго, года три назад.

- Да уж, думали, не удержим, - подтвердил Лоран с невеселой улыбкой.

Ашка похолодела:

- В каком смысле? Это город... мир - может обрушиться?

- Я этого не допущу, - помотал головой Грей. - Просто кое-кого придется удалять.

- Кого удалять? - Ашка едва не подавилась и положила вилку, спешно запив кусок лосося вином.

- Людей.

Мужчины переглянулись, и она опустила глаза, облизав губы:

- А куда они потом деваются? - тихо спросила она.

- Этого я не знаю, - выдохнул Грей. - Наверное, в какой-то другой мир.

Глядя на его помрачневшее лицо, Ашка осознала, что выбрала неудачный предмет для непринужденной беседы за ужином. Она прикусила губу, спешно стараясь перевести разговор на другую тему:

- Грей... э-э... а я могла бы тебе помогать чем-то с этими... трещинами?

- Лет через десять-пятнадцать - может быть. Если будешь учиться, конечно, - сдержанно ответил он и поднес к губам стакан с виски, сделав небольшой глоток.

- Я буду! Хоть завтра... То есть, - Ашка посмотрела на лицо Лорана, которое почти ничего не выражало. - Ну, через неделю, да?

- Я позанимаюсь с тобой завтра, - ровным тоном сказал Лоран.

Грей сжал челюсти, и Ашке захотелось броситься к нему, наплевав на их дурацкий спор и на требования Лорана. Никогда за весь предыдущий месяц ей так не хотелось поцеловать Грея. Почему же она просто не позвонила ему еще вчера?

- Ты сможешь мне создать свою квартиру? – спросила Ашка Лорана после ужина, когда Грей ушел.

- Конечно. А ты не хочешь пока пожить со мной? – спросил он, но тут же осекся, едва глянув на ее лицо. И пробормотал себе под нос: «Ну, конечно: что подумает Грей?»

- Тебе самому было бы комфортно, если бы я жила с Греем? – не выдержала Ашка.

- Я подозреваю, что именно этим и кончится, - вздохнул Лоран и развел руками: Так что мне придется с этим смириться, не так ли?

- Откуда ты это знаешь? И с чего ты взял, что Грей для меня важнее, чем ты?

- А разве не так? – Лоран поднял бровь, пристально глядя на нее.

- Я не знаю, - на ее глазах показались слезы. - Я, правда, не знаю. Вы оба мне стали дороги. Но я чувствую себя... неловко. Как будто я должна распилить себя ровно поровну. Как будто каждый раз, когда я сплю с тобой, я остаюсь что-то должна Грею, а каждый раз когда думаю о нем - чувствую себя виноватой перед тобой.

- Ну, пока ты спишь со мной, я не против, что ты о нем думаешь, - быстро сказал Лоран и засмеялся, когда Ашка набросилась на него с кулаками. Перехватив ее руки, он на секунду прижал ее к себе и тихо сказал на ухо:

- Иди к нему. Иди прямо сейчас.

Ашка резко подняла голову, ошеломленно уставившись в его лицо. Но он лишь оттолкнул ее:

- И бегом, пока я не передумал!

Когда двери с мягким чмоканьем разошлись на сорок втором, оказалось, что в квартире Грея очень темно. Сбросив туфли, она робко пересекла коридор и зашла в спальню, едва не вздрогнув, когда увидела его прямо перед собой. Явно не ожидавший ее увидеть, Грей стоял посреди комнаты в одном нижнем белье и дернулся, выругавшись, а потом резким движением создал себе брюки и быстро их натянул.

Ее брови ползли вверх, пока он это делал, и она так и замерла, удивленно глядя на него.

- Какого черта ты здесь делаешь? – хмуро спросил он, явно не зная, что спросить.

Ашка не отвечала, внимательно изучая его лицо.

- Лоран сказал, что ты меня боишься, - наконец, медленно произнесла она и прикусила губу, когда Грей изменился в лице. Но его выражение тут же стало холодным:

- Лоран болтает много всякой чепухи, - отрезал он.

- Не так уж много, - возразила она. – Он еще сказал, что я тебя тоже боюсь. И это правда.

Грей вздрогнул и дернулся, скользнув внимательным взглядом по ее лицу:

- Почему?

- Если верить Лорану, я в тебя влюблена.

Грей сузил глаза и подошел к ней, но остановился на расстоянии вытянутой руки:

- А сама ты что думаешь?

- Не знаю. Лоран мне тоже нравится.

- Это не большая проблема. Нас здесь всего трое, - бесстрастно отреагировал Грей.

- Вы даже говорите одинаково.

- Потому что мы похожи, так уж вышло.

- Почему я чувствую смысл, только когда я с вами? Почему все остальное так беспощадно уныло? - пробормотала Ашка.

- Это не удивительно, учитывая, что мы единственные нормальные люди здесь, - серьезно заметил Грей.

- Нормальные ли?

- Друг для друга - да. Так почему ты напугана? - мягко уточнил он. - Это только на меня распространяется или с Лораном тоже?

- Нет... с ним легче. Мы с ним не воюем.

- Со мной тоже не обязательно.

- Я читала про тебя. Ты был плейбоем.

- Ключевое слово был, солнышко. Я изменился здесь. Я даже мухи сейчас не обижу.

Ее собеседник развел руки в искреннем жесте, и Ашка испытала соблазн довериться ему.

- А сам ты чего боишься, Грей?

Ее глаза безотрывно следили за его лицом, и не видели ничего опасного. Теперь она и сама не могла понять, почему с самого начала заняла такую жесткую оборонительную позицию.

- Что не заслужил тебя, - выдохнул он так, словно эта мысль только что пришла ему в голову. Возможно, так и было. Ашка сама шагнула навстречу, и его теплые руки обняли ее, крепко прижимая.

- Я не подарок, - грустно отозвалась она, но Грей покачал головой:

- Я боялся, что Лоран переманит тебя совсем. Что ты не захочешь быть со мной после него. Он веселее, да?

- В этом ему не откажешь, - хмыкнула Ашка и подняла лицо: Я очень скучала по тебе. Очень.

С тихим стоном Грей поцеловал, и она приоткрыла рот, ловя его теплое дыхание и мягкие ласки, мгновенно вспоминая, каково это - быть с ним, чувствовать его нежность и деликатность, и еще что-то, неуловимое, что трудно было назвать словами.

Утром Ашка поцеловала еще спящего Грея и вернулась к Лорану, чтобы разделить с ним завтрак.

- Пришла за круассаном? – уточнил Лоран, улыбнувшись, когда она села на край постели. Он сонно потянулся, ткнулся носом в ее щеку: От тебя пахнет Греем.

- Все сказал? – спросила Ашка, насмешливо поглядев на него.

Лоран рывком встал с кровати:

- Еще нет. У тебя волосы всклокоченные и платье наизнанку.

- Черт. Ненавижу тебя, - выдохнула она, разглядывая свое платье.

- Сейчас позавтракаем и займемся созданием тебе квартиры. Я не хочу, чтобы ты все время ночевала у Грея.

- Лоран.

- Ммм? – он уже дошел до выхода из спальни, но обернулся, еще немного сонный, с торчащими во все стороны волосами.

- Спасибо за вчерашнее.

- За секс? – с надеждой уточнил он.

Ашка вместо ответа запустила в него подушкой, но засмеялась.

Через пару недель все как-то улеглось. В это невозможно было поверить, но они смогли найти ритм жизни, удобный всем им троим, и почти избегать всякого рода неловких моментов. Вроде того, когда она застала Лорана и Грея, выясняющими отношения в гостиной последнего. Они не дрались, но были близки к тому, решила Ашка, поскольку держали друг друга за руки хваткой, далекой от дружелюбных объятий.

Ее появление застало мужчин врасплох, и они шарахнулись друг от друга, а потом весь вечер старательно делали вид, что ничего не происходило. Ашка не спрашивала об этом ни одного, ни второго, но через пару дней поняла, что напряжение спало, и постепенно ощущение, что она сидит на пороховой бочке, ушло, растворилось. Каждое утро они занимались с ней по очереди, обучая изменять мир правильно, не разрывая его ткани, а дополняя ее новыми нитями. Теперь она чувствовала, что не ведет себя, как слон в посудной лавке, создавая предметы или обустривая свой дом. На это, правда, теперь уходило намного больше энергии, но она не жаловалась, наоборот. Теперь все стало понятно, встало на свои места – конечно, ничего не бывает даром.

С Лораном она обычно завтракала, а с Греем – обедала. После чего Грей почти всегда бывал занят до самой ночи, и Ашка часто использовала это время для работы, но иногда она брала выходные и проводила время с Лораном. Ночи она проводила с ними строго по очереди, и иногда это даже тяготило ее, однако в своей квартире она спать не могла. Строить свое жилье в пустых бетонных стенах оказалось непросто и долго, и начала она не со спальни, так что еще предстояло доделать гостиную, лоджию, и лишь потом обустроить место для сна.

В старое жилище ей возвращаться уже не хотелось – оно казалось ужасной дырой, и встреч с

Катей и другими соседями тоже не хотелось. Ей хватало разговоров на работе об ужасных воспоминаниях и о том, как побыстрее от них избавиться.

- Мне кажется, они хотели бы умереть по-настоящему, - вырвалось у нее однажды, когда она обедала с Греем. Он едва не выронил ложку, его глаза округлились, и тут она поняла, что попала в какой-то больной нерв.

Но он ничего не ответил, и стало совершенно ясно, что эту тему пока не надо обсуждать. Они оба были не готовы откровенничать друг с другом – напряжение, хоть и спало, но ушло не до конца. Ашка ощущала безотчетный страх перед Греем, и было заметно, что он не полностью доверял ей. Поэтому когда ей стало невмоготу, она решила поговорить с Лораном, во время урока.

- Что такое, малыш? – по-дружески и в то же время очень по-родственному спросил он, когда она уткнулась носом в его накаченное плечо. Большая ладонь растрепала ее волосы, и стало тепло-тепло. Ашка робко улыбнулась:

- Хотела поговорить. Согласен пооткровенничать?

- Откровенность за откровенность, солнышко. Тогда согласен.

- Что ты хочешь знать?

- А что ты готова рассказать?

Черные глаза Лорана смотрели внимательно, но не требовательно. По ее телу пробежала легкая дрожь, но потом она кивнула и села. На этот раз они находились на ее территории – Лоран учил ее, одновременно помогая ей строить квартиру. Посреди все еще корявой, бесформенной лоджии без окон и ограждений, Ашка, сосредоточившись, создала два стула и сделала приглашающий жест. С комичной внимательностью проверив устойчивость только что созданного предмета мебели, Лоран опустился на него и приготовился слушать.

Ашка посмотрела на него, и окончательно смешалась. Покусав губы, посмотрев на него, в сторону, снова на него – и снова в сторону, она наконец тихо сказала:

- Я не знаю, с чего начать, Ло. Все-таки мне было бы проще услышать вопрос.

- Начни с чего угодно. Просто расскажи мне что-нибудь о себе. О своих чувствах.

- Каких?

- К Грею, например.

- Я сама не знаю, - с досадой выдохнула она.

- Попробуй.

Глубокий, прерывистый вдох вырвался из ее груди. Она невольно обняла себя руками, глядя на город, расстилающийся внизу:

- Он загадка. Мне кажется, я чувствую в нем опасность, сильную. В то же время он ни разу не сделал мне ничего дурного, ни разу не повел себя пугающим образом. Это как тень за спиной – поворачиваешься, и ее нет. Но она все время там, когда не смотришь.

Она смотрела вниз, на ноги Лорана – синие темные джинсы и серо-зеленые кеды огромного размера. Выше – большие широкопалые руки, сцепленные на коленях, так не похожие на руки грея с тонкими, длинными пальцами, как у пианиста. Но она любила обе эти пары рук, и их ласки, и объятия, и то, как ими жестикулировали оба их обладателя.

- Грей - не простой человек, - через небольшую паузу ответил Лоран. – И мне не всегда с ним легко. Но опасность для тебя не в нем, она не может быть в нем.

- Я знаю, - скрипнула зубами Ашка, - я это знаю, Лоран.

Слезы, подступающие к глазам, сдержать было почти невозможно – она не справилась и всхлипнула, и сразу прижала руку к лицу:

- Ну вот. Вот поэтому я и не хотела...

- Это ничего. Ты можешь плакать передо мной сколько угодно. Хочешь, сделаю ведро?

Ашка засмеялась, одновременно всхлипывая, и вытерла слезы:

- Тазика будет достаточно.

Лоран молча улыбнулся и дал возможность продолжить. Ашка задержала дыхание, как перед прыжком в ледяную воду.

- Я покончила с собой, Лоран. Я убила себя, и поэтому я прекрасно знаю, какая во мне опасность для меня самой, - негромко проговорила она. Эта фраза далась с огромным трудом, но слез больше не было. Наоборот, откуда ни возьмись вдруг пришло огромное облегчение, которого она не ждала.

Лоран слегка дернулся и переменял позу, а потом едва заметно кивнул:

- Я ожидал чего-то подобного.

- Почему? – вскинулась Ашка, слегка ошарашенная. – По мне что-то... что-то такое видно?

У нее даже голос сразу охрип – эту фразу от него было очень неприятно услышать, ведь она думала, что так хорошо все скрыла от всех.

- Нет, - он качнул головой. – Это просто дедуктивный метод, как у Шерлока. Ты же знаешь, что у нас тут нет людей, умерших своей смертью...

- Я не знала, - перебила Ашка, широко раскрывая глаза от удивления. Ее слегка передернуло, и в голове начался складываться неприятный, но уже понятный пазл. Про наркотики, про Катю и про ее учеников, нет-нет, да и нарисующих кровавые картинки. Про восточные районы. И про Грея.

- Теперь знаешь, - без особых эмоций в голосе, успокаивающе качнул головой Лоран.

- Все равно я не поняла, как из этого ты понял, что я сама...

- Я лично дважды применил к тебе силу. И ты дважды не была напугана. Злость была, протест был, сопротивление – но не страх. Поверь мне, если бы тебя убили – ты бы реагировала совершенно иначе.

- И ты это знаешь, потому что...

- Да.

Его пальцы на коленях сжались чуть сильнее, нога пару раз качнулась. Ашка посмотрела ему в лицо:

- Мне так жаль.

- Мне тоже. Что с тобой случилось, малыш?

- Просто глупая влюбленность. Я не готова сейчас излагать подробности, ладно?

- Ладно. Ничего себе влюбленность.

Его глаза добродушно смеялись, и Ашка невольно потянулась за поцелуем. Они оба вскочили и крепко обнялись. Его губы нежно коснулись ее рта, но Лоран почти сразу мягко отодвинул ее:

- Я обещал тебе ответить на вопрос.

- Да... кстати, почему ты действовал силой со мной? Я не об этом хотела спросить, но раз уж зашел разговор – не знаю... ты ведь не такой, Лоран.

Ее глаза с любопытством смотрели в его, и настала его очередь смущаться. Он взъерошил волосы на своем затылке и посмотрел вверх:

- Черт... я не знаю на самом деле, это сложный вопрос. Ты просто будишь во мне что-то первобытное, серьезно.

Ашка засмеялась.

- Серьезно, - повторил он, не улыбаясь, только глядя в ее глаза. - Ты необычная, очень. Ты непредсказуемо реагируешь – возможно, я не знал, как с этим быть.

- Думаешь, Грей тоже не знает?

- Возможно. Я не говорил с ним об этом.

Взгляд Лорана был абсолютно открытым – ему невозможно было не верить. Ашка переступила ногами и облизала губы.

- Я хотела бы знать, что ты думаешь о Грее и об этом месте. Не чувствуешь ли ты, что лучше было бы оказаться где-то еще? – выпалила она, сама холодея от того, что говорила. И сразу получила ответ, когда он быстро замотал головой, серьезно глядя ей в глаза.

- Нет, - был простой ответ секунду спустя. - Я так не думаю. Я счастлив, что встретил Грея. И теперь – тебя. И да, это, конечно, тот еще адок, но куда еще такие как мы могут попадать после смерти? В прохладный сад с фонтанами, аллеями и весталками? На тропический остров прямо в лежак, и чтобы коктейль в запотевшем бокале по правую руку?

Голос Лорана стал немного громче и насмешливее под конец его небольшой речи. Ашка моргнула и прикусила губу, посмотрев в сторону:

- Ты думаешь, это расплата? Кто тогда Грей?

Ждать ответа на такой вопрос было страшно, но тут послышался его смех. Лоран снова качал головой и веселился, встретив ее полный непонимания взгляд.

- Грей – это Грей, малыш. Он просто человек, который не пожелал расставаться со своей личностью, даже после смерти тела. Не пожелавший покоя. Такой же, как ты и я.

- Ты думаешь, он такой же, как ты и я?

- Конечно. А ты что думаешь, он бог? Или дьявол? – Лоран засмеялся снова.

- Ну, прекрати, - Ашка совсем смутилась и подошла к краю, посмотрев вниз. Позади под кедами Лорана что-то хрустнуло, и его ладони мягко легли на ее плечи:

- Ты так это сделала, прыгнула?

Тихий, спокойный голос, дружеское участие, готовность к отказу отвечать. Лоран умел задавать личные вопросы, не проявляя при этом бесцеремонности.

Ашка молча кивнула головой. И повернулась к нему, оказавшись снова в кольце его сильных рук:

- Так что же мы делаем здесь? И что все эти люди, - она кивнула на город внизу. - Делают здесь?

- Э-ммм... дай подумать. Мы работаем, едим, занимаемся сексом, - Лоран поднял глаза к небу, а потом вновь глянул на нее. - Мы делаем, в общем, все тоже самое, что и всегда. Я бы даже сказал, что живем.

Его лицо не было несерьезным, а тон – был, и это привело ее в небольшое замешательство. Ее лоб прорезала вертикальная морщинка:

- Тебе разве здесь не тоскливо?

- Нормально.

- Ты честен сейчас?

Ее глаза сузились, едва она почувствовала легкую фальшь. Ноздри дрогнули от обиды и злости.

- Да. Да, нормально. Я не знаю, где ты жила раньше, но для меня это норма.

- Ты жил в Париже! – закричала она, раздуваясь от возмущения – кто знал, что Лоран умеет лгать так ловко? Он почти обвел ее вокруг пальца.

- Моя мать была наркоманкой, - вдруг заорал он в ответ еще громче. - Я рос в нищете, я в двадцать лет был официантом и вряд ли стал бы кем-то более значительным в тридцать или сорок. Я даже не знаю, кто я – посмотри на меня, я гей или натурал? Я хочу и тебя, и Грея, и я... вчера я склеил парня в кафе, пока ты была с ним.

Ашка затаила дыхание, уставившись на него широко открытыми глазами. Лоран был обнажен, предельно открыт и очень уязвим сейчас. Его глаза, абсолютно беззащитные, искали у нее понимания и, как это ни странно, ответов – и это единственное, что было важно сейчас.

- И... и как? – тупо спросила она, когда пауза затянулась.

- Да никак, - махнул рукой Лоран, вздохнул и снова сел. Он закинул свою лодыжку на колено, уперся локтем в другое колено и уронил лицо в ладонь, снова делая большую паузу, словно размышляя, рассказывать ей дальше или нет. Но через минуту поднял отсутствующий взгляд и продолжил.

- Он был похож на тебя и на него одновременно. Глаза как у Грея - почти такой же оттенок. Манера говорить - твоя. Я привел его домой, и мы легли в постель, но я не смог, я его выставил через пять минут.

Ашка молчала - вопросы были бы сейчас неуместны.

Лоран долго молчал, и она тихо сказала:

- Я понимаю тебя.

- Правда? Я сам себя не понимаю.

- А я понимаю, - твердо сказала она и опустилась перед ним на корточки, протянув руки, которые немедленно пропали в его огромных ладонях. Таких больших, сильных, и таких незащитных, нуждающихся в поддержке.

Они так сидели довольно долго, пока у нее не затекли ноги. Когда она со стоном выпрямилась, Лоран посмотрел обычным взглядом и предложил заняться лоджией.

Примерно через час они закончили - проект был готов еще накануне, Ашка нарисовала - нужно было только физически все сделать. Это далось ей нелегко, но было весело. Она в очередной раз обратила внимание в процессе, что Лоран был лучшим учителем, чем Грей. Он весело подбадривал, но не исправлял особенно противные ошибки, когда у нее долго не получалось, а мягко вынуждал делать снова и снова - и после этого она была уверена в своих умениях.

Грей учил с одной стороны серьезнее, с другой - он не настаивал на чем-то, как Лоран, порой сам делал за нее половину работы, не заставляя ее переделывать все по десять раз, и Ашка училась у него медленнее.

- Вот видишь, с двадцать пятого раза парাপет просто загляденье, - удовлетворенно отметил Лоран, проводя ладонью по широким перилам. - Проверим?

- Что? - не поняла она, но он уже положил руки на ее бедра и подтолкнул к перилам, задирая платье, наклоняя.

- Лоран!

- М-м-м? - отозвался он, потянув ее трусики вниз. Другую руку он положил на ее спину, не позволяя выпрямиться. Ашка со смехом попыталась заехать ему локтем, но он ловко избежал удара.

- Меня не очень возбуждают такие странные места... и это не очень удобно, - пропыхтела она, хватаясь за перила.

- Я ничего не сделаю, если ты не возбудись, - резонно заметил Лоран, продолжая гладить ее, и Ашка прикусила губу. А потом, по мере того, как его пальцы добивались до самых чувствительных мест, она подумала, что возможно, это не так уж неудобно.

- Как думаешь, мы не слишком много занимаемся сексом? - осведомилась Ашка, когда они перебрались в постель. Лоран, впервые закуливший при ней, пустил в потолок несколько колечек:

- Тебе это прискучило?

- Нет, но... тебе не кажется, что это размягчает мозги и как-то... ну, не знаю, приземляет, что ли.

- Ты серьезно? - удивился Лоран.

- Ну... да.

- Хм, странно, я бы сказал, наоборот. Меня приземляет, когда секса долго нет - тогда я просто животное, и больше ни о чем не думаю, - серьезно заметил он, размышляя вслух, и она захохотала. Лоран повернул голову:

- Малыш, скажи честно: тебе хорошо со мной?

Ашка даже приподнялась на кровати от удивления и села.

- Да! - с горячностью выпалила она, широко открывая глаза. - Конечно, да! Но у меня ощущение, что ты словно сдерживаешься. Что ты хочешь чего-то еще, и не говоришь.

- Это и так, и не так, - Лоран вздохнул и затушил сигарету в пепельнице, а потом рывком сел на кровати, уставившись на нее: Все сложнее. Это между мной и Греем, и дело не в сексе.

- Ой, ли?

- Ну... почти не в нем. Тут нечто большее, и я не могу разобраться.

- Дело во вчерашнем мальчике?

- Не в нем конкретно, но...

Лоран вздохнул, с сомнением оглядывая ее с головы до ног:

- Я не уверен, что тебе надо все это знать.

- Но я хочу знать. Ты двадцать лет влюблен в Грею, не так ли?

- Двадцать пять. И я не влюблен - я его люблю.

Ашка прикрыла глаза, кивнув:

- Я поняла. Но ты страдаешь из-за этого?

- Да нет, - Лоран с легкой улыбкой потрепал ее по волосам: На самом деле я не страдал, разве что в самом начале. Наши отношения с Греем давно сложились, они такие, какие есть. Он разделяет мои чувства, мы достаточно близки, а для секса у меня были мальчики и девочки. Вот только с твоим появлением все немного изменилось.

- Немного?

- Сильно изменилось. Возможно, мы слегка увлеклись соревнованием.

- Вы поссорились?

Лоран задумался под ее прямым взглядом – было видно, что он не знает точного ответа на вопрос, но всерьез размышляет над ним.

- Наши отношения меняются, - наконец, сказал он. - И процесс их трансформации пока не завершен.

Грей. Основа.

Все оттенки огня переливались в пустыне – всегда одинаковой, всегда переменной. Ни одного сполоха, похожего на другой – ни одного отсвета одинаковой палитры. Но весь этот огонь был только его огонь. Лоран снова отсутствовал, и нетрудно было догадаться, с кем он сейчас проводил время. Ашка.

Эта бомба замедленного действия, наконец, взорвалась, чего он ждал с их первого свидания – пожалуй, с того момента, когда она разделась догола и нырнула в его бассейн. Она ломала все, на чем держалась их жизнь все последние годы. Все переделывала под себя, сама того не вполне понимая. Он по несколько дней подряд не видел Лорана. И невозможно было понять, что происходит и к чему это все придет.

В то же время и с Ашкой они были вместе очень условно – помимо того, что он по сути делил ее со своим другом, приходилось довольствоваться общением с ее внешним коконом. Ее внутренний мир был закрыт для него, она не говорила о своих воспоминаниях и не задавала личных вопросов. Иногда его подмывало спросить, но он до боли боялся услышать отказ. Это бы означало, что, как в том споре с Лораном, он проиграет – она будет говорить, но не с ним. А с тем, кто ее не подталкивает, не расспрашивает – с тем, кто терпеливее. Это было бы обидно и глупо. Он ждал и верил, что она доверится ему, наконец. Но постепенно эта вера ослабевала.

А еще тяжелее было переносить тот факт, что и поделиться своим беспокойством было не с кем, хотя с каких это пор Лоран превратился из друга в соперника? Они же не соревновались, они обо всем цивилизованно договорились. После того, как все же едва не подрались.

Как ни странно, в тот день Лоран злился на него не за то, что он нарушил их договор, и не обвинял его в том, что Ашка провела с ним ночь сразу после этого. Морель, наоборот, вздумал ему выговаривать за то, что он не удерживает девушку и отпустил ее утром обратно к нему. По его словам, выходило, что он находится в плену напускного равнодушия и своих страхов. Грей вскипел – ему вовсе не нравилось, что Лоран так грубо лезет в его дела, и даже влюбленность в Ашку этого не извиняла.

Влюбленность. Даже удивительно: они оба были влюблены одновременно, в одну и ту же женщину. Одновременно изменились, и стали незнакомцами друг для друга. Возможно, поэтому Морель избегал его, и это, если вдуматься, было даже обиднее, чем недоверие Ашки.

Но в тот самый момент, когда Грей так подумал, когда горькая скорбь прошла волной затухания по его сполохам, в Основе появился Лоран.

Вся пустыня воспламенилась с новой силой – сквозь пространство пронесся огненный вихрь, дополняя оттенки красного огня Грея фиолетовым, синим, бордовым. Его всегда поражало, что Лоран горел как газ, как что-то прорывающееся глубоко из недр земли – заворачивающе

необычным, химическим цветом.

Они одновременно поприветствовали друг друга и замолчали. В Основе повисла ощутимая неловкость, заметная даже в том, как расходились язычки красного и синего пламени в процессе горения, стараясь не соприкоснуться. Грей присматривался к своему молодому другу, сейчас полному оптимизма и энергии, но и он был заметно озадачен тем, что происходило между ними.

- Я давно тебя не видел, - начал он после долгого молчания.

- Это правда, и я бы хотел поговорить, - немного подумав, отозвался Лоран, чуть напряженно.

- Я тоже, - без тени враждебности заметил Грей. - Но ты первый.

- Я хотел извиниться перед тобой. Я не имел права лезть в твои чувства и тем более указывать, что делать.

- Я понимаю, что ты беспокоишься. Поэтому я прощаю, - красные огоньки мягко коснулись синих, слились с ними в фиолетовые взрывы.

- Спасибо, дружище.

- Я тоже виноват перед тобой. Я порой несерьезно относился к твоим чувствам ко мне. Теперь, когда я сам вспомнил все ощущения до мелочей, мне стыдно.

- Я никогда не обижался на твои шутки, Грей. Наоборот - мне так было легче. Может, ты и несерьезно относился к моим желаниям, но не к чувствам - не обвиняй себя в таком. И, клянусь, если бы ты стал избегать меня из-за этого, этого была бы трагедия для нас обоих. Я же знаю, что ты меня тоже любишь.

- Да, - по сполохам красного пронесся вздох. - Я люблю тебя. Пожалуйста, не отдаляйся.

- Хорошо. Я хотел бы провести с тобой вечер, без Ашки.

- Не вопрос. Думаю, и она будет счастлива отдохнуть от нас обоих.

- Это точно. Особенно от меня. Как думаешь, секс четыре раза в день - это много?

- Что?!

- Шучу, сегодня было всего пару раз. Хорошо, что мы сегодня вечером с тобой смотрим футбол - отдохнем.

- Ах, ты, засранец. А я-то думал, почему она вчера чуть не заснула подо мной.

- У-у, похоже, мне пора тебя кое-чему научить. Скучный секс - это не наш выбор.

- Тебе конец, - прорычал Грей, но они оба тут же рассмеялись, так легко и свободно, как не ржали вместе уже, наверное, месяц.

А потом вышли в Полис, в квартиру Люче, и Грей шагнул к Лорану, задумчиво коснулся ладонью его плеча:

- Я скучал по тебе.

- Черт, я тоже, - выдавил Лоран, глядя ему в глаза. - Можно тебя обнять?

- Еще как.

Возможно, так они никогда раньше еще не касались друг друга - словно любовники на первом свидании. Действительно соскучившись, Грей с наслаждением вдохнул родной запах - терпкий, злой, не такой как его собственный: легкий и почти неуловимый. Он провел руками по спине Лорана, хоть и понимал, что это безумие - так его провоцировать, но просто невозможно было сдержаться.

Давным-давно они договорились такого не допускать, он сам нарушал свое же условие, и Морель в ответ тоже касался его свободнее, чем обычно. А потом нашел его губы, и они целовались дольше, чем обычно. Чувства Грея раздвоились: это было физически приятно, хоть и не возбуждало. Ему не хотелось продолжать, но прекращать он хотел не больше, чем вылезать из-под одеяла спозаранку в выходной. Чем мог закончиться этот безумный порыв, осталось неизвестным: пол под их ногами вдруг дернулся, и задрожали стекла. Весь мир содрогнулся, и Лоран отпрянул, изумленный.

- Какого... - выпалил он, глядя круглыми глазами, но Грей лишь улыбнулся, уже зная ответ:

- Просто Ашка влезла в Основу.

Ашка.

Секунду назад она стояла посреди своей спальни, пытаюсь медитировать. Она сама не знала, почему начала заниматься этим - просто очень устала от строительства, перегрузила голову, а спать не хотелось. И стала вспоминать то, что спасало от усталости раньше, в Семи мирах, где сон вообще был невозможен.

Освободить мысли, чувства, найти точку для взгляда и рассеять его одновременно, не цепляться за свои размышления, просто плыть по образам и отпускать их, когда они приходили. И вдруг она почувствовала, как отрывается от земли. Сначала это было приятно, пока происходящее напоминало иллюзию, а когда стало ясно, что все происходит в действительности - она испугалась.

Но глаза открыть не удалось - точнее, этого не требовалось: она видела все со всех возможных ракурсов, как во сне. Пустыня желтого слабого огня - горячий воздух, преломляющийся странными видениями и радугой. И где здесь она сама?

Внезапно рядом появился Грей - она его почувствовала и послала ему улыбку. Огонь. Теперь она его видела в его обличии-стихии.

- Ты в Основе, - сказал он, воспламеняя всю пустыню красным. - Не испугалась?

- Нет. Кто я, не понимаю?

- Маленький... симпатичный... пыхтящий гейзер, - с нежностью проговорил он. - Ты меня гашишь, не чувствуешь?

- Мне немного некомфортно, - пожаловалась она, сразу после его слов ощутив себя: небольшой вулкан, полный кипящей воды. Периодически с выдохом она выбрасывала вверх часть этой воды, и она превращалась в облако пара. От этого возникало ощущение, что она смотрит на все

сверху, но потом она снова перемещалась внутренним взглядом в самое свое основание, где было болезненно горячо.

- В данный момент ты пропускаешь меня через себя и отвоевываешь пространство. Тебе больно?

- Немного, да. О, черт, - выдохнула она, когда появился еще и Лоран, и буквально обжег ее - правда, тут же отпрянул.

- Прости, - быстро сказал он, когда сообразил, что причинил ей боль.

- Ничего, - простила она. - Я не знала, что тут так хреново.

- Тебе скоро станет лучше. Мы сейчас отойдем в сторону постепенно. Прости, это будет медленно, - сказал Грей.

- Я не понимаю, как ей это так быстро удалось попасть в Основу? - с легкими нотками ревности спросил Лоран у Грея. Тот отмолчался, хотя Ашка тоже была бы не прочь услышать ответ - это отвлекло бы ее от боли, как минимум.

Но создатель мира лишь дождался, когда его красновато-рыжие язычки отползут дальше от гейзера, и негромко спросил:

- Как ты сейчас, Ашка?

- Легче. Так будет каждый раз?

- Нет. Это пространство теперь твое, мы с Лораном уже его не займем, - тихо сказал Грей. В его тоне слышалось что-то странное, и Ашке стало не по себе.

- Грей... что-то не так? - дрожащим тоном спросила она, еще не зная, хорошо или плохо то, что происходит с ней.

- Все так. Я просто... нет, ничего, ничего...

- Бога ради, Грей, ты ее пугаешь, и меня тоже, - вспылил Лоран, на которого никто не обращал внимания.

- Я сам не понимаю... слушайте, мне надо проверить город. Не выходите отсюда, пожалуйста, пока. Я боюсь, там серьезные разрушения.

- Грей, подожди, - рявкнул Лоран. - Если там разрушения - разве тебе не понадобится моя помощь?

- Вы оба нужны мне здесь!

Грей так резко и неожиданно повысил голос, что Ашка вздрогнула и выплеснула вверх огромное облако пара. А по синим сполохам Лорана прошла рябь.

- Дружище, ты можешь нормально сказать, что происходит? - еле слышно спросил он.

- Я не знаю. Сидите здесь, - сказал Грей, и Ашка тут же ощутила, как он ушел из Основы.

- Тебе тоже больно? - уточнила Ашка, наблюдая, как синие язычки огня отползают все дальше
- Лоран освобождал ей место.

- Немного, - сухо подтвердил он. - Как это случилось?

- Я не знаю, честно, - словно оправдываясь, ответила она. - Просто медитировала, и...

- Ты очень сильна.

- Я не понимаю, как с этим управляться. А почему вы оба - огонь?

- Откуда же я знаю? Ты разве знаешь, как ты стала гейзером?

- Нет, - Ашка осторожно улыбнулась. Лоран был чем-то раздражен, и она не могла понять, чем.

- Ты знаешь, что происходит? - решилась спросить она после долгой паузы.

- Видимо, твое появление здесь вызвало какой-то катаклизм. После моего входа в Основу Грей тоже много чего чинил.

За неохотным объяснением Лорана снова последовало молчание - до тех пор, пока не вернулся запыхавшийся Грей.

- Лоран, ты мне нужен. Ашка, побудь, пожалуйста, здесь, - выпалил он, и мужчины почти мгновенно исчезли.

Гейзер глубоко вздохнул, оставшись в полном одиночестве. Новая обительница Основы ничего не понимала и чувствовала себя абсолютно бесполезной и беспомощной.

Грей.

Едва выбравшись из Основы, он понял, что работы предстоит прорва. Восточные кварталы были обрушены почти полностью и продолжали рушиться под воздействием землетрясения, волны которого еще не прекращались и распространялись с востока на запад Полиса. В эпицентре творилось нечто среднее между фильмом-катастрофой и фарсовым спектаклем.

Люди дико кричали, умирали под обломками, прыгали из окон домов и разбивались об асфальт... и тут же вставали, как ни в чем не бывало, отряхивались и уходили с места обрушения. Некоторые мчались обратно, находя какое-то безумное удовольствие в том, чтобы снова дико кричать и умирать внутри падающих домов, под валяющимися на голову плитами или деревьями.

Перемещаясь по городу, он понял, что север и запад почти не пострадали, но волна шла в центр, и ее следовало остановить прежде, чем приниматься за восстановление. Для этого ему требовалась помощь Лорана. Взявшись за руки, они встали на центральной площади и закрыли глаза, сосредотачиваясь на успокоении разыгравшихся стихий этого места, а, если точнее, самих себя. Они стояли лицом к лицу, с закрытыми глазами. Правая ладонь Лорана - в его левой. Его левая - в его правой. Дыхание ровное и спокойное.

- Это мы сделали или Ашка? - тихо спросил Лоран.

- Это сделали мы все. Но в основном ты, как ни странно, если я не ошибаюсь, - спокойно ответил Грей, не открывая глаз. Он чувствовал, что Лоран тоже не открывал своих и старался

успокоиться, но у него все еще плохо выходило. Ткань мира продолжала трещать.

- Как мы ей скажем? - спросил Лоран.

Грею не надо было объяснять, о чем этот вопрос: о том, что они оба поняли, едва взглянув на Ашку в Основе. О том, что он подозревал и раньше, но предпочитал отмахиваться от этого подозрения, игнорировать полностью.

- Словами, - отрезал Грей, не допуская даже мысли о том, чтобы скрыть от Ашки правду - точнее, старательно отгоняя от себя эту мысль.

- Я не смогу.

- Значит, скажу я.

- Ты уверен?

- Мы не можем поступить иначе. Дыши глубже. Просто дыши.

Грей сам набрал полные легкие и живот воздуха, а потом медленно стал выпускать его, задав ритм. Лоран постепенно успокаивался. Через минуту они обнялись, крепко прижавшись друг к другу. А где-то через полчаса пришло понимание, что все закончилось. И Грей мягко высвободился из объятий Лорана.

- Теперь пора приниматься за работу, - твердо объявил он. - Только сначала сбегай в Основу - скажи Ашке, что она может выйти.

- Она наверняка захочет помочь.

- Ну, если захочет - пусть приходит, - обреченно махнул Грей и пробормотал под нос ругательство - он знал, что потом придется приводить в порядок не только город, но и Ашку с Лораном, если они перегрузят себя.

«Помощнички», - проворчал он себе под нос, когда Лоран исчез, и мгновенно перенесся в восточные кварталы, чтобы начать методично ставить на место дома - один за другим.

«Уборка» города заняла почти сутки. Грей понял, что недооценил Ашку - хоть она и делала только самые простые вещи, но потратила свою энергию не зря. На ее счету под конец бессонной ночи оказались километры восстановленных дорог, парковок, детских площадок и магазинов с аптеками. Лоран занимался в основном жилыми домами, меблированием квартир и заполнением складов вещами и продуктами.

Со складов жители города, привлеченные к своеобразному субботнику, развозили продукты по магазинам и аптекам. Всем горожанам было объявлено о землетрясении. Для пущего правдоподобия Грей внушил начальнику полиции информацию о двух сотнях погибших. По мере ее распространения большая часть горожан вспомнила хотя бы по одному безвременно ушедшему дальнему родственнику или знакомому.

Подошли журналисты - пришлось снова отвлекаться, чтобы принести всем соболезнования в прямом эфире и объявить траур. Ашка оказалась рядом и смотрела на него диковато, пока он все это произносил на камеры. Когда корреспонденты разошлись, Грей улыбнулся ей:

- Относись к этому как к игре.

- У меня мурашки от этого по коже, - серьезно ответила она, не поддерживая веселья.

- Пройдет, - пожал плечами он и вернулся к работе. Он взял на себя самое сложное – восстановление электросетей и водоснабжения. Скрупулезная прокладка проводов и труб, подключение каждой квартиры требовало внимания – иначе не избежать аварий, на которые снова придется прилетать и все чинить.

Основная часть работы была завершена лишь к вечеру следующего дня.

- Ну что, может, отдохнем? – робко предложил Лоран, когда они одновременно переместились на последний перекресток.

Грей оглянулся – он понимал, что еще целый квартал не доделан, и хотелось все закончить, но с другой – предстояла еще прорва работы. Дома без воды и электричества, пустые магазины... из его груди вырвался вздох. В конце-концов, люди могут потерпеть один день без удобств и отовариться в соседнем квартале.

- Привал, - скомандовал он. – Приглашаю вас на ужин у меня, а потом – отдыхать.

- Я хочу спагетти. С мясом! – вдруг жадно выпалила Ашка, и мужчины засмеялись. Только сейчас пришло осознание, как они устали и проголодались.

Ашка.

Через минуту после того, как ее ягодичные коснулись поверхности дивана, она ощутила, как неудержимо клонит в сон.

- Пожалуй, я съем спагетти потом, - пробормотала она, и это было последнее, что запомнилось перед тем, как она провалилась.

Первое, что она увидела после пробуждения – рука Лорана. Он спал на полу рядом с диваном. Грея поблизости не было, но смятая подушка на соседнем диване свидетельствовала, что и он заснул здесь же, не найдя сил перебраться в спальню. «Интересно, они поели или нет?» - задумалась Ашка, и в ее животе забурчало.

Приняв вертикальное положение, она еле слышно переступила через большое тело француза и на цыпочках пересекла комнату, по винтовой лестнице спустившись вниз. И уже на полдороге почувствовала запах кофе.

Хозяин квартиры поднял на нее свои глаза, и Ашка едва не вздрогнула – они показались незнакомыми, и выражение было соответствующим: как будто он видел ее впервые и внимательно изучал. Но уже в следующее мгновение Грей моргнул и улыбнулся, и ее губы автоматически вернули улыбку.

- Кофе? – спросил он и, не дожидаясь ответа, создал ей чашку дымящегося напитка.

- Спасибо.

Ашка села, жадно уставившись на корзиночку с булочками, масло и сыр. Следующие пять минут ее челюсти занимались лишь жеванием, пока желудок не начал подавать сигналы первой удовлетворенности.

Тогда с легким вздохом она коснулась ладонью живота и улыбнулась. Создатель мира тоже

улыбался, глядя на то, как она ест.

- Ты вчера хорошо поработала, - наконец, сказал он.

- Правда?

Ее глаза загорелись, а к щекам прилила кровь. Услышать похвалу от него оказалось даже приятнее, чем она думала.

- Ты молодец. Это просто невероятно, как ты быстро учишься.

- Невероятно то, что делаешь ты.

Ашка вцепилась в него глазами, и снова пришло это ощущение: что она видит его впервые. Увидев Основу, узнав и почувствовав досконально, как Грей каждую минуту создает, контролирует и поддерживает весь этот мир, она теперь не понимала, откуда у него такие силы.

Перед ее глазами встала пустыня, полная огня. Миллионы сполохов - миллионы нитей-артерий, по которым энергия неслась к каждой клетке, каждому кубическому сантиметру плоти этого города. Асфальто-бетонной плоти, воздушной, небесной, даже живой человеческой - каждый обитатель, сам того не зная, черпал силы к существованию от созидателя мира. Люди вдыхали его энергию с воздухом, проглатывали с едой, пили через воду. Без нее они не прожили бы ни минуты, ни одной. Энергию Грея сосали деревья, за счет его сил росла каждая травинка, каждый цветок и листок. Каждый дождь, каждый порыв ветра, свет из каждого фонаря, каждый жест любого жителя, каждое слово - все жило и двигалось лишь благодаря ему.

Его пальцы захватили булочку из корзинки, смяли, но ко рту так и не поднесли.

- Ты такая же, как я, - тихо возразил он.

- Не такая же. Даже Лоран не может того, что делаешь ты.

Ее глаза пытались поймать его взгляд, но на этот раз создатель мира не посмотрел на нее. Его таланты и возможности находились за гранью ее понимания, не умещались в голове, но умение врать в их число не входило. И сейчас было очевидно, что Грей скрывает от нее себя, не готовый пояснить нечто важное.

- Лоран этого не хочет, - чуть резче возразил созидатель, теперь в его голосе появилось раздражение. Но Ашку оно не испугало, потому что знала причину.

- Я смогу помочь тебе? Смогу сделать больше, чем он? - еле слышно спросила она.

- Ты не понимаешь, о чем спрашиваешь, - серые глаза на этот раз посмотрели прямо в ее, и Ашку пробрала дрожь, до самого позвоночника: они выглядели абсолютно бездонными.

- Может, объяснишь? - спросила она, как только сглотнула и обрела дар речи.

- Чуть позже.

Грей встал и обошел стол. Его руки обхватили ее голову, отбрасывая назад волосы. Не понимая, чего от него ожидать, Ашка тревожно следила за его глазами: в ее голове мелькнула безумная мысль, что серые глаза сейчас сделают с ней что-то страшное, как когда он силой

заставлял ее вспомнить все. Но повелитель мира просто наклонился и коснулся губами ее рта:

- Пойдешь со мной в спальню? – тихо спросил он.

Из ее груди вырвался смешок облегчения, но в то же время все тело мгновенно разогрелось, откликаясь на предложение с энтузиазмом. И следующий час они провели в его постели, забыв обо всем, включая Лорана, спящего в гостиной.

Француз встретил осуждающим взглядом, когда они выбрались на кухню. Ашка невольно залилась краской и задалась вопросами, слышал ли он ее стоны и не хотел ли он ее убить, если слышал? Раньше такого не было, чтобы она занималась любовью с одним из них практически в присутствии другого, пусть и за стеной. К тому же, утреннее время как правило принадлежало Лорану, и от этого становилось вдвойне неудобно.

Грей, как ни в чем не бывало, поприветствовал надувающего ноздри друга и налил себе еще одну чашку кофе.

- Поешь хорошенько, нам еще много работы предстоит, - мягко сказал он переминающейся с ноги на ногу девушке.

И ей ничего не осталось, кроме как сесть за стол и поучаствовать в создании блюд для второго завтрака. А потом они поели, почти в полном молчании.

Вечером, когда они закончили с ремонтными работами в последнем квартале, Ашка нашла мужчин сидящих на ступеньках черного входа одного из районных магазинов. Они о чем-то тихо переговаривались с довольно угрюмыми лицами, и от одного их вида у нее что-то задержалось в животе.

- Вы ведь не поссорились из-за меня, правда?

Ее тон прозвучал так жалобно, что сразу же захотелось забрать свои слова обратно. Особенно когда две пары глаз уставились на нее с нескрываемым недоумением. Ее щеки мгновенно загорелись, захотелось провалиться сквозь землю – как глупо думать, что весь мир крутится вокруг нее. Конечно, у них есть и другие темы для разговоров и, весьма вероятно, другие поводы для беспокойства – хотя она и не знала, какие.

- Мы не поссорились, - наконец, сказал Грей. – Но мы хотели бы побыть вдвоем.

- О... да... я... черт, конечно, извините, - выпалила Ашка, невольно делая шаг назад. Ее сердце заколотилось, когда она осознала, что происходит. Мужчины сейчас вовсе не соревновались за ее внимание, наоборот. Они не знали, как сказать ей, что не нуждаются в нем – и возможно, это длится уже некоторое время... Вот теперь ей действительно хотелось провалиться. Перенестись – да, надо же просто перенестись.

Ашка заморгала, пытаясь сосредоточиться, но как назло от волнения сразу не выходило.

- Аш, - позвал Лоран. – Ты ведь придешь завтракать со мной утром?

Какое-то время она не понимала сути вопроса и просто смотрела на Лорана, пытаясь ее уловить.

- Да, - наконец, кивнула она. А потом развернулась и ушла от них пешком, ныряя за угол

магазина, чтобы скрыться, наконец, с их глаз.

Утром она не могла заставить себя пойти к Лорану, хоть он и пригласил. Вряд ли он на самом деле хотел ее видеть, раз уж она надоела им до такой степени. Возможно, ей надо пропасть на пару недель. Страшная злость овладевала ей при одной мысли, что она сама виновата в том, что умудрилась наскучить обоим. Ни разу ей не пришла мысль, что они слишком мало общаются друг с другом, что практически не имеют возможности остаться наедине, что постоянно подменяют друг друга с ней, словно молодые родители, ухаживающие за новорожденным.

При мысли, что все это напоминает уже пройденную историю, когда она обманывалась насчет чувств Яльсикара, ей хотелось совершить самоубийство. Только это было невозможно – она ведь уже совершила его, верно? От этой мысли Ашка расхохоталась вслух, а потом из ее глаз полились слезы. И именно в этот момент, как назло, в дверь ее квартиры позвонили.

«Лоран», – поняла она и бросилась в ванную: достаточно было одного раза, когда француз застал ее в слезах на полу ее собственной прихожей. Он вот-вот сочтет ее законченной истеричкой – и дело тут даже не в том, что он больше не будет ее хотеть, а в том, что она вообще перестанет быть интересной для него, а потом и для Грея.

Умытое лицо, волосы, небрежно забранные в хвост – Ашка осталась удовлетворенной изображением в зеркале: теперь было ясно, что она только что встала и умылась. И никаких следов слез.

Открыв дверь, она заготовила улыбку, но вместо этого не сдержала удивленного выражения: на пороге вместо Лорана стоял Грей.

- Ло сказал, что ты не пришла на завтрак. Обиделась? – спросил он почти без выражения на лице.

- Нет... Только на себя, – честно ответила она и тут же выругала себя за излишнюю откровенность: просто «нет» было бы достаточно.

- Можно войти?

Грей пересек порог и закрыл дверь, внимательно изучив ее лицо. Ашка тяжело дышала, все больше с каждой секундой боясь расплакаться при нем. Она и не знала, что чувство отвергнутости так сильно овладеет всем ее естеством, заставит вновь корчиться и рассыпаться на части, как тогда. Хотя она больше не официантка, не наказана, и люди не шепчутся за ее спиной – просто некому больше шептаться... ее вновь посетило чувство своей ничтожности и раздавленности.

- Ты такой же, как он, – вдруг сорвалось с ее губ. Помимо нее. Помимо здравого смысла. Но какой прок в здравом смысле, когда ее вот-вот не будет? Когда ее снова и на этот раз окончательно отвергнут? Можно закончить миллион курсов по самосовершенствованию, можно несколько недель казаться загадочной и обаять самого удивительного мужчину, но этому быстро приходит конец, не так ли? Ведь она такая как есть: существо, которое вечно делает ошибки. Это как старая компьютерная игра, как тетрис – в нее не выиграть. Ты можешь играть быстрее, профессиональнее – рано или поздно засыпет все равно.

Грей смотрел на нее, изучая все внимательнее, словно пытался прочесть мысли, проникнуть в ее естество.

- Расскажи мне, - наконец потребовал он - таким тоном, который не предполагал отказа, не допускал даже его возможности.

И Ашка сдалась, опустила плечи и кивнула. Она молча провела Грея вглубь своей квартиры, на лоджию, села в кресло и подобрала под себя ноги. Это место, на открытом воздухе, давало ей немного смелости и не душило.

Насколько могла коротко, но не опуская никаких важных подробностей, включая самые унижительные, она рассказала все, что привело ее к самоубийству.

- Думаешь, я похож на Яльсикара? - удивленно спросил Грей, когда она замолчала.

- Не внешне... не знаю, как объяснить. Но это мог бы быть ты, верно?

Ашка подняла заплаканные глаза, из которых вот уже минут десять лились слезы непрерывным потоком. И заметила в его глазах боль. Грей сделал глубокий вдох и кивнул:

- Да, конечно.

- Ты необычный. Сильный, умный, красивый, - медленно и тихо перечислила она. - Ты опасный. Одно твое существование сводило с ума десятки девушек, правда?

- Возможно.

Выражение лица Грея поменялось, он опустил перед ней на корточки и взял ее лицо в руки:

- Это все в прошлом. Ты должна отпустить. Может, у нас много общего с Яльсикаром, но я здесь не для того, чтобы сыграть в твоей жизни похожую роль - ты изменилась, Ашка. Тебе удалось.

- Неужели? - она оттолкнула его руки и вскочила, вцепившись в перила, нехотая вспомнив, как почти на этом же месте ее брал Лоран. Слово обжегшись, Ашка оторвала руки от перил и развернулась к Грею:

- Тогда почему же ты прогнал меня вчера?

Лицо создателя мира отразило изумление, а потом он не сдержал смешка:

- Потому что я хотел побыть с Лораном. Ты ревнуешь?

- Да. Да, черт возьми, - закричала она, уже не видя смысла в том, чтобы скрывать от него хоть что-то, хоть и была уверена, что он рассмеется.

Но на лице Грея появилась лишь грустная улыбка:

- Идеальная симметрия. Лоран ревнует тебя ко мне, ты ревнуешь меня к нему, я немного ревную вас обоих.

Ашка удивленно раскрыла глаза и потрясла головой.

- Ты у нас главный, так? - сказала она, когда нашла в себе силы на улыбку.

- Так.

Его лицо становилось все серьезнее и грустнее, и Ашка поежилась:

- Что?

Грей пересек лоджию и поднял руку, указывая куда-то в небо. Ее взгляд последовал в этом направлении, и карие глаза широко раскрылись:

- Это же... это...

Не веря, Ашка изучала сияющую прореху в молоке смога, за которым сиял крошечный кусочек голубого неба.

- Ты сделала, - коротко и резко бросил Грей. Его лицо стало таким темным, что она отступила назад, похолодев.

- Что в этом плохого? - жалобно спросила она.

- Ничего, - мотнул головой Грей.

- Почему у тебя такое лицо тогда? - крикнула она, от страха повысив голос. Ужас сковывал ее все больше и больше, холод растекался по телу от солнечного сплетения к пальцам рук и ног, окружил сердце.

Он отвел взгляд, тяжело вздохнул и вновь глянул на нее:

- Ни один мертвый на такое не способен, Ашка. У меня такое лицо, потому что я не хочу тебя терять. Но я обязан предложить тебе вернуться.

- Нет, - она отшатнулась, когда что-то внутри взорвалось. В глазах потемнело так, что она перестала различать лицо Грея, холод в солнечном сплетении превратился в лед, заморозил позвоночник, все внутренние органы.

- Ты все еще жива. Ты не хотела признавать свою смерть все это время, потому ее не было. Я вынул тебя смириться с этим вместо того, чтобы отпустить. Прости меня.

- О чем ты говоришь? Я бы с ума сошла, если бы ты не заставил меня вспомнить! - закричала Ашка, вдруг очнувшись. Лед растаял, и весь мир вернулся. Вернулось и зрение, и она к своему ужасу теперь различала настоящее горе на лице Грея. Которого она не хотела видеть - это оказалось даже болезненнее, чем вчерашняя просьба уйти.

- Ты не сошла с ума - ты бы стала спящей. Прыгнула бы с какой-нибудь крыши и вернулась. И ожила бы. А я тебе не дал, - тихо, почти шепотом, объяснил Грей, вцепившись руками в перила так, что его костяшки пальцев побелели.

- Но теперь... теперь я все равно не могу вернуться, так? - заметила Ашка, чувствуя почему-то облегчение.

- Я могу помочь тебе, я могу вновь закрыть твою память, - глухо сказал Грей. - Ты хочешь жить?

Он повернулся к ней. Этот вопрос в его устах прозвучал как риторический, но его лицо, его выражение ужасало ее. Ашка открыла рот и закрыла. По ее щекам вновь потекли слезы.

- Но я люблю тебя, - выговорила она. - И я люблю Лорана.

- Ты любишь жизнь, - Грей указал взглядом наверх, где в облаках зияла предательская прореха.
- А таких как мы в мире живых пруд пруди. Захочешь - и Яльсикара отобьешь у невесты, - заметил он, цинично скривив губы.

- Он мне не нужен, - выпалила Ашка, и увидела слабую улыбку на губах Грея. Он подошел и взял в руки ее голову:

- Ты очень сильная девочка. Ты невероятная. Я люблю тебя, и поэтому я должен тебя спасти.

«Только я могу себя спасти», - едва не сорвалось с ее губ, но сейчас не хотелось спорить, когда он был так близко - только наслаждаться нежностью, которая разлилась в груди от его слов.

Ашка смотрела в его глаза, полные любви к ней, и слишком поздно ощутила, как его взгляд берет контроль над ее сознанием. Ее сердце заколотилось. Нет. Нет! Ей и в голову не приходило, что он способен на такое. Она пыталась закричать «нет», но ничего не выходило. Тогда, полная ужаса, она начала сопротивляться мысленно, и в следующую секунду их выбросило в Основу.

Пустыня огня, обжигающие сполохи. Ашка беззвучно кричала - Грей атаковал ее, сворачиваясь кольцом вокруг гейзера, испаряя ее капельки, причиняя боль. Она по-прежнему не могла разговаривать с ним, но отчаянно дралась, с каждым моментом ощущая, что проигрывает. Когда огонь был уже совсем близко и грозил ворваться внутрь, иссушить до последней капли, она перестроилась.

Перестав тратить силы на бессмысленное сопротивление, Ашка просто вздохнула полной грудью и выбросила огромное облако пара, как любви к нему и к этому миру. Она думала, что исчезает, но вдруг это облако пролилось яростным дождем, который затушил огонь на огромной площади. И, к ее изумлению, вода внутри нее осталась - запасов оказалось гораздо больше, чем она чувствовала минуту назад.

Грей зашипел и отступил, прекратив жестокую атаку.

- Прости меня, - снова сказал он, на этот раз еле слышно.

Ашка усилием воли вышла из Основы в свою квартиру и Грей после минутной паузы появился следом.

- Никогда. Не смей. Ничего решать за меня! - яростно выпалила она, не повышая, впрочем, голоса. Жесткого тона было довольно, чтобы он понял ее.

Ответом был быстрый кивок и замороженное выражение лица повелителя мира.

- Решай сама. Только помни, что у тебя, скорее всего, совсем мало времени, - сухо сказал он и исчез в ту же секунду.

Ашка бессмысленно посмотрела перед собой и, прерывисто вздохнув, опустилась на ближайший стул.

Лоран.

После того, как Грей вернулся от Ашки с лицом чернее, чем выгоревшая земля Основы, Лоран понял, что обоим нужна его поддержка. Но для того, чтобы помочь повелителю мира его

требовалось сначала поймать: бросив лишь несколько слов, Грей сослался на занятость и исчез. Поэтому француз направил свои стопы в квартиру этажом ниже и застал свою любовницу в крайне раздраженном состоянии.

Удивительным был уже тот факт, что она не впала в истерику, но с каждой секундой, что они говорили, в ней словно прибавлялось злости к Грею.

- Он не спасал, он убивал меня!

Как только Лоран попытался успокоить, Ашка начала отвечать на повышенных тонах, явно не принимая никаких оправданий поведению создателя мира. Сам он пребывал в смешанных чувствах. Радость от того, что она все еще здесь, сменялась уверенностью в том, что так быть не должно, а потом надеждой – что, если она все-таки решит остаться, несмотря ни на что?

- Наоборот, это была попытка сохранить тебе жизнь.

- Я и так живая! Я живая! - закричала она.

- В некотором смысле, - не стал спорить ее собеседник.

Они препирались в ее столовой, строительство которой было завершено. Девушка выбрала зелено-розовую гамму красок, деревянную мебель. Она почти скопировала понравившуюся ей барную стойку у Лорана, и ему это льстило. За нее он и приземлился, угостив себя чашкой свежесваренного чая с пирожным. Ему требовалось нечто сладкое, чтобы хоть как-то поднять настроение в этот сумасшедший день.

Ашка к маленькому пиру не присоединилась, но тоже села.

- Тебе все равно, останусь я или нет, ведь так? – угрюмо спросила она.

Лоран отшатнулся и моргнул. Он на секунду почувствовал так, словно она ударила его по лицу, не поняв, откуда взялась агрессия, но потом вспомнил про вчерашний вечер и вздохнул.

- Нет, это не так, - резко ответил он. – Мне жаль, если ты неверно поняла вчерашнее. Я хотел побыть с Греем, но это не значит, что я больше не хочу быть с тобой.

Ашка подняла испытующий взгляд:

- Ты ревнуешь его ко мне?

- Да, есть немного, - признался он, глядя в глаза.

- Ты поэтому стал спать со мной? Хотел ему отомстить или что?

На ее глазах показались слезы, и его руки похолодели. Еще до того, как она закончила вопрос, он начал резко мотать головой:

- Нет. Нет. Ты что, с ума сошла? – тихо спросил он, пониженным от шока голосом. Ему были настолько неприятны ее предположения, что захотелось уйти, но от лишь стиснул челюсти и сердито посмотрел. Чашка с кофе исчезла от взмаха его руки вместе с недоеденным пирожным. Ашка не выдержала взгляда и опустила глаза:

- Тогда как это в тебе сочетается с...

- Я люблю вас обоих и точка. Я не хочу больше никого ни к кому ревновать, и я уверен, что...

Ему в голову вдруг пришла горькая, опустошающая мысль: скоро ее здесь не будет. Так какой же смысл во всем, что он говорит? Может, он должен был пойти на жертву, как Грей? Повелитель мира попытался силой вернуть ее к жизни, понимая, что возможно, она будет его ненавидеть за это. Может, ему следовало бы оттолкнуть ее, чтобы она скорее решилась уйти? Но он не мог. «Я хуже тебя, Люче», - подумал Лоран и коснулся тыльной стороной ладони щеки девушки, лаская ее.

Она взяла его руку обеими ладонями, развернула и прижалась щекой сильнее.

- Уверен в чем?

Ее дыхание щекотало ему ладонь, а бархатные карие глаза смотрели с какой-то легкой неизъяснимой тоской, и вместе с тем - с надеждой.

- Уверен, что если мы любим друг друга, все трое - это правильно. Мы можем оставаться вместе и не делить Грея. И мы с Греем перестанем тебя делить... со временем. Но я не знаю, правильно ли то, что ты здесь, - честно ответил он.

- Не хочу об этом говорить. Я уже здесь и точка. Я уже умерла, - резко сказала она, отпустив его ладонь. Он страдальчески уронил голову на сложенные руки:

- Я хочу, чтобы ты осталась. Я не стану уговаривать тебя уйти.

- И не надо. Мне хватило одного, который уже второй раз повел себя как подонок.

Лоран резко вскинул голову:

- Не смей так говорить. Ты ни черта не поняла.

- Я все поняла! Грей сам признался, что сделал ошибку. Теперь он хочет сделать ее второй раз, прикрываясь теми же благими побуждениями. Нет никаких благих побуждений, которые оправдывали бы насилие.

Его ресницы опустились под гневным взглядом. Возможно, она и права. Но он был настроен поспорить.

- Я знаю одно: Грей не хотел тебе зла. Ты в этом мире всего несколько месяцев, ты не понимаешь, как тут тяжело одним. Я пытался... - у него вырвался вздох перед очередным признанием. - Я пытался несколько лет назад пожить в городе, так мне было одиноко. Я пытался подружиться с людьми, но они все забывают. Они придумывают мне чужие имена, она не запоминают, о чем мы говорили, зато вспоминают то, чего не было. Я сам чуть с ума не сошел, пытаюсь примириться с этим. Я встретил своего знакомого, который был осознанным, когда я пришел. Он даже не узнал меня - это кошмар, это настоящий кошмар, Ашка. Я чувствовал себя спящим, но не надеялся, что проснусь. Ты - глоток свежего воздуха, для нас обоих с Греем, как новый сокамерник для заточенных, но мы по-прежнему в камере. Тебе не будет здесь лучше, чем там.

Говоря все это, Лоран ощутил обреченность - он сам себя так легко убедил за считанные минуты, что ей надо ожить. Как же теперь поверить, что она решит остаться? Зачем бы ей это могло понадобиться?

Словно услышав этот вопрос, Ашка встала и протянула руку:

- Идем, я покажу тебе что-то.

- Если ты про облака...

- Идем.

Ее голос прозвучал так уверенно, что Лоран последовал за ней на лоджию, хотя уже видел прореху утром - Грей показывал.

На улице оказалось прохладно, он поежился, но сразу поднял голову: прореха слегка расширилась с утра. Его глаза сузились от непривычно яркого света и невольно впились в голубой лоскут неба - он не видел его так давно.

- А теперь смотри внимательно, - прошептала Ашка из-за его плеча.

Его взгляд на секунду переместился на нее, но она без отрыва смотрела на небо, и Лоран снова задрал голову. И через минуту из его груди вырвался удивленный вздох, когда он понял, что прореха расширяется на глазах. Через пару секунд их лиц коснулся первый луч солнца.

Когда это произошло - его накрыла такая эйфория, что на несколько секунд мозг выключился.

- Солнце, - прошептал он, протянув к нему руки, словно безумный слепец, который внезапно прозрел. - Солнце...

Он не знал, сколько простоял так, греясь под единственным слабым лучом, но очнулся лишь когда он исчез. Повинуясь инстинктам, Лоран резко повернулся - и как раз вовремя, чтобы подхватить оседающую ему на руки девушку. Ашка потеряла сознание от перенапряжения, и ему ничего не оставалось, кроме как отнести ее безвольное тело на диван в гостиной.

Слегка похлопав ее по щекам, он быстро добился, чтобы ее глаза открылись. И первое, что она сделала после пробуждения - это вцепилась обеими руками в его плечи и приподнялась:

- Я не собираюсь уходить, потому что хочу сделать этот мир лучше. Я сделаю его пригодным для жизни.

Лоран попытался что-то сказать, но Ашка помотала головой. Ее глаза горели ровным ясным светом - в них больше не было ни капли сомнения или страха.

- Я больше не хочу ничего бояться. Даже смерти. Даже смерти, Лоран, - она слегка повысила голос, когда он вновь попытался открыть рот. - Грей сказал, что мне удалось измениться, и он прав. Я больше не хочу страдать, тем более ради старой жизни. Я больше не хочу никуда возвращаться.

Она улыбнулась Лорану и положила ладони на его щеки, вечно покрытые легкой щетиной, которая никогда не росла и никогда не сбивалась. Погладив ее пальцами, Ашка коснулась его мягких теплых губ:

- Ты реальный. Ну, кто может быть живее?

Лоран мягко улыбнулся - в его глазах отражалось восхищение и нескрываемая радость от ее решения остаться. Но после недолгого молчания он произнес с обычной насмешливостью:

- Ну, это зависит от последствий твоего творчества с солнцем. Если ты устроила общегородской блэк-аут, то Грей может отреагировать очень даже живо. Я бы на твоём месте предпочёл пока не показываться ему на глаза.

Грей

Всплеск живой энергии застал его в Основе. Выскочив из нее на южную окраину, он ошеломленно уставился на краешек солнца. И на пару секунд позволил себе просто зажмурить глаза, подставляя лицо чистой теплой энергии Ашки. А потом вернулся в Основу, чтобы подстраховать город. Он сбросил свой поток энергии до минимума, чтобы избежать короткого замыкания и дождался момента, когда новый поток резко выключится, чтобы мгновенно вернуть нормальный уровень. И лишь после полной проверки всего города, которая заняла около часа, повелитель мира поддался эмоциям.

На то, чтобы найти Ашку, потребовалось не больше двух секунд. Грей перенёсся к ней и оказался на окраине восточного квартала, где она медитировала, сидя на асфальте.

- Сила есть - ума не надо? Ты понимаешь, что едва не устроила новое землетрясение? - загремел он, едва она почувствовала его и открыла глаза.

- Прости, - тихо сказала она, безропотно признав вину. И Грей перевёл дыхание вместо того, чтобы отчитывать ее дальше:

- Хорошо.

Несколько шагов по асфальту - и он опустился рядом с ней, вытянув ноги.

- Как ты смог все исправить? - с любопытством спросила она.

- Я был в Основе и все контролировал, - он посмотрел ей в глаза: Но больше так без меня не делай.

- Хорошо.

Она тоже безотрывно смотрела в его глаза.

- Решила остаться?

- Да.

- А как же твои родственники?

Грей знал, что бьет ниже пояса, но он не мог не делать этого. Он обязан был сделать все, чтобы она передумала - иначе не смог бы спать спокойно до конца жизни.

- У меня их очень много. Я не единственный ребенок в семье. Восьмой из двенадцати, если быть точной, - тихо проговорила она. Наша квартира похожа на общежитие. Мама с папой... они хорошие, но у них едва ли находилось больше десяти минут в день на меня. Им даже горевать будет некогда. Братья и сестры переживут - я не любимица.

- Тебе не идет такой цинизм.

- Это не цинизм, это правда жизни. Быт съедает людей заживо, а я художник - я другая. Не

хочу так жить, понимаешь?

Ее полные боли глаза посмотрели на Грея в упор, и он кивнул, убедившись, что она сознательно делает выбор. Он сам ненавидел бытовуху, не понимал, почему люди погружаются в нее с головой, ведь жизнь настолько богаче. Хотя они оба понимали, что по родным она будет скучать. По всем, кого знала.

- А Семь миров? – все же спросил он.

- Думаешь, Ксеар позволит мне что-то там менять? – со смешком спросила она.

Грей снова кивнул, признав поражение: художник, однажды вкусивший сладость такого творчества, отказаться от него не захочет. Он бы и сам уже не хотел возвращаться в чей-то чужой мир – долго думал бы, во всяком случае.

- Хорошо. Ты остаешься. Но если ты еще раз посмеешь хоть что-то изменить в моем мире без моего согласия...

Глаза Ашки широко раскрылись от того, что он повысил голос, и Грей оборвал себя на полуслове. По двум причинам: во-первых, она все и так поняла, а во-вторых, он так и не придумал, чем ей пригрозить.

Он встал, чувствуя на себе ее взгляд. Она задрала голову и счастливо улыбалась ему:

- Я люблю тебя. Ты ведь позволишь мне открыть солнце?

Грей улыбнулся ей в ответ и посмотрел на небо, сощурившись. И медленно улыбнулся:

- Если будешь хорошо себя вести.